UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306835 0
PG
3337
K5A17
1908

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobraniest00kiuk

Polnoe sobranie stikhotvoreniĭ
47

Полное

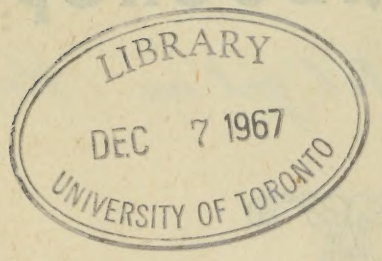
собраніе стихотвореній

В. Кюхельбекера.

Kiukhel'beker, Vil'gel'm Karlovich

Москва—1908 г.
Изданіе „Библіотеки Декабристовъ“.

PG
3337
K5A17
1908



МОСКВА. — 1908.
Типо-литографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА печатнаго и издательск. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ. Телефонъ № 18-35 и 53 95.

Посвящаю Вельтману.

Милостивый государь! Лично ни вы меня, ни я васъ не знаемъ и, вѣроятно, никогда не узнаемъ. Но столько вы мнѣ извѣстны, какъ человѣкъ и оригинальный писатель, что я счелъ бы просто глупостью, если бы передъ словами: Милостивый Государь (за которыми даже нѣтъ вашего святого имени и отчества, потому что я ихъ никогда не слыхалъ) я написалъ господину Вельтману. Вы также мало господинъ, какъ Апулей или Лукіанъ, какъ Сервантесъ или Гофманъ, какъ между нашими земляками, хотя и въ другомъ совершенно родѣ, Державинъ, Жуковскій, Пушкинъ. Вы этого, можетъ быть, по своей скромности, еще не хотите знать, такъ позвольте же, чтобъ человѣкъ, который вамъ ни другъ, ни братъ, ни сватъ, вамъ объ этомъ объявилъ. Вмѣстѣ примите, милостивый государь, мои отрывки: я вамъ ихъ посвящаю, потому что не знаю, чѣмъ инымъ отблагодарить васъ за удовольствіе высокое и живое, какое доставили мнѣ ваши сочиненія. Въ нихъ мысли, а мысли нашей многославной литературы—дѣло не послѣднее. Вашъ покорный слуга Неизвѣстный (В. К. Кюхельбекеръ).

1842 г.

Примѣчаніе. Вильгельмъ Кюхельбекеръ род. въ 1797 г., воспитывался вмѣстѣ съ А. С. Пушкинымъ въ Царскосельскомъ лицеѣ (1811—1817); по выходѣ изъ лицея, посвятилъ себя литературѣ и педагогикѣ. Въ 1826 г., за участіе въ смутѣ 14-го декабря 1825 г., заточенъ въ крѣпость, а въ 1835 г. отправленъ въ Сибирь на поселеніе. Умеръ въ Тобольскѣ 11-го августа 1846 г. Біографія Кюхельбекера, переписка, выдержки изъ дневника и нѣкоторыя стихотворенія напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1875, томы XIII и XIV.

Прим. Рус. Стар.

Вѣчный Жидъ.

ПОЭМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Напечатанные здѣсь [1]) вмѣстѣ отрывки поэмы Агасверъ собственно не иное что, какъ разрозненныя звѣнья безконечной цѣпи, которую можно протянуть черезъ всю область исторіи Римской имперіи, среднихъ вѣковъ и новыхъ до нашихъ дней. Это собственно не поэма, а планъ, рама и вмѣстѣ образчикъ для поэмы всемірной; авторъ представленныхъ здѣсь отрывковъ счелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ быть просто редакторомъ, по крайней мѣрѣ, между своими соотечественниками, хоть малой части столь огромнаго созданія. Агасверъ путешествуетъ изъ вѣка въ вѣкъ, какъ Байроновъ Чайльдъ Гарольдъ изъ одного государства въ другое; передъ нимъ рисуются событія, и неумирающій странникъ на нихъ смотритъ, не безпристрастно, не съ упованіемъ на радостную развязку чудесной драмы, которую видитъ, но какъ близорукій сынъ земли, ибо онъ съ того началъ свое поприще, что предпочелъ земное—небесному. Небо, разумѣется, всегда и вездѣ право; Промыслу нечего передъ нами оправдываться; но не забудемъ же и мы, что если не простремъ взора объ онъ полъ гроба въ область свѣта, истины, духа,—мы никогда лучше Агасвера не постигнемъ святую правду Божію и жребій нашъ при послѣднемъ часѣ нашей жизни—непремѣнно отчаяніе, какъ скорбный жребій послѣдняго человѣка, умирающаго въ окончательномъ отрывкѣ нашей поэмы въ объятіяхъ нетлѣннаго, страшнаго странника.

В. К. Кюхельбекеръ.

---

[1]) Кюхельбекеръ полагалъ видѣть свою поэму напечатанною, но лишь 32 года спустя по его кончинѣ она является въ печати на судъ уже не современниковъ его, а потомства.

Прим. Рус. Стар.

I.

Видалъ ли ты, какъ вѣтеръ предъ собою
По небу гонитъ стадо легкихъ тучъ?
Одна несется быстро за другою
И солнечный перенимаетъ лучъ,
И кроетъ поле мимолетной тѣнью;
За тѣнью тѣнь найдетъ на горы вдругъ,—
Вдругъ нѣтъ ея, вновь ясно все вокругъ,
Свѣтило дня, послушное велѣнью
Создателя, надъ облачной грядой
Паритъ, на землю жаръ свой благодатной
Льетъ съ высоты лазури необъятной
И, блеща, продолжаетъ подвигъ свой.
За племенемъ такъ точно мчится племя
И жизнь за жизнью и за вѣкомъ вѣкъ:
Не тѣнь ли та же гордый человѣкъ?
Людей съ лица земли стираетъ время,
Вотъ какъ ладонь бы стерла со стекла
Паръ отъ дыханья; годы ихъ дѣла
Уносятъ, какъ струя тотъ слѣдъ уноситъ,
Который рябитъ воду, если броситъ
Дитя, рѣзвясь, съ размаху всей руки
Скользящій, гладкій камень въ токъ рѣки.
Взгляни: стоитъ хозяйка молодая
И вотъ, любимцевъ съ кровель созывая,
Имъ сыплетъ щедрой горстью кормъ она;
На зовъ ея, на шумный дождь пшена,
Подъемлются, другъ друга упреждая,
Спѣшатъ, и въ мигъ къ владычицѣ своей
Зеленыхъ, бѣлыхъ, сизыхъ голубей
Слетается воркующая стая....
Подобны имъ мечты слетаютъ въ умъ,
Подобны имъ толпятся въ немъ картины,

Когда склоню пугливый слухъ на шумъ
Огромныхъ крыльевъ Ангела кончины.
Въ душѣ моей всплываетъ образъ тѣхъ,
Которыхъ я любилъ, къ которымъ нынѣ
Ужъ не дойдетъ ни скорбь моя, ни смѣхъ:
Они сокрылись,—я одинъ въ пустынѣ.
И вдругъ мою печаль смѣняетъ страхъ,
Вступаетъ въ мозгъ костей студеный трепетъ,
Дрожащихъ устъ невнятный, слабый лепетъ
Едва промолвить можетъ: „тотъ же прахъ,
Такой же гость ничтожный и мгновенный
За трапезой земного бытія,
Такой же червь, какъ всѣ окрестъ, и я.
Часы несутся: вскорѣ во вселенной
Не обрѣтутъ и слѣда моего;
И я исчезну въ лонѣ Ничего,
Изъ коего для бѣдъ и на истлѣнье
Я вызванъ Рокомъ на одно мгновенье".
Увы, единой Вѣрѣ власть дана
Въ виду глухаго, гробоваго сна.
Спокоить, укрѣпить, утѣшить душу:
Блаженъ, чей вождь въ селеньѣ звѣздъ она!
„Нѣтъ! Своего подобья не разрушу,—
Такъ страху нашихъ трепетныхъ сердецъ
Ея устами говоритъ Творецъ,—
Потухнутъ солнца, сонмы рати звѣздной,
Какъ листья съ древа, такъ падутъ съ небесъ
И бѣгъ прервется міровыхъ колесъ,
Земля поглотится, какъ капля, бездной
И, будто риза, обвештаетъ твердь.
Но мысль—Мой образъ: мысли ли нетлѣнной
Млѣть и дрожать? Ей что такое смерть?
Надъ пепломъ догорающей вселенной,
Надъ прахомъ всѣхъ распавшихся міровъ,
Она полетъ направитъ дерзновенный
Въ Мой домъ, въ страну родимыхъ ей духовъ".
Безсмертья свѣтлаго наслѣдникъ,—я ли
Пребуду сердцемъ прилѣпленъ къ землѣ?
Къ ея обманамъ, призракамъ и мглѣ,
Къ утѣхамъ лживымъ, къ суетной печали

И къ той ничтожной, горестной мечтѣ,
Напитанной убійственной отравой,
Которую въ безумной слѣпотѣ
Мы называемъ счастьемъ или славой?
Смежу ли очи я, когда прозрѣлъ?
Надеждъ моихъ, желаній всѣхъ предѣлъ
Ужель и нынѣ только то, что̀ можетъ
Мнѣ дать юдоль страданья и суетъ?
Или души плѣненной не тревожитъ
Тоска по томъ, чего подъ солнцемъ нѣтъ?
Не пышенъ, но пространенъ и спокоенъ,
Домъ Агасвера при пути построенъ,
Который вьется, будто длинный змѣй,
Изъ стѣнъ Сіонскихъ на тотъ холмъ Костей [1]).
Куда, толпою звѣрской окруженный,
Въ послѣдній день своихъ несчастныхъ дней,
Идетъ, бывало,—казни обреченный.
Съ писаній Маккавеевъ Агасверъ
Подъемлетъ взоры: вечеръ; дня свѣтило
Свой рдяный ликъ на мигъ опять явило;
Но черный облакъ быстрый ходъ простеръ
И преждевременною тьмою нощи
Грозитъ задернуть холмъ, и долъ, и рощи,
И градъ, то погасающій, то вдругъ
Златимый бѣглымъ блескомъ. Мраченъ югъ,
Востокъ и сѣверъ мракомъ покровенны,
И нити мрака, вѣтромъ окрыленны,
По тверди тянутся; вотъ и закатъ,
Мгновенье каждое затканный болѣ,
Темнѣетъ, тускнетъ; потемнѣло поле;
Весь міръ безцвѣтной ризой мглы объятъ.
Вдругъ молнія;—протяжный громъ грохочетъ,
Отзывомъ повторился перекатъ;
Иной сказалъ бы: это бѣсъ хохочетъ
Надъ ужасомъ трепещущей земли.
Не умираетъ гулъ въ глухой дали:
Имъ, возрожденнымъ безпрестанно снова,
Трясется безпрестанно горъ основа.
Склонилъ чело на жилистую длань
И, молча, смотритъ Іудей на брань

И внемлетъ крику бѣшенства мятежныхъ
Стихій, бойцовъ въ поляхъ небесъ безбрежныхъ.
Съ какой-то томной радостію слухъ
Печальнаго впиваетъ рѣчи грома:
Изъ персей рвется жизнь его, влекома
Призывомъ ихъ; ненасытимый духъ
Дрожитъ и алчетъ сочетаться съ ними
И въ даль стремится, въ безпредѣльный путь,
И крыльями разверстыми своими
Тѣснитъ его стонающую грудь.
Но онъ не понялъ, чадо ослѣпленья,
Души своей святаго вожделѣнья,
На всѣ вопросы сердца тамъ отвѣтъ,
Единственный, отрадный, непреложный.
Его зоветъ и манитъ вѣчный свѣтъ,
А взоры онъ вперяетъ въ прахъ ничтожный.
Къ землѣ унынie гнететъ его;
Онъ такъ вѣщаетъ: „Солнце дня сего!
Подобье ты минувшей нашей славы:
Какъ ночь простерлась надъ лицомъ твоимъ,
Такъ на лицо Давидовой державы
Всепожирающій, ужасный Римъ
Набросилъ ночь орловъ своихъ крылами!
Взойдешь и заблестишь заутра ты,
Сразишь побѣдоносными лучами,
Разгонишь свѣтомъ рати темноты....
Но мы, мы позабыты Небесами!
Намъ дня не будетъ.... Строгій Іоаннъ
Лишь обличалъ неправды жизни нашей,
Лишь громъ металъ на злобу, на обманъ,
Намъ лишь грозилъ Господня гнѣва чашей:
Вотще мы вопрошали: „или ты
Обѣтованный царствія наслѣдникъ?“
Отъ имени пророка проповѣдникъ
Отрекся даже.—Тутъ изъ темноты,
Изъ Галилеи, области презрѣнной,
Смѣшаньемъ съ кровью чуждой помраченной [2]),
Великій громъ за молніей своей,
За Іоанномъ, Онъ, непостижимый,
Превознесенный, славимый—гонимый,

Исшелъ—и поразилъ сердца людей!
И нынѣ третій годъ,—и вотъ нѣмые
Пріемлютъ рѣчь, пріемлютъ свѣтъ слѣпые.
Глухіе паки обрѣтаютъ слухъ,
И удержать заклепы гробовые
Не могутъ мертвыхъ, и нечистый духъ
Неодолимымъ словомъ изгоняемъ....
Сомнѣніемъ я долго былъ смущаемъ,
Но наконецъ, благоговѣя, рекъ:
„Нѣтъ! Онъ не намъ подобный человѣкъ;
Онъ Тотъ, Кого отъ Бога ожидаемъ!“
— „Почто же медлитъ? Скоро-ль, скоро-ль Онъ
Вѣнецъ Давида на себя возложитъ,
Шагнетъ—и власть языковъ уничтожитъ
И свободитъ поруганный Сіонъ?“
И всталъ и предъ усиленной грозою
Отходитъ въ храмину, но не къ покою,
А да питаетъ въ лонѣ тишины
Обманчивые, дерзостные сны.
Кто тамъ, путемъ потопленнымъ и позднымъ
Точа съ развитыхъ кудрей и брады,
Напитанной дождемъ, ручьи воды,
Идетъ, спѣшитъ подъ завываньемъ грознымъ
Свистящихъ вѣтровъ, яростныхъ громовъ?
Подъ Агасверовъ непріютный кровъ,
До возрожденья сладостной лазури,
Кто уклониться пожелалъ отъ бури?
Его увидѣлъ съ прага Агасверъ,
Стоитъ и смотритъ; руку тотъ простеръ,
Рукою машетъ, и, сдается, крылья
Ногамъ хотятъ придать его усилья.
Въ туманъ ненастья мещетъ Іудей
Пришельца испытающія очи,
И вотъ, среди взволнованныхъ зыбей
Борьбой стихій усугубленной ночи,
Нечуждыя одежду, поступь, станъ
Распознаетъ: такъ точно! то Наѳанъ—
Всѣхъ тайнъ его участникъ, всѣхъ совѣтовъ.
Клевретъ ему дрожайшій всѣхъ клевретовъ,—
И къ страннику на встрѣчу Іудей

Бросается, заботою подвинутъ,
И нудитъ съ лаской подъ навѣсъ дверей;
Изъ ризы влагу, отъ которой стынутъ
Трепещущіе члены пришлеца,
Желаетъ выжать; но не отраженный
Защитой дома, льяся безъ конца,
Ему смѣется дождь.
За прагъ священный
Шагнули; съ гостя плащъ тяжелый снятъ,
И вотъ они за трапезой сидятъ.
Ужъ чашу трижды, не прервавъ молчанья.
Другъ другу передали; наконецъ,
Вперивъ на брата быстрый взоръ, пришлецъ
Простеръ къ нему крылатыя вѣщанья:
— „Ужели не речешь мнѣ ничего?
Ты что безмолвствуешь въ нѣмой кручинѣ
И какъ не вопрошаешь о причинѣ
Прихода въ домъ твой друга своего?“
Отъ губъ отъемля кубокъ позлащенный,
Тотъ молвить хочетъ, но узрѣлъ въ очахъ
Наперстника восторгъ неизреченный,—
Слова въ отверстыхъ замерли устахъ.
— „Да смолкнутъ,—гость воскликнулъ,—наши пени!
„Другъ, братъ мой! склонимъ передъ Святымъ колѣни!
Я зрѣлъ Его въ Виоаніи: всѣхъ насъ,
Свидѣтелей неслыханному чуду,
Объялъ священный трепетъ... Длить не буду
Повѣствованья—знай: Мессіинъ гласъ
Воззвалъ отъ мертвыхъ Лазарево тѣло;
Оно четвертый день въ гробницѣ тлѣло,
Оно уже распространяло смрадъ;
Но душу выдалъ побѣжденный Адъ:
Живъ Лазарь!—Господомъ благословенный,
Грядетъ народа тьмами окруженный,
Грядетъ Давидовъ сынъ въ Давидовъ градъ!
О, Агасверъ! ты жаждалъ дня избавы—
Насталъ! насталъ!—раздайтесь, пѣсни славы!“
Когда до матери дойдетъ молва
Такая: „Мать, твой сынъ погибъ во брани!“
Какъ цвѣтъ подкошенный, ея глава

Падетъ на перси; длань, прильнувъ ко длани,
Оледенѣетъ; скорбью сражена,
Лежитъ безъ чувства на одрѣ она,
А лишь откроетъ свѣту солнца вѣжды
Снѣдается воскресшею тоской—
Но вдругъ отъ брата слышитъ: „лучъ надежды!
„Невѣрны вѣсти“; жадною душой,
Несытымъ сердцемъ сладость упованья
Въ себя вбираетъ горестная мать;
Межъ тѣмъ ее колеблютъ содроганья:
Недужная не въ силахъ не рыдать.
Подобно въ бурныхъ персяхъ Агасвера
Сражаются сомнѣніе и вѣра.
Но напослѣдокъ побѣдилъ Наѳанъ,
И вотъ ихъ умъ мечтами обуянъ!—
Одна другую въ бѣгѣ упреждая,
При легкомъ, свѣжемъ, быстромъ вѣткѣ,
Струи бѣгутъ и мчатся по рѣкѣ;
Такъ точно и слова, не изсякая,
Спѣшатъ безъ отдыха изъ устъ друзей,
И ихъ надежда дерзкая, слѣпая
Несется по потоку ихъ рѣчей.
Съ мечтами ихъ сравнятся лишь созданья
Главы, жегомой яростнымъ огнемъ,
Непстовствомъ свирѣпаго страданья:
Больной, безсильный утопаетъ въ немъ;
А между тѣмъ предъ нимъ поетъ и пляшетъ
Фантазія, сестра нѣмаго сна,
Порхаетъ и жезломъ волшебнымъ машетъ
И, вымысловъ безчисленныхъ полна,
За мигъ одинъ, быть можетъ, до кончины
Чертитъ предъ нимъ грядущаго картины!
Но вотъ зажглась веселая заря
На искупавшейся дождемъ лазури;
Минула ночь и, вмѣстѣ съ ночью, бури...
Встаютъ и, да привѣтствуютъ Царя,
Нетерпѣливымъ рвеньемъ пламенѣя,
Изъ дома вышли оба Іудея;
Идутъ и стали вдругъ: стоустный гулъ
Летящихъ къ небу кликовъ ликованья

По быстрымъ хлябямъ вѣтрова дыханья
Ихъ алчущаго слуха досягнулъ.
Взошли на холмъ,—и сонмъ необозримый
Явился взорамъ ихъ съ того холма:
Волнуется народу тьма и тьма—
И се—грядетъ Онъ Самъ, превозносимый,
Благословляемый восторгомъ тѣхъ,
Которымъ будетъ Онъ въ соблазнъ и грѣхъ,
Которыхъ нынѣ радостные лики
Поютъ: „осанна!“—но настанутъ дни,
И близки,—ихъ же яростные крики
Возопіютъ: „распни Его! распни!“—
Уже они вступили въ стѣны града,
И Агасверъ мечтаетъ: „нынѣ чада
Израиля провозгласятъ Его;
Онъ сниметъ плѣнъ съ народа Своего!“
Но, узъ инаго плѣна разрѣшитель,
Христосъ остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ:
Не грозный вождь, не дерзостный воитель,
Предъ коимъ въ страхѣ обращаютъ тылъ
Полки враговъ,—нѣтъ, скорбныхъ утѣшитель,
Безсмертныхъ истинъ кроткій возвѣститель,
Недужныхъ другъ и врачъ больныхъ сердецъ.
И что же? соблазняется слѣпецъ;
Еврей тупой, строптивый и безумный
Едва удерживаетъ ропотъ шумный;
Но ждетъ еще и молвилъ: „Онъ въ ночи
Велитъ избранникамъ и приближеннымъ
На сопостатовъ обнажить мечи,
Или друзьямъ, быть можетъ, отдаленнымъ
Даруетъ время къ подвигу поспѣть,
И съ ними на противниковъ безпечныхъ
Нечаянно и вдругъ накинетъ сѣть“.
Въ надеждѣ, въ страхѣ, въ мятежахъ сердечныхъ
Проходитъ для него другая ночь:
„Онъ скоро ли рѣшится намъ помочь?“
Нѣтъ, и не мыслитъ возвратить свободу
Спаситель всѣхъ Адамовыхъ сыновъ
Нетерпящему временныхъ оковъ,
Но къ вѣчнымъ равнодушному народу!

Тутъ сыну праха Божій Сынъ постылъ:
И вотъ, угрюмъ и гнѣвенъ и унылъ,
Лишась надежды, суетный и лживый,
Христа покинулъ Агасверъ кичливый.—
Въ самомъ Христѣ одну свою мечту
Онъ обожалъ; онъ плакалъ отъ утраты,
Его восторгъ былъ только блескъ крылатый,
Который, разрывая темноту,
Средь черныхъ тучъ ненастной, грозной ночи
Мелькнетъ, сверкнетъ въ испуганныя очи—
Вдругъ нѣтъ его, исчезъ пустой призракъ
И вслѣдъ надъ потрясенными горами
Ревутъ, грохочутъ громы за громами,
И сталъ еще мрачнѣе прежній мракъ.
И вотъ, смущаемъ адскими духами,
Отступникъ въ сердцѣ обращаетъ грѣхъ,
И на устахъ его безчеловѣчный,
Въ самомъ безмолвіи ужасный, смѣхъ—
Изобличитель ярости сердечной.
Пришелъ Наѳанъ на третій день къ нему
И молвилъ:—„въ Каіафиномъ дому
Сбираются и умышляютъ ковы
Жрецы и книжники, враги Христовы“.
А онъ—ни слова, мрачный и суровый;
Его уста язвительно молчатъ;
Онъ, мнится, мразомъ мертвеннымъ объятъ.
Не удивленъ наперсникъ: вѣдь къ печали
Тяжелой Агасверовой привыкъ
И вѣдаетъ, страданья налагали
Всегда оковы на его языкъ.
Но что́ бы было, ежели бы ясно
И вдругъ разоблачилося предъ нимъ,
Что̀ давитъ такъ безгласно, такъ ужасно
Того, кто сердцемъ породнился съ нимъ?
Въ четвертый день, весь искаженъ испугомъ,
Ногами слабыми едва несомъ,
Какъ человѣкъ, предъ коимъ съ неба громъ
Ударилъ въ землю, другъ предсталъ предъ другомъ.
Упалъ на ложе и, лишенный силъ,
Въ слезахъ, трепеща, съ воплемъ возопилъ:

—„Сбылось! сбылось! увы! на смерть, на муки,
Влекутъ Его злодѣи: преданъ! взятъ!
Его Іуда предалъ! Лицемѣры
Въ безбожной радости не знаютъ мѣры:
Ему за срамъ свой нынѣ отомстятъ,
Ему за слово каждое отплатятъ!
И времени свирѣпые не тратятъ:
Я видѣлъ, Онъ ужъ ими приведенъ
Къ намѣстнику на судъ; а наущенъ
Коварными, злохитрыми жрецами,
Народъ реветъ, стекаяся толпами:
„Смерть, смерть Ему! Онъ смерти обреченъ!“
Какъ столпъ огня, который, рдянъ и страшенъ,
Средь темноты, средь тишины ночной,
Когда надъ градомъ гибельный покой,
Поднимется и взыдетъ выше башенъ,—
Такъ грѣшникъ вспрянулъ, блѣденъ, мраченъ, дикъ.
И вотъ издалъ, трясяся, звѣрскій крикъ
(Въ томъ крикѣ хохотъ, визгъ, и стонъ, и скрежетъ,
И, словно вопль казнимыхъ, душу рѣжетъ).
Потомъ подходитъ къ другу своему
И смотритъ на него, какъ житель ада,
И съ смѣхомъ повторяетъ: „смерть Ему
И да не явится Ему пощада!“—
Дрожа, отпрянулъ отъ него Наоанъ,
И мыслитъ: „сонъ ли безобразный вижу?“
Но, лютымъ бѣснованьемъ обуянъ
„Безумца“,—тотъ лепечетъ,—„ненавижу!
Онъ могъ—но разгадать Онъ не умѣлъ
Сердецъ народа... Смерть и поношенье
Да будетъ вѣчно всякому удѣлъ,
Кто насъ введетъ въ безплодное прельщенье!“
И бѣшеный не кончилъ буйныхъ словъ,
Какъ вдругъ отъ стука, топота и гула,
Отъ грохота бряцающихъ щитовъ,
Потрясся воздухъ и земля дрогнула:
Идетъ, поникнувъ божескимъ челомъ,
Поруганный народомъ легковѣрнымъ,
Растерзанный, согбенный подъ крестомъ,
Подъ бременемъ страданій непомѣрнымъ,

Идетъ Податель жизни къ торжествамъ,
Къ пріятью чистой, невечерней славы.
Туда, гдѣ гордымъ, буйственнымъ очамъ
Единый видится конецъ кровавый,
Гдѣ имъ понятны только смерть и срамъ.
„Увы! ведутъ!“—воскликнулъ посѣтитель,
И замеръ на устахъ дрожащій гласъ.
Но сердце Агасвера духъ губитель
Окаменилъ въ ужасный оный часъ:
Онъ въ двери дома своего исходитъ
И шепчетъ: „покиваю же главой,
Унижу, посрамлю Его хулой!“
И сталъ, и взоръ неистовый возводитъ,
И, жадный, ищетъ жертвы средь толпы.
Въ пути коснѣютъ тяжкія стопы
Спасителя: подъ кровомъ Агасвера
Остановился Онъ. Тогда грѣховъ
Отступника исполнилася мѣра:
Хотѣлъ вѣщать—не можетъ; но безъ словъ
Отъ прага оттолкнулъ, немилосердный,
Того, Кто бы смягчилъ и камень твердый,
Кто шелъ на муку за своихъ враговъ! [3]).

Примѣчанія.

1. Холмъ или гора Костей, череповъ, въ Славянскомъ текстѣ: краніево мѣсто, у Лютера: Schädelstätte, Κρανίου τόπος, Голгоѳа—мѣсто казни, нѣсколько стадій или поприщъ отъ Іерусалима.

2. Галилея была населена евреями, но между ними жило множество и самаритянъ, и язычниковъ, между прочимъ, и галлатовъ или азіатскихъ галловъ—остатокъ отъ нашествія галловъ при второмъ Бреннѣ.

3. Если поэтъ не довольно ясно высказалъ то, что хотѣлъ сказать этимъ отрывкомъ, такъ пусть это замѣчаніе въ прозѣ доскажетъ его мысль. Въ такомъ: пусть, можетъ быть, болѣе самоотверженія, чѣмъ бы то иной думалъ.—Замѣчаніе въ прозѣ, разъясняющее цѣлую поэму или, по крайней мѣрѣ, довольно пространный отрывокъ, въ которомъ есть же нѣчто цѣлое, почти не что иное, какъ явное признаніе, что мысль въ поэмѣ, въ отрывкѣ, развернута неудовлетворительно: а легко ли для самолюбія стихотворца признаться въ подобномъ промахѣ? Конечно, тутъ можно бы было и сказать кое-что въ защиту этой неясности, этой неудовлетворительности, но — оставимъ:

II.

Сіонъ лежалъ въ осадѣ; оскверненный
Убійствомъ и нечестьемъ, градъ священный
Подъ пыткою кровавой умиралъ.
Евреевъ буйныхъ дикій гладъ снѣдалъ
И вызвалъ въ жизнь чудовищное дѣло
(Злодѣи даже вздрогли отъ него):
Зарѣзала младенца своего,
Сожрать рѣшилась трепетное тѣло
Роднаго сына мерзостная мать [1]).
Былъ третій годъ въ исходѣ. Ночь нѣмая
Едва могла расторгнуть съ ратью рать:
Ногами груды труповъ попирая,
Вторгаясь въ стѣны, пламени предать
Святыню порывалися трикраты
Когорты римскія; едва самъ Титъ [2])
Ихъ удержалъ. Заутра запретитъ,
Но глухи будутъ: шлемы ихъ и латы
Не красная денница озлатитъ,—
Ужасная неслыханная кара
Ихъ въ кровь одѣнетъ свѣточемъ пожара.
И было ужъ за полночь: освѣщалъ
Зловѣщій лучъ кометы темя скалъ,

авторъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, болѣе дорожитъ своею мыслію, чѣмъ стихотвореніемъ, въ которомъ она—хорошо ли, худо ли—изложена. „Воздадите Кесарева—Кесареви, а Божія Богови". Отъ святыни, отъ человѣковъ Божіихъ не требуйте никогда и ничего, что не до нихъ касается: пусть религія не будетъ для васъ никогда средствомъ для достиженія мірскихъ цѣлей, какъ бы, впрочемъ, эти цѣли ни были благородны и высоки. Даже тѣ, которые, напримѣръ, какъ испанское духовенство въ войну съ Наполеономъ, употребляли вѣру для воспламененія любви къ Отечеству и ненависти къ чужеземному владычеству, все-таки унижали ея чистую святость—и въ своихъ понятіяхъ не слишкомъ разнствовали отъ утилитарнаго богохульства нѣкоторыхъ философовъ XVIII вѣка, говорившихъ, что религія—очень недурная выдумка для обузданія глупой черни.

В. К.

Дремавшихъ полукругомъ въ темной дали;
Катилъ унылыя струи Кедронъ,
И, мнилось, былъ въ струяхъ тѣхъ слышенъ стонъ.
Онѣ, казалось, въ пасмурной печали
О гибели Израиля рыдали.
Въ послѣдній разъ предъ смертью тяжкій сонъ
Смежилъ народу страждущія вѣжды,
Лишенному и силы и надежды.
Близь храма, на развалинахъ забралъ
Твердыни рухнувшей, которой далъ
Антоній имя [3]),—въ думы погруженный,
На стражѣ юный іудей стоялъ,
Сухой, какъ остовъ, блѣдный, изнуренный
И бдѣньемъ, и неистовой нуждой,
И битвой; а когда-то красотой
И мощью и породою высокой
Былъ знаменитъ Іосифъ черноокій.
И съ нимъ бесѣдовалъ другой Еврей—
Не воинъ, жрецъ ли или фарисей,
А только безъ меча и сбруи бранной,
Средь тьмы всеобщей, въ грозной тишинѣ,
Въ кидарѣ [4]), въ ризѣ бѣлой и пространной,
Пришелъ онъ по изъявленной стѣнѣ,
Мелькая, словно призракъ полуночи.
И вдругъ изъ мрака огненныя очи,
Угрюмъ, таинственъ, въ юношу вперилъ
И ставъ: „о чемъ мечтаешь?“ вопросилъ.
„Увы!“—воскликнулъ витязь черноокій,
„Тебя не знаю; мнѣ твои черты
Невѣдомы; однако молвлю: ты
Быть долженъ мужъ безжалостно жестокій....
Скажи мнѣ: бѣдныя мои мечты
Что сдѣлали тебѣ? Зачѣмъ ихъ чары
Разрушить было? Я такъ счастливъ былъ!
Забыты были ужасы и кары;
Грустя безъ боли, сладостно унылъ,
Былъ ими унесенъ я въ глубь былаго!
Я былъ въ Саронѣ: чуждый битвъ и грозъ,
Въ наслѣдьи моего отца сѣдаго
Бродилъ я тихо вдоль ручья живаго,

Подъ сѣнью нашихъ пальмъ и нашихъ лозъ;
Не видя труповъ и не слыша стона,
Внималъ я трелямъ соловья Сарона
И душу обоняль Саронскихъ розъ,
Родныхъ мнѣ, славныхъ въ пѣсняхъ Соломона [3])
Любовь забудешь тамъ, гдѣ стынетъ кровь.
Гдѣ брань и гладъ, мятежъ и моръ пируютъ:
Но пусть меня безумцемъ именуютъ
(Повѣришь ли?), я вспомнилъ и любовь!
Сдавалось, будто мечъ принявъ впервые,
Готовлюсь стѣны защищать святыя
И разстаюсь, сдавалось, съ милой я...
Клянусь, пришелецъ! предо мной стояла
Моя Деввора, свѣтъ мой, жизнь моя,
Такъ точно, какъ когда, замлѣвъ, упала
На грудь мою и простонала: „другъ,
„Прости на вѣки: нѣтъ тебѣ возврата!“
Ахъ! знать, была предвѣдѣньемъ объята
Душа любезной: въ мой родимый кругъ,
Въ ея объятья, мнѣ изъ бойни ратной
На вѣки отнятъ, запертъ путь обратный;
Заутра черви ждутъ насъ, мракъ и тлѣнъ.
Всѣ мы умремъ заутра“.—„Тотъ блаженъ,
Кто умираетъ“—рекъ пришелецъ; „всѣ вы
Умрете, счастливыя дѣти Еввы,
А тотъ, кто не умретъ,—увы ему!“—
И замолчалъ.
Тогда нѣмую тьму
Разрѣзалъ вопль протяжный: „гласъ совсюду.
„Отколѣ вѣтры дышатъ, гласъ грѣха
„На градъ сей и на храмъ, на жениха
„И на невѣсту, на всего Іуду!“
Былъ ужасомъ напитанъ томный вой,
Весь болію проникнутъ, дикъ и страненъ.
Но, нѣкой мощной думой отуманенъ,
Внялъ безъ движенья, хладною душой
Его рыданью мужъ въ одеждѣ бѣлой
Не такъ Іосифъ; хоть и воинъ смѣлый
И среди сѣчъ, и глада, и заразъ
Взиралъ въ лицо погибели не разъ,

Но весь затрясся,—блѣдный, охладѣлый.
Или впервые бѣдственный привѣтъ
Въ ту роковую ночь услышалъ?—Нѣтъ!
Вотъ даже и вопроса отъ пришельца
Не выждалъ же, а молвилъ: „странникъ, знай:
Не песъ то плачетъ, позабывшій лай,
Безъ пищи, безъ пріюта и владѣльца;
Не стонетъ то и буря нараспѣвъ:
Къ Іудѣ то исходитъ Божій гнѣвъ
Изъ темныхъ устъ простаго земледѣльца.
Его всѣ знаютъ; домъ его стоялъ
На южномъ склонѣ Элеонскихъ скалъ...
Четыре года до разгара брани
(Въ то время мы еще платили дани,
А только тайно на ночной совѣтъ
Клеврета началъ зазывать клеветъ),
Однажды онъ сказалъ: „Пойду я въ поле“,
И ужъ въ свой домъ не возвращался болѣ,
Исчезъ безъ слѣда.—Вотъ потомъ насталъ
Веселый первый день Седьмицы Кущей [6]).
И на равнинѣ, радостью цвѣтущей,
Народъ внѣ града шумно пировалъ,
Безпечный, подъ роскошными древами.
Вдругъ,—съ чудно искривленными чертами,
Явился онъ средь смѣховъ и забавъ,
Въ очахъ съ огнемъ зловѣщимъ изступленья,
Безгласный, страшный, мнилось, обуявъ
Отъ несказанно тяжкаго видѣнья.
Престали пляски: трепета полны,
Вдругъ поблѣднѣли всѣ средь тишины,
Упавшей будто съ неба—столь мгновенной;
Всѣ взоры на него устремлены;
А онъ стоитъ движенія лишенный,
Стоитъ и смотритъ, словно ликъ луны,
Живой мертвецъ, безчувственный и хладный;
Въ сердца всѣхъ льется ужасъ безотрадный!
Но вотъ уже усталый день погасъ,
По мановенію десницы ночи,
Безмолвныхъ звѣздъ безчисленныя очи
Проглянули: тогда, въ священный часъ,
Когда земля подъ сѣнью покрывала,

Сотканнаго изъ сна и темноты,
Усталая протяжнѣй задышала,
И смолкли шумъ и рокотъ суеты,—
Въ тотъ часъ онъ ожилъ и на стѣны града
Взошелъ, посланникъ Бога или Ада,
И сталъ ходить и: „васъ Владыка силъ
Отринулъ! горе, горе!“—возопилъ.
Былъ взятъ ночною стражей изступленный,
Съ зарей его къ префекту привели;
Но, вопрошенъ правителемъ земли,
Онъ, какъ кумиръ, изъ древа сотворенный,
Какъ трупъ, въ которомъ жизни лучъ потухъ,
Какъ камень, оставался нѣмъ и глухъ.
Предать его свирѣпымъ истязаньямъ
Велѣлъ намѣстникъ.—Что же? мертвъ къ страданьямъ,
Онъ ихъ и не примѣтилъ; утомилъ
Мучителей провидѣцъ. „Ты безумный“,
Рѣшилъ префектъ и вѣдца отпустилъ.
И снова день и суетный и шумный
Предъ матерью таинственныхъ свѣтилъ,
Предъ влажной ночью скрылся за горами,
И снова надъ Израиля сынами
Глашатай бѣдъ и горя возопилъ;
И съ той поры, чудесно постоянный,
Не уступая ни тревогѣ бранной,
Ни ужасу неистовыхъ крамолъ,
На стѣны еженочно онъ восходитъ
И еженочно бѣдственный глаголъ
И на безстрашныхъ страхъ и дрожь наводитъ.
Когда же день займется,—нѣмота
Смыкаетъ блѣдныя его уста,
И онъ ужъ не живетъ, а только дышетъ:
Клянутъ его—стоитъ, молчитъ, не слышитъ;
Ударятъ—даже взоромъ не сверкнетъ;
Предложатъ брашно, скажутъ: „ѣшь во здравье!“
Онъ жретъ, какъ звѣрь, и, не взглянувъ, уйдетъ.
Ему равны и слава, и безславье,
И жизнь, и смерть, и злоба, и любовь,—
И, мнится, въ жилахъ у него не кровь“ [7]).

Тутъ воинъ смолкъ, а тихими шагами

Тотъ приближался. Сѣрыми волнами
Трепещущей, невѣрной темноты
Смывались мутныя его черты.
Вдругъ замахалъ засохшими руками,
Сталъ прядать и, дрожа, завóпилъ онъ:
„Увы народу, граду и святынѣ!“
И въ тотъ же мигъ расторгся чуткій сонъ
По всѣмъ холмамъ окрестнымъ и въ равнинѣ,
Покрытой тяготою римскихъ силъ.
И снова онъ и громче возгласилъ:
„Увы народу, граду и святынѣ!“—
И, дня не выждавъ, грозный легіонъ
На новый приступъ ринулся къ твердынѣ;
Вотъ и другой, вотъ третій грозный стонъ,
Ревъ оглушительный со всѣхъ сторонъ—
Глаголъ войны, какъ громъ небесный, грянулъ
И съ скрежетомъ слился.—Весь станъ воспрянулъ.
Насталъ Израилевъ послѣдній бой;
Послѣдній часъ Сіона тьму нѣмую
Вдругъ превратилъ въ денницу роковую,
Въ единый, общій, нераздѣльный вой.
Стрѣламъ навстрѣчу стрѣлы, камню камень
Несутся съ визгомъ; щитъ разбитъ о щитъ,
Мечъ ломится о мечъ; смола кипитъ;
Клокоча, лижетъ домы жадный пламень...
И ужъ въ стѣнахъ Сіона смерть и Титъ
Іосифъ доблестный примкнулъ къ дружинѣ [8])
Сыновъ Исава; бьются; онъ глядитъ—
И что же? Книжникъ тотъ или левитъ,
Съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ, утесъ въ пучинѣ,
Безъ брони, безъ щита, предъ нимъ стоитъ.
„Прочь! ты не воинъ: удались, пришелецъ!
„Безъ пользы гибнешь!“ юноша вскричалъ;
Но тотъ главою, молча, покачалъ.
А между тѣмъ зловѣщій земледѣлецъ
На нихъ и битву съ высоты забралъ
Смотрѣлъ и не безчувственъ, какъ бывало:
Ужъ нынѣ истребленье не въ зерцало,
Не въ мутный призракъ свой кровавый ликъ
Предъ нимъ изъ-за дрожащей мглы бросало;

Онъ видитъ, явно Самъ Господь приникъ
Съ десницей гнѣвной, грозно вознесенной,
На градъ Свой, запустѣнью обреченный!
Подъ стонъ и громъ, средь дыму и огня,
Подъ дождь багровыхъ искръ, при крикахъ звѣрскихъ,
Слила въ одинъ ужасный комъ рѣзня
Отважныхъ Римлянъ и Евреевъ дерзкихъ.
Борьба стрѣльбу смѣнила,—ножъ, кинжалъ
Смѣнили лукъ и дротикъ. Тотъ, кто палъ,
Еще пяту врага грызетъ зубами;
Другой пронзенъ и на копье подятъ,
Но гибнетъ вмѣстѣ съ нимъ и сопостатъ:
Вверхъ мечъ вознесъ обѣими руками,
Напрягъ страдалецъ весь остатокъ силъ,
Скрежеща, бьется, вьется, леденѣя,
И... свистнулъ въ темя своего злодѣя
И шлемъ его и черепъ раздвоилъ.
Вотще!—Сіяніе твоихъ свѣтилъ
Погасло: издыхаешь, Іудея!
Въ твоей крови купаетъ ноги врагъ
И все впередъ, впередъ за шагомъ шагъ,
И вотъ твой храмъ вспылалъ, и вотъ въ твердынѣ
Орелъ,—и сорванъ твой послѣдній стягъ.
„Увы народу, граду и святынѣ!“
Тутъ въ третій разъ загадочный левитъ
Услышалъ; смотритъ: тамъ предъ нимъ лежитъ
Растоптанный Іосифъ черноокій;
Вдругъ, весь въ огнѣ, съ зубца стѣны высокой:
„Увы и мнѣ!“—глашатай бѣдъ завылъ
И въ бездну рухнулъ съ рухнувшей стѣной.
Но цѣлъ левитъ: не сѣнь ли дивныхъ крылъ
Простеръ Безплотный надъ его главою?
Онъ жаждалъ смерти. Чтожъ? гдѣ пали тьмы,
Гдѣ съ матерями издыхали чада,
Гдѣ взгромоздились мертвыхъ тѣлъ холмы,
Тамъ только одному ему пощада—
Жестокая пощада!—„Спите вы,
„Вы всѣ, потопшіе въ кровавомъ морѣ!“
Такъ онъ промолвилъ: „Горе! горе, горе
„Мнѣ одному! ахъ! живъ я: мнѣ увы!“—

III.

НѢКТО.

Все это только значитъ, что солгали
Пророки ваши; или, подожди:
Еще, быть можетъ, слава впереди,
Которую они вамъ обѣщали!
А что, по-моему, къ земному сынъ земли
Стремиться долженъ. Призраки, туманы,
Поэтовъ и софистовъ—бредъ, обманы
И ложь жрецовъ въ надоблачной дали.
Взгляни на Римлянъ—властелины міра!
Другъ, отчего? безъ грезъ пустыхъ они
Для міра, не для синихъ странъ эѳира,
Не сложа рукъ, проводятъ въ мірѣ дни.
Ты скажешь: „не было у нихъ Гомера,

Примѣчанія.

1. Объ этомъ ужасномъ дѣлѣ разсказываетъ подробно въ своей исторіи Флавій Іосифъ (котораго, скажемъ мимоходомъ, несправедливо называютъ Іосифомъ Флавіемъ).

2. Титъ, по свидѣтельству того же историка, не желалъ, чтобы взяли его воины Іерусалимъ приступомъ, потому что хотѣлъ сохранить храмъ, какъ примѣчательный памятникъ зодчества.

3. Цитадель, построенная по приказанію Антонія и носившая его имя.

4. Кидаръ—родъ чалмы.

5. См. книгу: Пѣснь пѣсней, гл. 2, стихъ 1 и слѣдующіе.

6. Седьмица кущей — извѣстный лѣтній праздникъ у іудеевъ.

7. Лицо, которое здѣсь выводится на сцену, не вымышленное. О немъ упоминаетъ Іосифъ, а Евсевій подробно разсказываетъ его исторію: былъ онъ сынъ земледѣльца, по имени Ананія, а самъ звался Іисусомъ. Въ послѣднія 50 лѣтъ онъ пріобрѣлъ нѣкоторую знаменитость по извѣстному пророчеству Казота.

8. Сыны Исава, т.-е. Едомляне или Идумеи, составили дружину и прислали на помощь осажденному Іерусалиму. Эта дружина отличалась нетолько храбростью, но и благоразуміемъ и повиновеніемъ своимъ вождямъ и первосвященникамъ Іерусалимскимъ: на нее одну почти только и могла положиться, среди всеобщихъ смутъ, раздоровъ и буйствъ, партія еврейскихъ умѣренныхъ, доктринеровъ, къ которой принадлежалъ и самъ Іосифъ.

В. К.

Платона не было“.—Что нужды въ томъ?
Звучнѣе лиры бронаносный громъ;
Платонъ же... Богъ съ нимъ! Безъ его примѣра,
Безъ книгъ, въ которыхъ много словъ и сновъ,
А толку мало, темныхъ болтуновъ
И между Грековъ было бы поменѣ.
Всѣ пѣсни, всѣ искусства, всѣ дары
Харитъ и Музъ—подобны пѣнѣ,
Похожи на шары
Изъ воздуха и мыла: пышны, блещутъ,
Но дунь; мгновенно затрепещутъ
И—лопнутъ. То ли дѣло власть
И страхъ, который навожу на ближнихъ,
Готовыхъ въ прахъ передо мною пасть?
Богатство, сила, блескъ почище вздоровъ книжныхъ.

АГАСВЕРЪ.

Не вѣруешь ты въ чудеса;
Тебя послушать: пусты небеса,
Нѣтъ никого, кто бы оттолѣ,
Господь и Судія, радѣлъ о нашей долѣ
И извѣщалъ бы о себѣ
Въ видѣньяхъ прозорливцевъ вдохновенныхъ
И грозныхъ знаменьяхъ.—Но о судьбѣ
Моихъ согражданъ, тьмами побіенныхъ,
Въ убогихъ же остаткахъ расточенныхъ
По всей поверхности земной,
О страшной гибели страны моей родной,
О запустѣніи святаго града
Отъ мятежа, враговъ, огня, заразъ и глада,
Что скажешь?—На людей, на градъ и храмъ
Сошелъ же Рокъ и—по Его словамъ
За смерть Его намъ, нечестивымъ, въ кару,
Богъ повелѣлъ мечу, и язвѣ, и пожару,
И чтожъ? пожрала насъ неслыханная казнь!
Не спорить мнѣ съ тобой; не хитрый я витія;
Но... исповѣдую души моей боязнь:
Онъ, можетъ быть, и впрямь Мессія,
И согрѣшили мы,
Что отъ сошедшаго съ небесъ въ юдоль печали—

Да будетъ свѣтомъ среди тьмы,
Владычества земнаго ожидали.

НѢКТО.

Пріятель, это все мечты
Больнаго воображенья:
На страхи произвольной слѣпоты
Отвѣтъ — улыбка сожалѣнья.

АГАСВЕРЪ.

Онъ рекъ мнѣ: „будешь жить“, чтожъ? скорбную главу
Подъ градъ я подставлялъ каменьевъ раскаленныхъ.
Бросался на враговъ, побѣдой разъяренныхъ,
Грудь открывалъ мечамъ и копьямъ... Но—живу!

НѢКТО.

И поздравляю, потому что въ гробѣ
Едва ли веселѣе, чѣмъ у насъ:
Хотя порою, подъ сердитый часъ,
О глупости, о злобѣ,
О мерзости людской,
И много говоритъ иной,
Но даже Персій злорѣчивый
И гнѣвный Ювеналъ
Не поспѣшатъ запрятаться въ подвалъ,
Гдѣ умный и дуракъ, ханжа и нечестивый,
Средь непробудной тишины,
Средь мрака вѣчнаго—равны.
Что живъ ты—случай, и при томъ счастливый.

АГАСВЕРЪ.

Я не старѣю; измѣненью лѣтъ,
Такъ мнѣ сдается, не подверженъ,
Не чувствую упадка силы...

НѢКТО.

Нѣтъ?—
Ты, вѣрно, въ молодости былъ воздержень.
Такъ Нѣкто, издѣваясь, возражалъ
Казнимому безсмертьемъ Агасверу,

Когда уже былъ путь его не малъ,
Но не шагнулъ еще за роковую мѣру,
За грань послѣднюю, какую указалъ
Отецъ временъ и вѣковъ
Тревожной жизни человѣковъ:
Въ тѣ дни вѣнчанный славою Траянъ
Сидѣлъ надъ той громадой царствъ и странъ,
Которую, тщеславьемъ ослѣпленный,
То гнусный рабъ, то мерзостный тиранъ,
Потомокъ Брута называлъ вселенной [1]).
Но съ кѣмъ же скорбный Іудей
Велъ разговоръ средь плачущей пустыни,
На пеплѣ Соломоновой святыни,
Въ глухую ночь, подъ вой звѣрей,
Которые, ногами землю роя,
Искали труповъ, жертвъ отчаяннаго боя? [2])
Что отвѣчать мнѣ вамъ,
Питомцы мудрости высокомѣрной?
Вашъ родъ строптивый—родъ невѣрный:
На посмѣянье ли вамъ свой разсказъ я дамъ?
Вы, праха легкомысленныя чада,
За чашей искрометнаго вина
Поете: „Смертнымъ жизнь на мигъ подарена,
„А тамъ нѣтъ ничего, нѣтъ рая, нѣтъ и ада!“
Вы на водѣ, на прозѣ взращены:
Для васъ поэзія и міръ безъ глубины...
Для васъ ученія Садокова [3]) наслѣдникъ
Такой же, какъ и тотъ, еврей,
Или, пожалуй, грекъ-эпикурей,
Скитальца просвѣщенный собесѣдникъ.
Великій Мильтонъ... „Мильтонъ здѣсь къ чему?
„Тебѣ-ль равняться съ нимъ?“ — Съ титаномъ — мнѣ, пигмею?
Не оскорбленье ли тому,
Предъ кѣмъ благоговѣю,
И отвѣчать-то вамъ?—Но выпалъ вѣкъ ему,
Который не чета же моему:
Пылалъ еще въ то время вѣры пламень
И, какъ въ напитанный огнемъ священнымъ камень,
Такъ ударялъ въ сердца пѣвецъ—

И вылетали искры изъ сердецъ!
Онъ Бога возвѣщалъ: что жъ? и дышать не смѣя,
Ему внимали; славилъ красоту:
Влюблялся міръ въ его волшебную мечту;
Перуномъ поражалъ злодѣя:
Злодѣй дрожалъ; или, проникнутъ самъ
Испугомъ вѣщимъ, духа отрицанья
Являлъ испуганнымъ очамъ—
И въ души проливалъ потоки содроганья.
Да! не въ метафору въ тѣ дни и смерть и грѣхъ [4]),
А въ зримое лицо, въ чудовищное тѣло
Поэта вдохновеніе одѣло.
Что-жъ? объ закладъ: теперь и онъ бы встрѣтилъ смѣхъ!
Какъ напримѣръ, предъ вами молвить смѣло:
Блестящихъ Ангеловъ въ златыхъ поляхъ небесъ
Привыкъ я видѣть, да и бѣсъ
Не мертвенное зло, безъ бытія живаго,
Не отвлеченіе, а точно падшій духъ
И врагъ свирѣпый племени людскаго.
Не такъ ли? хохотъ вашъ тутъ поразитъ мой слухъ:
„Ступай и бреднями пугай старухъ;
„Кажи не намъ, а ребятишкамъ буку!“
Ужъ такъ и быть! Навесть и страшно скуку,
Но кончу исповѣдь свою:
За Фауста я себя не выдаю,
А попадался мнѣ и видимо лукавый;
Не окруженъ, конечно, адской славой,
Не гадкая та харя, съ коей насъ
Знакомятъ сказки, Дантъ и Тассъ [5])—
Въ пристойномъ видѣ, для стиховъ негодномъ,
То въ рясѣ, то во фракѣ модномъ,
То въ эполетахъ (въ нашъ любезный вѣкъ
И онъ премилый человѣкъ!).
Я узнавалъ не по наряду,
Не по улыбкѣ, не по взгляду,—
По языку я узнавалъ его;
Его холодный, благозвучный лепетъ
Рвалъ струны сердца моего;
Я ужасъ ощущалъ, и обморокъ, и трепетъ.
А онъ учтиво продолжалъ:

„Итакъ, я, кажется, вамъ доказалъ:
„Богъ, красота, добро, безсмертье—предразсудокъ
„И глупость, стало быть, единственный порокъ;
„Вселенной правитъ Случай или Рокъ,
„Людьми же—похоть и желудокъ“.
Довольно!—Напослѣдокъ, не тая
И не робѣя, объявлю же я:
На пеплѣ и костяхъ Давидовой столицы,
Такъ къ Агасверу Нѣкто приступилъ,
Извѣстный нѣкогда подъ именемъ Денницы,
И сатаны, и князя темныхъ силъ,
Но эти прозвища онъ въ старину носилъ.
Въ то время властвовалъ,—я вамъ сказалъ, Траянъ:
При немъ народные злодѣи,
Наушники, не растравляли ранъ
Республики; патриціевъ со львами
Онъ въ циркъ не выводилъ [6]); не думалъ созывать
Сената, чтобъ съ почтенными отцами
О соусѣ къ осетринѣ разуждать [7]);
А не безъ слабостей былъ царственный воитель.
Остатка странъ свободныхъ притѣснитель,
Онъ превратилъ свои народы въ рать
И мѣтилъ въ Бахусы и Сезострисы.
Да, къ слову: въ Бахусы! Не потрясались тисы
Предъ нимъ толпою бѣшеныхъ Менадъ
(Не слишкомъ это было бы впопадъ
Въ столѣтье Тацита и Ювенала),
Однако лѣтопись не умолчала:
Герой бывалъ хмеленъ отъ Вакховыхъ отрадъ.
Онъ, правда, зналъ себя, спасибо! Разъ, не пьяный,
Указъ похвальный, хоть немножечко и странный,
Послалъ въ сенатъ: „обязываю васъ
„Не исполнять, что̀ подъ веселый часъ
„Траяну приказать случится...“ Дѣло!
А лучше было бы не пить.
Все выскажу ли смѣло?
Діона Кассія вы можете купить...
Я исчисленья прерываю нить.
Траяномъ, можетъ быть, за панегирикъ звучный [8])
Въ намѣстники назначенъ Плиній былъ

Страны Азійской, Римлянамъ подручной,
Какой же именно,—я позабылъ [9]).
Вельможа, Плиній, во всей силѣ слова:
Любезность, величавость, умъ и вкусъ—
Поступковъ и рѣчей его основа;
Онъ вмѣстѣ и питомецъ музъ,
Философъ и ораторъ
Однако и въ святилищѣ наукъ
Все баринъ: царедворецъ и сенаторъ.
Кто волею судебъ безъ рукъ,
Языкъ того всегда бывалъ проворенъ:
Въ Траяновъ вѣкъ
Безъ рукъ былъ и давно вертлявый грекъ,
И потому не такъ, какъ прежде, вздоренъ,
Строптивъ и вспыльчивъ, нѣтъ! смиренъ и терпѣливъ,
Искателенъ и вкрадчивъ, а болтливъ,
И тотъ же вѣстовщикъ, какимъ бывалъ и прежде:
Тайкомъ онъ варваромъ и дикаремъ честилъ
Потомка Ромула, но грозному невѣждѣ
Безстыдно изо всѣхъ способностей и силъ,
Какъ песъ ручной, похлебствовалъ и льстилъ.
Въ дворцы Лукулловъ, Нéроновъ и Силлъ,
На пиръ безпутныхъ нѣгъ и грубаго разврата,
Кривляясь, скаля зубы, приходилъ
Безславный внукъ Алкида и Сократа,
И судорожный смѣхъ (увы! какая плата!)
Ему за срамъ его платилъ.
Гречатами [10]) ихъ въ Римѣ называли;
Зѣвая, слушали ихъ пѣсни, ихъ скрижали,
Подъ ихъ разсказы забывали
Свои державныя печали,
Кормили ихъ и—презирали.
Такихъ-то дорогихъ пріятелей кружокъ
Къ себѣ и Плинiй вызвалъ изъ столицы.
И вотъ, однажды въ зимній вечерокъ,
И ложь и правду, быль и небылицу
Гречата лепетали передъ нимъ.
Внимая купленнымъ друзьямъ своимъ,
Лежалъ на торѣ [11]) пресыщенный Плиній
И взоромъ мѣрилъ воздухъ синій,

И былъ хандрою одержимъ.
Не ихъ вина: ихъ языки не праздны:
Но сплетни Рима истощивъ,
Пересказавъ всѣ скверны, всѣ соблазны,
Они съ прискорбьемъ видятъ: все лѣнивъ.
Угрюмъ и холоденъ философъ-воевода.
Вотъ кто-то, наконецъ же, вспомнилъ, что природа
И чудеса ея—конёкъ
Семейства Плиніевъ... Для свѣтскихъ разговоровъ
Легокъ скачокъ
Отъ Антиноевъ, Мессалинъ и Споровъ [12]),
Отъ преторьянцевъ и—шутовъ
До изверженья горъ и странныхъ свойствъ слоновъ,
Затмѣній солнца и подобныхъ вздоровъ;
О долгоденствѣ рѣчь: примѣровъ привели
Сомнительныхъ не менѣ полдесятка
Счастливцевъ, вышедшихъ изъ общаго порядка,
Такихъ, что за столѣтье перешли.
И молвилъ Плиніевъ отпущенникъ: „властитель,
Мнѣ пишетъ братъ, домоправитель
Сирійскаго проконсула, и что-жъ?
Есть жидъ у нихъ, зовется Агасверомъ:
Ему за двѣсти лѣтъ“.

ПЛИНІЙ.

Твой братецъ пишетъ ложь
И кстати, вѣдь поэтъ: прикащикомъ-Гомеромъ
Сирійскій мой сосѣдъ зоветъ его давно.

ОТПУЩЕННИКЪ.

Ты ѣдокъ, Плиній!—Правда, что смѣшно!
Я радъ божиться: брата жидъ морочитъ;
Тѣмъ болѣ, что съ лица ему
Подъ пятьдесятъ. Въ добавокъ, плутъ пророчитъ
(Ну, сообразно ли уму?),
Что вовсе не умретъ.

ПЛИНІЙ.

Я Плиній: это счастье.
А то совѣтъ сосѣду своему,

Быть можетъ, далъ бы я, принять участье
Въ рѣшеніи задачи.

ГОСТЬ РИМЛЯНИНЪ.

Чтобъ, напримѣръ, хоть утопилъ жида
Или повѣсилъ?
Это предложенье
Не принято, спасибо, въ уваженье.
Но Плиній шлетъ въ Дамаскъ гонца съ письмомъ:
„Здоровъ я“, — пишетъ, — „будь здоровъ и ты;“ потомъ
Пеняетъ за молчанье; тутъ извѣстья,
Изъ Рима, изъ Аѳинъ, изъ своего намѣстья,
А мимоходомъ, предъ концомъ,
И просьба: „Если нѣтъ, Сервилій, затрудненья.
„Для пользъ наукъ и просвѣщенья,
„Такого-то жидка пришли съ моимъ гонцомъ“.
И вотъ, по прихоти вельможной,
Безъ дальныхъ справокъ (вѣдь онъ жидъ ничтожный),
Необычайный тотъ старикъ
Былъ взятъ и въ Плиніевъ отправленъ пашаликъ.
Пріѣхалъ онъ и былъ намѣстнику представленъ,
Съ улыбкой Плиній сталъ разспрашивать его
И не добился ничего;
Однако жидъ при немъ оставленъ.
И наглядѣлся Агасверъ всего:
Всего величья міровой державы,
Всей суеты земной, ничтожной славы;
Ее когда-то онъ небесной предпочелъ,
И вотъ вблизи ее увидѣлъ и нашелъ,
Что медъ ея смертельной полнъ отравы.
А тутъ же могъ бы онъ узнать
И оную божественную славу,
Которую даруетъ Благодать...
Но гордымъ ли Святую постигать?
Она землѣ въ потѣху и забаву.
Извѣстно всѣмъ, что отвѣчалъ Траянъ,
Когда, повѣривъ клеветамъ безумья,
Пугаясь хлопотъ лишняго раздумья,
Чернить и Плиній вздумалъ христіанъ:
„Ты ихъ не трогай“, — пишетъ повелитель.

„А развѣ сами явятся они;
„Но наглыхъ исповѣдниковъ казни!!“...
И былъ Траянъ не Неронъ, не мучитель! [13])
Былъ въ градѣ Плинія великій храмъ [14])
Астарты, полуварварской Юноны.
Служенье въ немъ преданья и законы
Присвоили издавна двумъ родамъ:
Придетъ чреда,—и выбираютъ жрицу
Въ одномъ изъ нихъ, въ другомъ берутъ жреца.
Имъ право то—безцѣнно: багряницу
Отвергли бы, не взяли-бъ и вѣнца
Ему въ замѣну.—Вотъ настало время,
И Калліадовъ радостное племя
Готовится кумиру дѣву дать;
И жребій палъ на Зою, дочь Перикла.
Но въ душу Зои свыше Благодать
Живая пролилася и проникла;
Не хочетъ дѣва идолу предстать.
Сначала, подавляя пламень гнѣва,
Отецъ ей молвилъ: „насъ покинешь, дѣва,
Обѣщана ты юному жрецу,
Аминту, сыну Клита Герміада“.—
Она же отвѣчала такъ отцу:
„Аминтъ несчастный жрецъ и жертва ада!
„Увы! скорбитъ о немъ душа моя...
„Родитель, не ему невѣста я:
„Христосъ женихъ мой“.—И красой чудесной
Святымъ смиреньемъ, кротостью небесной
Не умягчила дикихъ душъ она;
Кровава предъ отцомъ ея вина,
Не врагъ-завистникъ право вѣковое,
Наслѣдіе колѣна ихъ подрылъ;
Нѣтъ, дочь его, дитя его родное,—
И вотъ старикъ предъ Плиніемъ завылъ,
Весь обезумленъ бѣшенствомъ Эрева:
„Достойна казни дерзостная дѣва;
Ужъ мнѣ не дочь, злодѣйка мнѣ она.
Презрѣвъ преданья предковъ и законы,
Рекла: „не буду жрицею Юноны;
„Бредъ—ваши боги; въ мракѣ вся страна,

„И свѣтъ и правду вижу я одна“.—
Но Плиній самъ считалъ мечтою тщетной
И ужъ отцвѣтшей баснею пѣвцовъ
Эллады, Рима, Азіи боговъ;
Вотъ почему съ улыбкою привѣтной
Съ курульскихъ креселъ [13]) онъ взглянулъ на ту,
Которая въ такихъ лѣтахъ незрѣлыхъ
Народную постигла слѣпоту,
Быть можетъ, изъ его-жъ писаній смѣлыхъ.
„Тебя,— сказалъ,—не укоряю я;
Прекрасна смѣлость юныя твоя,
Но увлеклась ты ревностію ложной:
Другъ, назову тебя—неосторожной.
Безумецъ только броситъ головню
Въ солому дома своего сухую,
Чтобъ уподобить золотому дню
До времени, до срока, ночь сѣдую.
Примѣръ Сократа мудрому законъ;
Что жъ?—предразсудкамъ потакалъ и онъ.
Да! пѣтуха на жертву богу здравья
Онъ завѣщалъ же.—Цицеронъ
Не видѣлъ ни малѣйшаго безславья,
Что правилъ должностью авгура самъ,
А между тѣмъ авгурамъ и жрецамъ
Въ кругу с в о и х ъ смѣялся тихомолкомъ [16]).
Съ волками жить, кто-жъ не завоетъ волкомъ“.
Все это онъ въ полголоса шепнулъ,
Затѣмъ осклабился, на чернь взглянулъ
И громко молвилъ: „вотъ мои доводы!
Теперь, надѣюсь, дороги тебѣ
Священныя права твоей породы:
Разсудку ты покорна и судьбѣ.
А впрочемъ область думъ и словъ и мнѣній“.
(Тутъ онъ понизилъ голосъ) — „дочь моя,
Свободна, и тебѣ противъ гоненій
Тупыхъ глупцовъ покровомъ буду я“.
„Благодарю; меня по крайней мѣрѣ
„Не нудишь къ лицемѣрству, властелинъ;
„А знаешь ли что́ рекъ о лицемѣрѣ
„Тотъ, Кто съ созданія земли одинъ

„И правъ и чистъ и безъ грѣха предъ Богомъ?“
Такъ отвѣчала дѣва.
Грозный мракъ
Простерся на лицѣ незапно строгомъ
Проконсула; онъ ясно понялъ: такъ
Не говорятъ питомцы мудрованій,
Которыя сѣкирой отрицаній
Все разрушаютъ, но въ которыхъ нѣтъ
Ни пламени, ни жизни для созданій,
Которыхъ тусклый и невѣрный свѣтъ,
Лишенный теплоты лучей и силы,
Дрожитъ надъ зѣвомъ міровой могилы.
„О комъ вѣщаешь?“—Плиній возразилъ.
Она же: „вопрошаешь, повелитель?
„Онъ Дѣвы сынъ, но и владыко силъ,
„Былъ узникомъ, но узъ же разрѣшитель:
„Онъ умерщвленъ, а мертвымъ жизнь даетъ“.—

плиній *(съ усмѣшкой)*.

Нѣтъ, Зоя!—Слишкомъ дерзокъ твой полетъ:
Я антитезъ твоихъ не понимаю.

зоя.

Онъ Свѣтъ и Слово, Богъ и человѣкъ;
Онъ мой наставникъ: я иныхъ не знаю;
И вѣдай, Онъ о лицемѣрѣ рекъ:
„Кто, рабъ тщеславья или мзды и страха,
„Здѣсь отречется предъ сынами праха,
„Предъ смертными отвергнется Меня,
„Того и Я за вашимъ міромъ тѣснымъ
„Въ томъ мірѣ предъ Отцомъ Моимъ небеснымъ
„Отвергнусь“.—Предъ лицомъ меча, огня
И срама не содрогнусь; всѣ внемлите:
И скорбь и слава вина—суета;
Предъ вами исповѣдую Христа!
Терзайте тѣло,—духъ въ Его защитѣ!“
Не ожидалъ намѣстникъ; дѣвѣ онъ
Дивится; но уже со всѣхъ сторонъ
Раздался звѣрскій вопль остервенѣнья,
И, если бы не ликторы, каменья

Въ нее бы полетѣли.---Плиній былъ
Философъ свѣтскій: благородный пылъ
Смѣшилъ его, смѣшило вдохновенье,
Онъ бредомъ называлъ восторгъ; но тутъ
Свое взяла природа: изумленье
Его объяло, душу—сожалѣнье,
Стыдъ, скорбь, досада борятъ и мятутъ.
И вотъ онъ началъ: „мнѣ ученье ваше
Не понутру... Ты выбрать бы могла
Иное, попривѣтливѣй и краше
И болѣ ясное. Довольно зла
И гнустностей злорѣчье вашимъ братьямъ
Приписываетъ; врагъ я ихъ понятьямъ [16]),
Ихъ суевѣрью. Но, вождей губя,
Отъ нихъ умѣю отличить тебя;
Мнѣ тягостно предать тебя на муки.
Но я подвластенъ,—связаны мнѣ руки...
Какъ хочешь, думай: я твоимъ мечтамъ
Предѣловъ никакихъ не полагаю,
Но лютой черни буйственную стаю,
Хотя бы и притворствомъ, должно намъ
Смирить, спокоить... Вѣришь ли богамъ,
Не вѣришь ли,—безъ алтаря, безъ храма
Не обойдется; горстку ѳміама
Имъ бросить, кажется, не тяжело“.
—„Тяжелѣ горъ вселенной грѣхъ и зло,
„Въ нихъ болѣ вѣсу, чѣмъ земли основа“,—
Такъ отвѣчаетъ ратница Христова.
„Души моей я не продамъ врагу,
„Святому Духу правды не солгу“.
Настаивалъ проконсулъ—трудъ безплодный!
Ужъ и отца давно былъ залитъ гнѣвъ
Опасностью кровавой и холодной:
Онъ молитъ, плача, руки къ ней воздѣвъ;
Но, токамъ слезъ слезами отвѣчая,
Безсильная, страшливая, младая,
И тутъ не пошатнулась ни на мигъ.
И часъ ужасный, роковой настигъ:
Завопила, какъ тигръ, толпа слѣпая;
Блѣднѣетъ Плиній,—уступилъ мудрецъ

И... дѣву предалъ. Тутъ верховный жрецъ
Астартина кумира первый камень,
Скрежеща, бросилъ въ Божію рабу.
Но дѣву преисполнилъ дивный пламень:
„Благославляю я свою судьбу“!
Она превозгласила. „Торжествую!
„Свидѣтельствовать истину святую
„Меня сподобилъ Ты, Владыко силъ!
„И се! горѣ надъ воинствомъ свѣтилъ,
„Средь херумивовъ (вы Его не зрите-ль?),
„Стоитъ и машетъ пальмой мой Спаситель.
„Туда, туда! тамъ радость безъ конца,
„За мной, Аминтъ! За мною въ домъ Отца!
„Я жду, не медли!—презри прахъ и тлѣнье,
„За мной! за мной!“
А онъ?—его мученье
Въ тотъ страшный часъ чей выскажетъ языкъ?
Онъ смѣетъ мыслить, что не равнодушна
Къ его исканьямъ чистымъ и она.
И что же? Богу своему послушна,
Могилы смрадной, гробоваго сна,
Всѣхъ ужасовъ свирѣпой, грозной казни
Питомца дѣвической боязни
Не убоялась, только бы его
Не ставить выше Бога своего!
И Богъ ея Аминту не противенъ:
Изъ устъ любезной знаетъ онъ Христа:
Въ ея устахъ сколь благъ, великъ и дивенъ
Спаситель міра! „Но ея уста
Чего же не украсятъ?“—Такъ понынѣ
Говаривалъ Аминтъ: „мечта! мечта!
О замогильной сумрачной пустынѣ,
О мірѣ томъ не знаемъ ничего“.—
И вотъ же часъ насталъ: съ очей его,
Какъ чешуя, упало ослѣпленье;
Грудь и его объяло изступленье
И, жреческій сорвавъ съ себя вѣнецъ,
„Я,—онъ воскликнулъ,—идоламъ не жрецъ!
Умру за Бога Зои, съ нею вмѣстѣ!“—
Тогда взревѣлъ неистовый народъ:

„Смерть жениху — злодѣю, смерть невѣстѣ!“
И, какъ бурунъ неукротимыхъ водъ,
На нихъ нахлынулъ.— Изъ страны изгнанья,
Изъ мрака и скорбей и скверны земли,
Туда, въ отечество, въ страну сіянья,
Ихъ души серафимы унесли.
Стоялъ же у подножья трибунала
Во все то время мрачный Іудей,
И будто въ темной глубинѣ зерцала
Предъ взорами души его всплывала
Картина прежнихъ дней.
Ему знакомый образъ отражала
Священный, дивный, юная чета:
Предъ нимъ воскресъ Христосъ въ нихъ, избранныхъ Христа;
Такъ съ тверди солнце сходитъ въ грудь кристалла.
Такъ въ лучезарныя, златыя небеса
Имъ превращается смиренная роса.
Но гдѣ гордыня, тамъ не созрѣваетъ вѣра;
Надменныхъ чуждо Божество;
Сразило то святое торжество,
Но не восторгомъ сердце Агасвера.

Примѣчанія.

1. Римляне свою имперію называли Orbis Romanus, т.-е. Римскимъ міромъ: этотъ Orbis они противоставляли городу (u r b i), міръ—Риму. И по сію пору папа, преемникъ не только—Апостола, какъ называютъ его католики, но и древняго первосвященника (Pontifex Maximus) языческаго Рима, въ первый день Пасхи съ балкона св. Петра произноситъ сначала благословеніе u r b i—Риму, потомъ o r b i—міру.

2. Критики очень справедливо замѣтятъ, что въ царствованіе Траяна звѣрямъ уже нѣсколько поздно было искать въ землѣ труповъ тѣхъ, которыхъ убили при взятіи Іерусалима Титомъ.

3. Саддукеи отвергали, какъ видно изъ Евангелія, безсмертіе души: они между жидами были вольнодумцами, философами, esprits forts.

4. Эта исполинская просопопея въ Мильтоновомъ «Потерянномъ Раѣ» пришлась очень не по-нутру А д д и с о н у и чопорнымъ Аристархамъ XVIII столѣтія. Между тѣмъ въ ней все такъ живо и ужасно, что, право, кажется, читаешь не просто продолжительное олицетвореніе двухъ отвлеченныхъ понятій,

а изображеніе двухъ настоящихъ чудовищныхъ лицъ: грѣхъ и смерть Мильтона вовсе не съ родни скучнымъ и вялымъ аллегоріямъ, которыми Вольтеръ вздумалъ, было, въ своей Henriade замѣнить миѳологическія лица Гомера и Виргилія.

5. Данте и Тассо, первый—Эсхилъ, другой—Еврипидъ между романтиками, оба въ томъ сходны между собою, что діаволу вполнѣ сохранили ту страшную маску безобразія, которую надѣли на него средніе вѣка и народное вѣрованіе. Мильтона, протестанта и поэта-метафизика, почти невозможно считать романтикомъ: но, безъ сомнѣнія, онъ между новыми величайшій, точно такъ, какъ, землякъ его и почти современникъ, Шекспиръ—послѣдній и величайшій между романтиками. Какъ несчастный Спинелло Аретинскій первый между живописцами, такъ Мильтонъ прежде всѣхъ поэтовъ дерзнулъ отступить отъ всѣми принятаго преданія и представить князя темныхъ силъ не отвратительнымъ чудовищемъ, но, по наружности, все же ангеломъ, хотя и падшимъ, сохранившимъ и въ самомъ паденіи красоту и величавость.—Но у Мильтона, какъ и у Спинелло, сатана ужасенъ самою красотою:—онъ ею не можетъ обмануть духовъ свѣта, съ которыми встрѣчается.—Только философскому безвкусію первой половины XVIII вѣка была предоставлена честь выдумать сантиментальнаго діавола-плаксу—Аббадону, равно отвергаемаго и небомъ и адомъ. Пери персидской миѳологіи совсѣмъ другое дѣло: разъ, существа среднія, падшія, но не отверженныя, чающія примиренія, онѣ, во-вторыхъ, духи—дѣвы, обитательницы не ада, но міра вещественнаго; наконецъ, въ нихъ сильно преобладаетъ начало добра: послѣ своего перваго и единственнаго паденія, онѣ только и думаютъ, какъ бы благотворить человѣку, утѣшать страждущихъ, лелѣять сиротъ и пр. Имъ не только красота, но и скорбь о минувшемъ и тоска по прекрасной утраченной отчизнѣ—въ высокой степени приличны.

6. Хотя не патриціевъ, однако все же джентльменовъ, кавалеровъ, всадниковъ (equites), выводилъ въ циркъ не Неронъ, не Калигула, а лучшій, можетъ быть, изо всѣхъ цезарей—Юлій.

7. Объ этомъ соусѣ заставилъ разсуждать отцовъ римскаго народа императоръ Домиціанъ.

8. Панегирикъ Траяну извѣстенъ всѣмъ—нѣсколько знакомымъ съ классическою литературою.

9. Въ стихахъ позволено забыть, какая это была страна; въ прозѣ скажемъ, что Плиній былъ проконсуломъ въ Виѳиніи.

10. Graeculi—уже Горацій ихъ такъ величаетъ.

11. Торъ (torus)—возвышенное ложе въ родѣ нашихъ канапеевъ, но не низменныхъ турецкихъ диванovъ: «Ac toro pater Aeneas sic orsus ab alto» (Verg. Aen. Lib. 11. Ver. 2).

12. Антиной и Мессалина слишкомъ извѣстны. Споръ (Sporus)—гнусный любимецъ императора Нерона.

13. О запросѣ Плинія касательно христіанъ и объ отвѣтѣ

IV.

Блестятъ надменныя палаты
Съ чела присолночной скалы:
Бароны, рыцари, прелаты
Текутъ въ Каноссу [1]), какъ валы...
И что же ихъ въ Каноссу манитъ?
Или спѣшатъ на свѣтлый пиръ
И арфа трубадура грянетъ,
И бурный закипитъ турниръ?
Нѣтъ;—въ честь Маріи, въ честь Амура [2])
Съ дрожащихъ, сладкозвучныхъ струнъ,
При чистой пѣснѣ трубадура,
Не побѣжитъ живой перунъ;
Девизы не сорвутъ улыбки [3])
Съ румяныхъ губокъ нѣжныхъ дѣвъ,
И треска дерзновенной сшибки
Не сопровòдитъ трубный ревъ.
Прелестныхъ женъ, мужей суровыхъ
Иной туда позоръ влечетъ:

ему Траяна смотри Діона Кассія. Довольно любопытно, что въ XVIII вѣкѣ (и не въ школѣ энциклопедистовъ) сыскался писатель Cuvier, ученикъ Ролена, который находитъ, что vu les circonstances—Optimus Maximus Траянъ не могъ дать лучшаго отвѣта.

14. Астаротъ (Astaroth) и Астартэ, идолы ханаанитскаго, финикійскаго происхожденія, вѣроятно, олицетвореніе силъ природы оплодотворяющей и рождающей.—Римляне охотно принимали въ свой пандемоніумъ боговъ племенъ, которыхъ покоряли; но съ новыми именами обыкновенно сопрягали с в о и понятія: Белъ или Ваалъ становился у нихъ Аполлономъ, Астаротъ—Юпитеромъ, Астартэ—Юноною.

15. Съ курульскихъ креселъ преторы разбирали дѣла своей куріи. Потомъ подобныя кресла были присвоены всѣмъ мужамъ консуларскимъ, и наконецъ, и остальнымъ сенаторамъ.

16. Пѣтухъ Сократа довольно извѣстенъ; положимъ, что тутъ скрывалась какая-то аллегорія. Но Цицеронъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ авгуромъ, а между тѣмъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (не помню—къ сыну ли, къ Аттику ли) говоритъ, что невозможно, чтобъ авгуръ глазъ-на-глазъ встрѣтился съ авгуромъ, не захохотавъ во все горло.

В. К.

Тамъ предъ рабомъ рабовъ Христовыхъ [4])
Властитель міра въ прахъ падетъ,
Падетъ, смиренный и покорный,
Предъ дряхлымъ старцемъ грозный царь:
По битвѣ страшной и упорной
Порфиру побѣдилъ алтарь.
И вотъ стоитъ съ свѣчой въ десницѣ,
Нѣмымъ отчаяньемъ объятъ,
Босъ, полунагъ, въ одной срачицѣ,
У запертыхъ дворцовыхъ вратъ
Злосчастный Генрихъ; жрецъ угрюмый
Глядитъ съ балкона на него;
Съ чела жреца тяжелой думы
Не сниметъ даже торжество.
А кругомъ дворца толпа,
И жестока и тупа,
Звѣрь свирѣпый, зрѣлищъ жадный,
Смотритъ, будто камень хладный,
На безмѣрный срамъ того,
Чьихъ бы взоровъ трепетали,
Чей бы слѣдъ они лобзали
Въ день величія его.
И чуждый толпы и въ толпѣ одинокъ,
На кесаря, папу и волны народа,
Какъ бѣлый кумиръ, недвижимъ и высокъ
(Въ немъ точно ли бренная наша природа?).
Стремитъ кто-то съ башни таинственный взоръ
Пылающій, словно ночной метеоръ...
Онъ, по одеждѣ странной и безславной [5]),
Однако и богатой,—Іудей:
Ихъ въ оный вѣкъ слѣпой и своенравной
Едва ли и считали за людей,
Жгли, рѣзали: а между тѣмъ въ ихъ руки
Попали и отцвѣтшія науки
И золото.—Во всѣхъ земляхъ пришлецъ,
Всѣмъ ненавистный, нужный всѣмъ дѣлецъ,
Растерзанный, а все несокрушимый,
Израиль странствовалъ.—Бывалъ врачомъ
И папъ и кесарей еврей гонимый,
Бывалъ заимодавцемъ, толмачомъ

Арабскихъ книгъ не разъ служилъ монаху [6]),
Монахъ же выводилъ потомъ на плаху
Учителя или въ огонь ввергалъ.
Еврей и папскій врачъ тотъ мужъ, который
Внизъ на народъ бросаетъ съ башни взоры,—
И вотъ онъ прошепталъ:
„И царство твое не есть сего міра?
А ряса намѣстника Господа силъ,
Отвѣтствуй,—ужели не та же порфира?
А инокъ на выю царямъ наступилъ?“
Какъ нѣкогда изъ клева врана,
Ведомый Богомъ на востокъ,
Въ горахъ питаемъ былъ пророкъ,
Такъ въ царствѣ Роберта Нормана [7]),
Въ странѣ разительныхъ судебъ,
Смягченный бременемъ изгнанья,
Ѣстъ горестный и черствый хлѣбъ
Изъ рукъ суровыхъ подаянья
Безсильный и больной старикъ,
А былъ онъ паче всѣхъ великъ:
Предъ нимъ народы трепетали,
Дрожали властели предъ нимъ;
И что-жъ? настали дни печали,
Возсталъ неблагодарный Римъ [8]),
И онъ изъ узъ освобожденный
Пришельцевъ хищною толпой [9]),
На одръ скорбей, въ землѣ чужой,
Палъ, славы и вѣнца лишенный.
Десницей Господа разбитъ,
Свинцовой блѣдностью покрытый,
Полуразрушенный, забытый,
Въ Салернѣ Гильдебрандъ лежитъ
И, мрачный, у его возглавья
Его суровый врачъ стоитъ.
Искусенъ Агасверъ, но здравья
Отдать и онъ тому не могъ,
Кого на судъ зоветъ Самъ Богъ.
Какое зрѣлище—кончина,
Исходъ въ могилу исполина,
Вѣнчавшаго: „я на землѣ

Намѣстникъ вѣчнаго Владыки;
Мнѣ покоряйтеся, языки,
Цари,—смиряйтесь!“—На челѣ,
Съ котораго перуны власти
Когда-то падали,—всѣ страсти
Потухли въ передсмертной мглѣ;
И только нѣкій лучъ чудесный
Дробится изъ-за тяжкихъ тучъ
Изнеможенья,—вѣры лучъ
Святый, таинственный, небесный.
И врачъ увидѣлъ, какъ старикъ
Подъялъ къ распятью взоръ смиренный:
Тутъ обвинитель раздраженный
Сначала головой поникъ
И, мнилось, собираетъ мысли;
Потомъ сказалъ: „монахъ, исчисли,
Раздумай все, что повелѣлъ
Тотъ, чьимъ зовешься ты слугою,
Что нарушалъ ты, гордъ и смѣлъ,
Что передъ чернію слѣпою
Неправдой наглой искажалъ...
„Да будешь кротокъ, тихъ и малъ!
„Благословеньемъ за проклятья,
„Любовью за вражду плати,
„Господь—Отецъ вашъ, всѣ вы братья,
„Отъ Бога власти,—власти чти;
„И, если даже кто въ ланиту
„Тебя ударитъ,—ты въ защиту
„И тутъ руки не поднимай,
„Ему другую подставлай“...
Ты?—презрѣлъ ты Его глаголы:
Шаталъ ты и громилъ престолы,
Смущалъ вселенну, на отца
Злодѣя, жаднаго ѣнца,
Роднаго сына ты воздвигнулъ [10]);
Ты, наконецъ, мѣты достигнулъ:
Съ челомъ, израненнымъ отъ стрѣлъ
Ужасныхъ клятвъ, тяжелыхъ слухъ,
У ногъ своихъ царя узрѣлъ...
Ужель Христу служилъ ты?—духу

Владыкѣ мрака ты служилъ.—
И что-жъ?—ужель и ты возмнилъ:
„Причисленъ буду къ чадамъ свѣта?“
Молчишь, Григорій?—жду отвѣта!“
Григорій на него взглянулъ:
„Меня твой голосъ досягнулъ,
Какъ будто мукъ нездѣшнихъ гулъ,
Къ которымъ кличетъ преисподня!
Такъ! спалъ съ очей моихъ покровъ...
Посолъ ли ты суда Господня?
Увы мнѣ! къ ближнему суровъ,
Къ себѣ еще жесточе, строже,
Я и на тронѣ былъ монахъ,
Былъ сухъ мой хлѣбъ и жестко ложе,
И что-жъ?—соцарствовалъ мнѣ страхъ:
Поправъ законъ любви смиренной,
Я гордыхъ попиралъ во прахъ,
Я, судія царей надменный!—
Кругомъ меня лежала мгла,
И слѣпъ я былъ... Пусть не была
Та слѣпота моимъ созданьемъ
Но,—спалъ покровъ съ моихъ очей,—
Увы! ты правъ: я былъ злодѣй!
Не торжествуй еще, Еврей!
Все-жъ я проникнутъ упованьемъ:
Христосъ ствергнетъ ли меня?
Не палъ же въ алчный зѣвъ огня,
Живымъ разкаяньемъ объятый,
И тотъ разбойникъ, съ Нимъ распятый,
Котораго въ послѣдній часъ
Христосъ, мой Богъ, простилъ и спасъ!“
Онъ умеръ—и что же? уста Агасвера
Пятнать не дерзнули клеймомъ лицемѣра
Сѣдаго чела
Огромнаго старца, его же была
Начертана въ мірѣ десницею Бога
На пользу вѣковъ роковая дорога[11])!

Примѣчанія.

1. Каносса—замокъ знаменитой маркграфини Матильды, въ которомъ, подвергшись самой унизительной эпитимьѣ, импе-

раторъ Генрихъ наконецъ вымолилъ себѣ прощеніе папы Григорія VII. О Матильдѣ скажемъ, что она была постояннымъ въ счастіи и несчастіи другомъ Гильдебранда: напрасно протестантскіе писатели силились очернить ихъ отношенія; по недавно [1]) напечатаннымъ письмамъ къ ней Гильдебранда видно, что эти отношенія были чистыя и высокія. Она была ему предана искренно, какъ отцу—по понятіямъ католиковъ—христіанскаго міра и какъ человѣку истинно необыкновенному.

2. Языческій міръ въ пѣсняхъ трубадуровъ и въ разсказахъ троверовъ долго еще жилъ, какъ народное, темное преданіе, хотя церковь и отвергла его вѣрованія; въ добавокъ, жилъ не просто какъ реторическая фигура, а съ нѣкоторою склонностью—въ душѣ пѣвцовъ и разскащиковъ съ одной стороны, а слушателей, съ другой — предполагать, что боги прекрасной Греціи не одна выдумка, а, можетъ быть, существа настоящія, живыя, среднія между человѣкомъ и жителями духовнаго міра, нѣчто въ родѣ арабскихъ фей или иранскихъ—пери. Вотъ почему такъ часто встрѣчаешь въ романсахъ и канцонахъ среднихъ вѣковъ возлѣ именъ Пречистой Дѣвы и святыхъ имена Амура, Венеры, Юпитера (Jupiro). Послѣдніе слѣды этого очень примѣчательнаго явленія находимъ въ Камоэнсѣ и въ нѣмецкой прелестной народной сказкѣ: Der Schwanenschleier (Лебяжье покрывало), передѣланной Музеусомъ. — Греческая миѳологія перестала быть преданіемъ и стала пустою реторическою фигурою безъ жизни и таинственности уже по такъ называемомъ возрожденіи наукъ въ XVI столѣтіи.

3. Девизы и эмблемы, это чисто восточное обыкновеніе, какъ извѣстно, играли большую роль въ живописномъ языкѣ и нравахъ рыцарскихъ вѣковъ.

4. Папы называли себя рабами рабовъ Христовыхъ (Servi servorum Christi), желая пощеголять своимъ смиреніемъ передъ цареградскими патріархами, которымъ вздумалось, было, принять титло: «патріархи патріарховъ и епископы епископовъ».

5. Жиды въ среднихъ вѣкахъ, сколь бы богаты ни были, вездѣ должны были носить на одеждѣ своей какую-нибудь отлику, напримѣръ, желтый лоскутъ на правомъ плечѣ, чтобъ ихъ тотчасъ можно было узнать. См. «Ивангоэ» (Айвенго) Вальтера Скотта.

6. Посредниками между учеными арабами и варварами-франками (и почти единственными) были—жиды. И сами они, несмотря на оковы, налагаемыя на ихъ умъ вмѣстѣ и гоненіями и талмудомъ, превосходили тогдашнихъ христіанъ и просвѣщеніемъ и успѣхами въ наукахъ. Имена, каковы: Веньяминъ Тудельскій, Авиценна, Аверроэсъ, останутся незабвенными; всѣ трое были испанскіе жиды.

[1]) Писано въ 1840—1842 гг.

V.

Идетъ, идетъ впередъ безъ отдыха гонимый,
Таинственный ходокъ, ничѣмъ не сокрушимый.
Идетъ на сѣверъ онъ: за Альпы путь простеръ
Изъ Рима вѣчнаго безсмертный Агасверъ.
Онъ день и ночь шагалъ, какъ будто крылья бури
Унесть его хотятъ за крайній край лазури;
Онъ несся мимо горъ, и деревень, и скалъ
И, будто призракъ, онъ предъ встрѣчными мель-
калъ...
И вотъ предъ нимъ стоитъ громада башенъ острыхъ
И шестиярусныхъ подоблачныхъ домовъ:
Изъ самыхъ старшихъ-то тевтонскихъ городовъ.

---

7. Робертъ, по прозванію Гвискардъ, т.-е. мудрый, вѣщій, полуземлякъ нашему вѣщему Олегу, выходецъ изъ Нормандіи, гдѣ его родовичи въ то время едва ли еще успѣли стать французами, съ своими братьями отнялъ Неаполь и Сицилію у арабовъ и грековъ и основалъ королевство Обѣихъ Сицилій. Онъ былъ другомъ папы Григорія VII и противникомъ Гейнриха IV.

8. Бунтъ римлянъ противъ папы, имъ облагодѣтельствованныхъ и возвеличенныхъ, во время осады города ихъ Гейнрихомъ можетъ назваться истинною неблагодарностію, да,—въ добавокъ,—измѣною отечеству, потому что тедескъ Энрико, хотя бы онъ былъ и правъ въ своемъ спорѣ съ первосвященникомъ, во всякомъ случаѣ былъ врагомъ и утѣснителемъ Италіи.

9. Папа принужденъ былъ заключиться въ замокъ San Angelo и, вѣроятно, не миновалъ бы плѣна, если бы его врасплохъ не освободили сицилійскіе норманы.

10. Извѣстно, что, наконецъ, вслѣдствіе раздоровъ кесаря Гейнриха и папы, отложился отъ императора собственный сынъ его, который потомъ царствовалъ подъ именемъ Гейнриха V.

11. Называйте, какъ угодно, Гильдебранда: честолюбцемъ, жестокимъ, пронырливымъ,—но лицемѣромъ онъ едва ли былъ: жизнь онъ велъ самую строгую, истинно постническую; сверхъ того, по мѣсту, которое занималъ, и по духу времени самъ глубоко убѣжденъ былъ въ святости своихъ правъ.

В. К.

Богатый, вольный Вормсъ: и въ Вормсѣ сеймъ имперскій,
И долженъ быть судимъ на сеймѣ инокъ дерзкій,
Который, тамъ въ углу, въ Саксоніи, возсталъ
На страшнаго жреца семи латинскихъ скалъ.
Самъ кесарь судія; съ нимъ вмѣстѣ кардиналъ
И семь электоровъ: не убоится-ль инокъ?
Онъ дастъ ли имъ отвѣтъ безъ страха, безъ запинокъ?
И въ думѣ городской сошелся весь соборъ:
Князья, епископы; шляпъ, шлемовъ, перьевъ боръ,
Все рыцарство; сидятъ. Донъ Карлосъ мрачный взоръ
Съ престола на вождей племенъ германскихъ мещетъ;
Надежда гордая въ груди его трепещетъ,
Онъ шепчетъ:
„Этихъ всѣхъ сломлю полуцарей,
Имъ рухнуть подъ рукой желѣзною моей!
Я—имъ товарищъ, имъ! Вѣдь и на нихъ порфира!
Я—имъ товарищъ, я, властитель полуміра,
Аббату Фульдскому товарищъ, да князькамъ,
Которымъ нѣтъ числа, Саксонскимъ! нѣтъ, не дамъ,
Имъ дольше чваниться! Слугой или вельможей
Пускай любой изъ нихъ торчитъ въ моей прихожей.
Но отъ державства васъ, друзья и сватовья,
Примусь я отучать, и отучу же я!“
Но въ Думѣ, внѣ ея, на стогнахъ ждутъ монаха;
Его же самого костеръ ждетъ или плаха,
Когда бы вздумалъ Карлъ, смѣясь, нарушить листъ,
Гдѣ сказано: „хотя-бъ и не былъ правъ и чистъ.
Ты, инокъ ордена святаго Августина,
А слово ты прими царя и дворянина,
Что возворотишься и невредимъ и цѣлъ“.
Не точно ли такимъ и Гусъ листомъ владѣлъ?
И что же? на кострѣ отважный чехъ истлѣлъ!
Вдругъ раздалось: „идетъ!“ Безмолвье вмѣсто шума
Настало. Смотритъ чернь. Засуетилась Дума.
Тутъ дивнаго Жида, какъ древле Аввакума,
Схватило за власы, бросаетъ за толпу
И ставитъ на ноги къ стрѣльчатому столпу,

У самаго крыльца, за сотникомъ отважнымъ
Трабантовъ кесаря, сѣдымъ, суровымъ, важнымъ,
Угрюмымъ воиномъ, изрубленнымъ въ бояхъ...
И долженъ проходить предъ сотникомъ монахъ,
Взбираясь вверхъ, туда, гдѣ, темный и презрѣнной,
Онъ станетъ отвѣчать предъ сильными вселенной.
Вотъ онъ! Не скоръ, но чуждъ боязни твердый шагъ.
Съ него не сводитъ глазъ тотъ самый строгій врагъ,
Который, потому что Благодать порочилъ,
Великому изъ папъ при смерти адъ пророчилъ:
Который лишь кивалъ надменной головой,
Когда толпа, поднявъ свирѣпый, звѣрскій вой,
Скрежеща, тѣшилась надъ Зоею святой.
Безстрашенъ Агасверъ. Но силы непонятной
Вдругъ что-то вздрогнуло подъ чешуей булатной
Сѣдаго рыцаря: ударивъ по плечу
Героя-инока, онъ молвилъ: „въ бой лечу—
И бой мнѣ нипочемъ: но твой походъ тяжелѣ:
Попъ, нынѣ я въ твоемъ быть не желалъ бы тѣлѣ!“
Но очи Лютера заискрились, зажглись,
И устремились вверхъ въ лазуревую высь
Съ той дивной вѣрою, всесильно-чудотворной,
Которая безъ думъ рѣчетъ горѣ покорной—
И ввергнется гора въ пучину волнъ морскихъ:
Потомъ, на сотника понизивъ съ неба ихъ,
Отвѣтилъ: „въ Божьей я защитѣ, въ Божьей волѣ!
Ихъ не боюся я, хотя-бъ ихъ было болѣ
Сплошь дьяволовъ, чѣмъ вотъ на крышѣ черепицъ!
Безъ Бога не падетъ малѣйшая изъ птицъ,
Безъ Бога (съ нами Богъ!) не сгинетъ мой и волосъ!
Зоветъ меня мой Богъ, я Божій слышу голосъ!“
И въ залѣ очутился Жидъ,
Никѣмъ невидимъ, словно въ томъ туманѣ,
Который защищалъ въ сухомъ Аравистанѣ
Отъ зноя нѣкогда Евреевъ. Пышный видъ
Собранія его не озадачилъ:
Онъ видѣлъ кесарей восточныхъ свѣтлый дворъ:
Онъ что-то при дворѣ Бабера-шаха значилъ,—
Но на монахѣ онъ остановилъ свой взоръ.
Насмѣшникъ пагубный и ѣдкій,

Философъ, филологъ и діалектикъ рѣдкій,
Самъ кардиналъ вступилъ съ суровымъ нѣмцемъ въ
споръ,
А кромѣ вѣчнаго божественнаго Слова
Не знаетъ Лютеръ ровно ничего:
Всѣхъ знаній и всѣхъ чувствъ и мыслей всѣхъ осно-
ва—
Единое оно наука для него.
Бой начался. И кардиналъ лукавый
Сначала, будто тигръ, жестокій и кровавый
Въ самомъ медленіи, свирѣпо-терпѣливъ,
Прилегъ и дремлетъ, когти притаивъ;
Стремитъ на жертву масляные взгляды
И льетъ рѣками медъ обильной звучной свады:
Потомъ безъ принужденья перешелъ
Къ ироніи; вотъ легкія угрозы;
Вотъ снова на глазахъ явились чуть не слезы...
Но наконецъ его зарокоталъ глаголъ,
И засверкалъ сарказмъ, и громы Ватикана
Въ персть, кажется, сотрутъ германца-великана.
Спокоенъ Лютеръ; изворотливъ врагъ,
Блестящъ, язвителенъ, краснорѣчивъ и тонокъ:
Полудикарь-тедескъ все тотъ же: безъ уклонокъ
За рѣчію его идетъ за шагомъ шагъ,
Не опирается на разумъ ломкій,
Но произноситъ текстъ рѣшительный и громкій—
И разлетѣлись врозь, какъ стаи дикихъ птахъ.
Софизмы мудреца. И смотритъ вверхъ монахъ
И самого себя смиряетъ онъ и молитъ,
И молча молится, и молча Бога хвалитъ.
Неистовый доминиканецъ Экъ
Смѣняетъ кардинала-дипломата:
Но этого невѣжду-супостата
Уничтожаетъ вмигъ великій человѣкъ.
И за учителемъ подъемлется учитель,
И много доблестныхъ; но всѣхъ ихъ правота
Сражаетъ именемъ и помощью Христа;
Отважный Лютеръ всѣхъ ихъ побѣдитель.
Тогда въ сердитыхъ ихъ рядахъ возникъ
Глухой, опасный шопотъ,

Онъ вскорѣ превратился въ громкій ропотъ,
И вскорѣ—въ бѣшенный, неукротимый крикъ:
„Пусть отречется еретикъ
Безъ дальнаго, пустаго объясненья
Отъ своего проклятаго ученья!
Или въ него перунъ анаѳемы метнемъ,
И въ адъ онъ ринется въ нечестіи своемъ!“
Такъ нѣмцы голосятъ и топаютъ ногами
И сжатыми грозятъ противнику руками;
А итальянецъ обнажилъ кинжалъ,
Или прицѣлился тишкомъ изъ пистолета.
Экъ, грязный симонистъ, вскочилъ и вопіялъ:
„Костеръ, костеръ ему, онъ хульникъ параклета!“
Кто могъ бы тутъ узнать святителей синклитъ,
Честь церкви Божіей, цвѣтъ лучшій христіанства?
Со смѣхомъ Жидъ шепнулъ: „безумная отъ пьянства,
Предъ блуднымъ домомъ чернь, бѣснуюся, кричитъ!“
Нахмурилъ брови Карлосъ величавый
И скипетромъ махнулъ и бросилъ гнѣвный взоръ:
Затрепеталъ и смолкъ ихъ яростный соборъ.
Властитель Лютеру сказалъ: „они не правы,
Но слишкомъ дерзокъ ты, свой голосъ ты понизь;
Ступай, отъ своего ученья отрекись“.
И Лютеръ тутъ къ готовому налою
Безтрепетно идетъ
И руку на Евангеліе кладетъ,
И, воспаривъ горѣ восторженной душою,
Воскликнулъ:
„Духу правды не солгу!
Отречься, видитъ Богъ, никакъ я не могу!“
Да, онъ погибнетъ: слабъ отпоръ баронскій—
Анаѳема и дерзкихъ леденитъ.
Да! онъ погибнетъ, есть-если Божій щитъ
Его незримо не покроетъ. Князь Саксонскій,
Что медлишь, благородный Іоаннъ?
Ты-ль Гессенскій Вильгельмъ, всегда доселѣ
смѣлый,
Испугомъ блѣднымъ обуянъ?
И что же? сыну Изабеллы,
Властителю столь многихъ царствъ и странъ,
Которыхъ и ему невѣдомы предѣлы,

Такъ молвилъ темный инокъ: „Государь!
Ты защитишь меня отъ кровопійцъ свирѣпыхъ:
Къ числу ли сказокъ отнести нелѣпыхъ
И честь и честность царскую? Есть царь
И надъ царями: листъ твой у меня,—
И листъ твой вынесу я изъ того огня,
Которымъ мнѣ грозятъ, и къ Господу представлю!“
—„Молчи! тебя избавлю“,
Донъ Карлосъ отвѣчалъ, съ досады поблѣднѣвъ,
Но не на Лютера онъ изліялъ свой гнѣвъ:
„Мятежники, садитесь! не забудьте,
Что здѣсь верховный судія—
Германскій императоръ, я!
Въ моемъ присутствіи смиреннѣе вы будьте!
Я вамъ не Сигизмундъ“,—сказалъ
Могущимъ голосомъ прелетамъ императоръ.
Краснорѣчивый, вкрадчивый ораторъ,
Хотѣлъ промолвить что-то кардиналъ,
Но Карлосъ головой кудрявой покачалъ
И подозвалъ саксонца Іоанна:
„Электоръ, проводи изъ города, изъ стана.
Схизматика: онъ твой вассалъ...
Ему данъ листъ охранный;
Но пусть не попадется мнѣ:
На колесѣ склюютъ его орлы и враны,
Или истлѣетъ онъ въ огнѣ!“
И вывелъ ратника за истину и Бога
Саксонецъ изъ опаснаго чертога,
И императоръ сеймъ мятежный распустилъ.
Что-жъ Жидъ предъ мужемъ вѣры, мужемъ силъ.
Почувствовалъ? „Фанатикъ! много ихъ,—
Онъ молвилъ,—въ стадѣ Іисуса!
Жаль, не сожгли, его какъ Іоанна Гуса!“
Но нечестивецъ вдругъ притихъ:
Ему явился рядъ такихъ воспоминаній,
Которыя излили токъ страданій
Въ окаменѣлую отъ долгой муки грудь,—
И Агасверъ былъ принужденъ вздохнуть.

Примѣчаніе. Эта глава въ подлинной рукописи автора носитъ такое заглавіе: «Пятый отрывокъ Вѣчнаго Жида: Лютеръ». *Прим. Рус. Стар.*

VI.

Безвѣрье, легкомысліе, развратъ
Избрали Францію любимицей своею.
Маркизъ и откупщикъ, философъ и аббатъ
Равно готовили для гильотины шею;
Затѣмъ, что, позабывъ, что есть Господь и Богъ,
Тамъ всякій дѣлалъ то, что только смѣлъ и могъ,
И что глупцы слѣпые безъ печали,
Рѣзвясь, переворотъ ужасный вызывали,
Который пролилъ кровь, какъ водопадъ съ горы,
Который, какъ и все что шлетъ намъ Провидѣнье.
Ниспосланъ былъ землѣ во благо и спасенье;
Но звать, выкликивать безъ мысли, до поры,
Безъ вѣры, съ хохотомъ, столь страшные дары—
Не богоборное ли дерзновенье?
И какъ же было въ эти дни
Все такъ изящно, гладко, мило,
И вмѣстѣ все такъ страшно перегнило!
Играли, прыгали, рѣзвилися они,
Какъ будто обезумѣвъ отъ дурмана
Надъ яростнымъ жерломъ разверстаго волкана.
Разврата грубаго Регентовскихъ временъ,
Временъ Людовика, Людовикова дѣда,
Конечно, не было въ Версалѣ даже слѣда,
И слѣду не было и средь Парижскихъ стѣнъ,
Гдѣ богачи порой безъ вкуса подражали
Всѣмъ выдумкамъ и прихотямъ Версали.
На тронѣ юноша задумчивый сидѣлъ,
Съ душой, исполненной любви и состраданья
Къ народу своему и чистаго желанья
Помочь его бѣдамъ. За всякій же предѣлъ
Бѣды тѣ перешли: придавленъ тяжкой дланью
Откупщика къ землѣ, обремененный данью
Правительству, дворянству, алтарю,
Крестьянинъ раннюю въ трудахъ встрѣчалъ зарю
И отдыха не зналъ до самой поздней ночи,
А дома—дѣти, голодъ, плачъ и стонъ!

Когда ему терпѣть не станетъ мочи,
Не въ тигра ли переродится онъ?
А между тѣмъ, безпечная какъ птичка,
Порхала средь цвѣтовъ державная Австрійчка
И за милліономъ тратила милльонъ,
Чтобъ въ Паосъ превратить Марли и Тріановъ.
А между тѣмъ Дора, Бернаръ и Сенламберъ
И безъ мысли и печали
Свои стишки водяные кропали....
Имъ всѣ въ провинціи жестоко подражали:
Въ Ланѣ (sic), напримѣръ,
Любезникъ деревянный Робеспьеръ;
Онъ... но тогда точилъ онъ мадригалы,
Которымъ удивлялись залы
Руанскія. А между тѣмъ ужасно,
Нося погибель, долгъ народный росъ:
Министры и системы ежечасно
Перемѣнялись. Но колоссъ
Весь трясся, перегнивъ до сердцевины.[3]
Священство? Высшее? предчувствуя погромъ,
Казалось, только думало о томъ,
Какъ бы спасти свои доходы, десятины,
Помѣстья и помѣщичьи права.
Аббаты лучше ихъ: пуста ихъ голова,
Святые ихъ обѣты позабыты,
Сплошь будуарные шуты и волокиты;
Но кое-въ-комъ изъ нихъ душа еще жива,
Но кое-кто изъ нихъ перо бралъ для защиты
Народа скорбнаго, сравненнаго съ скотомъ.
Все это замѣчалося Жидомъ,
И радовался онъ глубокому упадку
Въ религіи, и былъ увѣренъ въ томъ,
Что эти лже-жрецы всѣ первому нападку
Уступятъ, и отступятъ отъ Христа.
Но гордаго ума догадки суета;
Но насылаетъ Богъ неистовыя бури,
Для очищенія померкнувшей лазури;
И чуднымъ образомъ, средь грозъ, и золъ, и бѣдъ,
Духъ просыпается и вотъ находитъ слѣдъ,
Находитъ вѣрную, надежную дорогу

Обратно къ своему Отцу и Богу.
Все рушилось; все пало; церкви нѣтъ;
Престолъ вдругъ рухнулъ въ зѣвъ бездонный;
Глухая ночь, померкъ послѣдній свѣтъ;
Король казненъ. Народъ кровавый, полусонный,
Жертвъ требуетъ еще, но жертвъ почти ужъ нѣтъ.
Въ то время палачу тяжка была работа:
Онъ чистилъ Францію, какъ чистить рощу палъ.
Сначала съ эшафота
Онъ буйной черни головы казалъ
Ей ненавистныхъ монархистовъ,
Различныхъ видовъ и цвѣтовъ.
Когда-то яростныхъ между собою враговъ:
Народъ ихъ не терпѣлъ; но молчаливъ, суровъ.
Встрѣчалъ и ихъ безъ хохота и свистовъ.
Но вотъ Жиронды часъ насталъ:
Сталъ чистить кумъ-палачъ и ихъ какъ тотъ же палъ.
Тогда великіе таланты пали:
Вернье и Барбару, Роланова жена
И дѣва дивная, чудесная, она,
Пронзившая огнемъ холодной стали
Урода гадкаго, который вопилъ: „кровь!“
И крови жаждалъ, какъ воды студеной;
Онъ, вѣчно бѣшенный, всегда остервененный.
Печаталъ и кричалъ: „къ отечеству любовь,
Къ свободѣ, человѣчеству и благу
Должна въ насъ укрѣплять свирѣпую отвагу
Срывать съ тѣхъ головы, сажать ихъ на копье,
По улицамъ рубить, кто мнѣніе свое
Въ Конвентѣ выскажетъ не справясь съ нашимъ
мнѣньемъ!“
И далѣ, далѣ очередь дошла
До мужа грознаго: онъ чернымъ преступленьемъ
Себя ославилъ, много сдѣлалъ зла,
Но Францію онъ спасъ, когда ужъ погибала.
Онъ создалъ войско, создалъ генерала,
Онъ храбрость создалъ: ребятишекъ онъ,
Босыхъ мерзавцевъ, превратилъ въ героевъ.
И чтожъ! предъ ними дрогнулъ легіонъ,
Который цѣлой сотней боевъ

Стяжалъ въ Европѣ первенство. Дантонъ
Рукой гиганта,—геніемъ титана
Попятилъ пруссаковъ: свободенъ край родной,
Но кровь темничныхъ жертвъ подъемлетъ къ небу вой!
Готова кара великана.
Какъ левъ, погибъ онъ; судьи трепетали,
Какъ уличенные преступники, предъ нимъ.
Онъ шелъ на казнь неустрашимъ,
Но не безъ тягостной печали:
Жалѣлъ жены смиренной онъ своей,
Жалѣлъ птенцовъ—своихъ дѣтей.
Съ нимъ палъ и Демуленъ, витія превосходный,
Да съ милой легкостю, ужъ черезчуръ свободный,
Мѣнявшій мнѣнія, знамена и вождей.
Но чтобъ набросить тѣнь на яркій блескъ Дантона,
Съ нимъ вмѣстѣ гильотинѣ роковой
Предали взяточниковъ рой,
Воровъ публичныхъ, продавцовъ закона.
„Кто-жъ эти чудеса творилъ?
Не мужъ ли, недоступный страху
И полный демонскихъ неколебимыхъ силъ?
Потомка ста царей возвелъ на плаху,
Талантъ, науку, умъ, честь, красоту казнилъ,
Казнилъ порокъ и добродѣтель....
И наконецъ,
Презрѣвъ порфиру и вѣнецъ,
Сталъ страшной Франціи безжалостный владѣтель.
Злодѣй-то онъ, ужаснѣйшій злодѣй,
Но вмѣстѣ самый мощный изъ людей!“
Не безпокойтесь: это трусъ тщедушный,
Передъ грозой всегда дрожащій, малодушный,
Ораторъ слабый, но чудесный лицемѣръ,
Гіена-плакса, честный Робеспьеръ,
Когда-то сладенькихъ стишковъ плохой слагатель.
Теперь земли родной кровавый облататель.
Все это замѣчалося Жидомъ
Но вмѣстѣ видѣлъ онъ, какъ двадцать, тридцать вѣрныхъ.
Свой домъ покинувъ ночію, тайкомъ,
Сбирались въ глубинахъ пещерныхъ,

И какъ приносъ безкровный іерей
Безъ страха приносилъ за Божіихъ друзей.
Свирѣпствуетъ Карье. Несчастный Нантъ тре-
пещетъ.
Палачъ отъ казни изнемогъ;
Тутъ извергъ гильотиной пренебрегъ;
Картечь въ священниковъ, въ аристократовъ мещетъ.
Республиканскія, въ добавокъ, свадьбы шутъ
Изволилъ выдумать: аббата съ дамой вмѣстѣ
Велитъ связать: приданое невѣстѣ—
На шею камень въ пудъ
Въ два пуда жениху,—и ихъ въ Луару бросятъ,—
И это все безъ всякаго суда!
Нѣтъ, пусть властей парижскихъ не поносятъ,
А въ захолустія заглянутъ, да сюда,
Въ провицію: здѣсь во сто кратъ страшнѣе!
Здѣсь всякій коммисаръ—проконсулъ, и сильнѣе
Любаго римскаго.—Съ Карье сошелся Жидъ
И былъ тираномъ приглашенъ на ужинъ,
Карье былъ Агасверу нуженъ:
Онъ согласился. Званіе и видъ
Пришлецъ мѣнялъ какъ вздумаетъ, но чтобы
Вездѣ ему былъ доступъ, онъ врачомъ
Слылъ часто, твердо убѣжденный въ томъ,
Что людямъ ихъ безцѣнныя утробы
Всего любезнѣе подъ міровымъ шатромъ.
Карье. „Пей, докторъ: это мнѣ вино съ курьеромъ
Прислалъ гостинецъ изъ Бордо Тильэнъ“.
Жидъ. Одобрится ли только Робеспьеромъ
Такая дружба?
Карье: „Не безъ ушей у стѣнъ“,
Вскочивъ, пролепеталъ Карье съ испугомъ.
„Откроюсь предъ тобой, какъ другомъ:
Я чистъ; шпіоны не найдутъ слѣда,
Чтобъ бралъ я взятки... никогда!
Тальэнъ мнѣ другъ: но онъ иное дѣло;
Хватаетъ, грабитъ слишкомъ смѣло;
Въ Бордо составился ископъ,
Чтобъ на него донесть.—А что мой гороскопъ?“
Жидъ. Тальэнъ переживаетъ тебя.

Карье. „Ужели!
А сколько мнѣ прожить?“
Жидъ. Не знаю; только мнѣ
Пророческія звѣзды нынѣ пѣли,
И ты замѣть, въ добавокъ, не во снѣ:
„Въ страшной длани Робеспьера
Дни могущаго Карье...
Не было бы еще примѣра:
Но Вереса пощадитъ,
Злой, благою тьмой покрытъ,
Безсеребренникъ Катонъ
И сойдетъ со сцены онъ“.
Карье. „Со сцены кто сойдетъ: Катонъ или Вересъ?“
Жидъ. Не знаю. Вѣщій духъ исчезъ
И не разслушалъ всѣхъ моихъ вопросовъ.
Карье. „Я чистъ. Не боюся я доносовъ:
Су ни съ кого я не бралъ. Былъ я строгъ,
Но твердо убѣжденъ, быть мягче я не могъ“.
Жидъ. А завтра ты поповъ предашь картечи?—
Карье. „Да! завтра: рѣшено... Не хочешь ли ты рѣчи
Изъ-подтишка со мною завести,
Чтобъ ихъ помиловать?“
Жидъ. Почти.
Карье. „Э, докторъ, берегись! тебѣ я благодаренъ.
По милости твоей здоровъ я, словно баринъ:
Пропалъ мой ревматизмъ. Но за такую рѣчь
Попасть и самъ ты можешь подъ картечь“.
Жидъ. Я подъ нее прошусь.
Карье. „Ахъ докторъ ты мой бѣдный!
Не даромъ сталъ такой ты блѣдный:
Ты охмѣлѣлъ, ты совершенно пьянъ!“
Жидъ. Я выпилъ во всю ночь одинъ стаканъ.
Я не боюсь твоей картечи.
Я гость твой: неужели гостя рѣчи
Не хочешь выслушать? Позволь мнѣ имъ
На самомъ мѣстѣ именемъ твоимъ
Пощаду объявить, но только-бъ отступили
Отъ своего Христа.
Карье. „Изволь, изволь! Но ты не трать пустыхъ усилій:
Ихъ знаю; не отступятъ никогда“.

Сіяетъ свѣтлый лугъ предъ городомъ прекраснымъ;
Какъ утро хорошо подъ этимъ небомъ яснымъ!
Какъ воздухъ чистъ и свѣжъ! Какъ сладокъ вѣтерокъ!
Привѣтливъ и пригожъ каштановый лѣсокъ;
Повсюду пышные сады, усадьбы, нивы...
И какъ же-ль люди не счастливы!
Взгляните: изъ темницъ и башенъ городскихъ
Не граждане-ль влекутъ сто сограждан своихъ.
Въ оковахъ, но свободныхъ отъ боязни,
Священниковъ, Христовыхъ вѣрныхъ слугъ,
На этотъ самый свѣтлый лугъ,
Чтобъ мученической предать ихъ казни.
Свободенъ, безъ оковъ, шагаетъ Жидъ средь нихъ:
Онъ нѣкоторыхъ зналъ въ Парижѣ прежде:
Вотъ почему онъ въ суетной надеждѣ,
Что увлечетъ хоть этихъ. Напримѣръ,
Онъ руку подалъ блѣдному аббату,
Лѣтъ тридцати.
„Лизету мнѣ и хату!“
„Я ваши пѣсенки, Лельеръ, не позабылъ.
Тогда—вы какъ же были милы,
Въ сарказмѣ вашемъ сколько было силы,
Какъ бредни поднимали вы на смѣхъ!
И что таить? да, и таить-то грѣхъ:
Вы поклонялись шалуну Вольтеру
И славили вездѣ естественную вѣру.
И васъ ли вижу здѣсь, любезный мой аббе,
Клянусь, въ живой моей печали?
Какъ въ сонмъ фанатиковъ безумныхъ вы попали?
И съ ними вы-ль одной обречены судьбѣ?
Ей-Богу, это странно, это ново!
Но полномочье отъ Карье
Есть у меня; скажите только слово:
„Я не христьанинъ!“—буду самъ безъ головы,
Когда не тотчасъ же свободны вы“.
И вотъ закованныя руки
Съ усильемъ на небо Лельеръ,
Съ молитвой тихою, безмолвною простеръ,
„Я христіанинъ“, онъ сказалъ. „Мнѣ муки
За Бога своего и Спаса и Христа

Принять такая честь, которой, окаянный,
Я бы не стоилъ никогда.
Но Онъ мой пѣстунъ постоянный,
Онъ, вѣрный Пастырь мой, бѣжавшую овцу,
Ужъ погибавшую, нашелъ въ степи ужасной,
На рамо возложилъ и, въ день святый и ясной,
Принесъ обратно къ Своему Отцу.
Молюся, докторъ, чтобъ и васъ нашелъ Спаситель".
„Sancta simplcitas", подумалъ соблазнитель,
„Вотъ молится, чтобъ Вѣчный Жидъ
Покаялся!" Но вмѣстѣ тайный стыдъ
Почувствовалъ и отошелъ смущенный.
Достигли мѣста. Тылъ къ рѣкѣ прижать
Глубокой и заранѣ раздраженной,
Что вновь ее тѣлами отягчать.
И собственную жизнь отъ выстрѣловъ спасая,
Тутъ разступилась стража городская,
И, глазъ съ страдальцевъ не спуская,
Построилась поодоль по бокамъ;
А тамъ, а тамъ—
Противу нихъ, по манію злодѣя.
Готова адомъ грянуть батарея....
Въ рукахъ солдатъ дымятся фители;
Но грохотомъ еще не дрогла грудь земли,
И молніи смертей еще не засверкали,
И медлитъ пасть на осужденныхъ рокъ.
Не миновалъ еще тираномъ данный срокъ
И могутъ всѣ еще, безъ горя, безъ печали,
Свободные, назадъ идти въ свой домъ,
А только бы разсталися съ Христомъ
И увѣщаніямъ Жида усерднымъ вняли:
Къ тому, къ другому онъ съ разсудкомъ и съ умомъ,
Съ доводами и просьбами подходитъ,
Но только ужасъ онъ на всѣхъ наводитъ
И всѣ бѣгутъ его, огородясь крестомъ;
Иной же говоритъ: „отыди, мужъ жестокой!
Что такъ моей души ты ищешь одинокой?"
Тутъ блѣдный Агасверъ, отчаянный игрокъ,
Не испытавъ такого срама съ роду,
Сталъ тасовать свою послѣднюю колоду.

Онъ смотритъ: молится дрожащій старичёкъ;
Взглянулъ: епископъ, въ фіолетовой одеждѣ;
Припомнилъ: онъ знакомъ и съ нимъ былъ прежде;
Къ нему подходитъ въ суетной надеждѣ:
„Какъ? Васъ ли, monseigneur, я вижу? Вы ли то?
Въ нотабляхъ были вы: встрѣчались мы въ Версали...
Однажды мнѣ съ улыбкой вы сказали:
„Здѣсь о религіи не думаетъ никто;
Но галликанской церкви бытъ
Быть долженъ сохраненъ: при немъ епископъ сытъ,
Да есть и лишекъ на собакъ сердитыхъ,
По всей окрестности проворствомъ знаменитыхъ,
На англійскаго добраго коня,
И—кое-что на что“... Оставивши меня
Вы въ бойкій разговоръ за „Фигаро“ вступили...
И послѣ легонькихъ усилій
Зоиловъ автора вы въ пухъ, вы въ прахъ разбили...
И нынѣ—извините—ха! ха! ха!
Не побоясь ни срама, ни грѣха,
Насъ увѣряете, что гибнете за вѣру!
Оставьте пошлому все это лицемѣру:
Вы гибните за вашихъ псовъ,
За вашего коня породы чистой
И кое-что за что: вы человѣкъ рѣчистый,
Но то оставили безъ дальнихъ словъ.
Я къ вашей кстати подоспѣлъ защитѣ:
„Философъ я“, скажите,
„Я не ханжа“ и вамъ свободенъ путь—идите“.
И старецъ покачалъ сѣдою головой:
„Тяжелый, страшный грузъ легъ надъ моей душой,
Но видитъ, знаетъ Онъ, мой Послухъ и Свидѣтель,
Что, скверны и мерзостей безчисленныхъ содѣтель,
Отъ Бога моего и Спаса и Христа
Не отступляюсь я никогда!“
И старецъ замолчалъ, и твердъ его былъ голосъ,
И солнцемъ озлащенъ кудрявый бѣлый волосъ,
И озлащенна борода,
Лучами облитъ весь.—Раздался конскій топотъ
И вершникъ закричалъ: „въ народѣ слышенъ ропотъ,
Немедленно къ себѣ

Васъ, докторъ, проситъ гражданинъ Карье,
А для преступниковъ настало время казни!“ —
—„Я посрамленъ попами: безъ боязни
Всѣ на смерть просятся: я, братъ, останусь здѣсь
И выжду я, чѣмъ кончится ихъ спѣсь...“
Вершникъ. „Здѣсь? здѣсь васъ убьютъ, застрѣлятъ“.
Жидъ. Какъ эти люди мелютъ,
А если я хочу застрѣленъ быть, убитъ?
Вершникъ. „У всякаго свой вкусъ“, тотъ молвилъ
и летитъ.
„Чтожъ — докторъ?“ вершнику Карье кричитъ.
Вершникъ. Вашъ докторъ—докторъ вашъ сердитъ!
Или съума сошелъ, или онъ англичанинъ...
Твердитъ: „я, братъ, останусь здѣсь
И посмотрю, чѣмъ кончится ихъ спѣсь“.
Карье. „Онъ англичанинъ! Ахъ, я въ сердце раненъ.
Агентъ онъ Іорка, Питтовъ онъ шпіонъ!
А былъ почти моимъ домашнимъ онъ!“
Такъ бормоталъ Карье: и гадокъ и смѣшонъ
Былъ изверга трусливый, жалкій стонъ;
Но вотъ пришелъ тиранъ въ остервененье:
„Пошлю я Робеспьеру донесенье,
А пусть теперь съ попами сгинетъ онъ,
Пали!“
И вотъ, по манію злодѣя,
Вдругъ смертью плюнула и адомъ батарея,
И съ болью дрогла грудь трепещущей земли.
И—половины нѣтъ. „Пали!“
И молніи смертей зміями засверкали,—
Всѣ, кромѣ двухъ, въ кровавый гробъ упали:
Епископъ молится, и Жидъ еще стоитъ.
„Твой англичанинъ не убитъ“,
Проконсулу сказали: кононеру
Подъѣхать ближе онъ велитъ
И выстрѣлъ прямо въ грудь направить Агасверу.
Раздался выстрѣлъ: выстрѣлъ—хоть куда!
Но только не попалъ въ Жида;
Епископа съ земли онъ поднялъ, какъ пророка
Илію великаго, и ринулъ въ глубь потока:
А на полетѣ, свысока,

Казалось, длани старика
Врозь распростертыя, всѣхъ тѣхъ благословляли,
Которые сегодня за Христа
Съ нимъ вмѣстѣ пострадали....
Но взоры всѣхъ стремятся на Жида
Прямешенько къ Карье идетъ онъ, невредимый,
Но видимой тоской тягчимый.
Сошлись. Карье. „Ты англичанинъ?“
Жидъ. Ты... дуракъ:
Ты развѣ не взглянулъ въ мои бумаги?
Карье. „Куда же ты идешь такъ смѣлъ и полнъ
отваги?“
Жидъ. Куда хочу.
Карье. „Тебя я задержу, чудакъ“.
Жидъ. Нѣтъ, не задержишь.
Карье. „Это какъ?“
Жидъ. Нѣтъ власти.
Карье. „Власти нѣтъ!“
Жидъ. Да такъ.
Ужъ въ Нантъ тотъ въѣхалъ, кто сегодня-жъ, мужъ
кровавый,
Тебя въ Парижъ отправитъ для расправы“.
Сказалъ; но вдругъ поникъ тяжелой головой
И, будто призракъ, онъ сокрылся за горой.

Примѣчаніе. Вся глава, изъ эпохи французской революціи въ рукописи автора озаглавлена такъ: „Седьмой (sic) отрывокъ Вѣчнаго Жида“. Затѣмъ онъ разбитъ на слѣдующіе отдѣлы: „1 § Нантъ“. „2 § Ужинъ у Карье“. „3 § Мученики“.— Вся глава переписана Кюхельбекеромъ на-бѣло, безъ помарокъ.

Прим. Рус. Стар.

VII [1]).

Вотъ такъ-то Агасверъ
Переплывалъ моря и рѣки;
Прошелъ всѣ земли, всѣ страны и вѣки

---

[1]) Въ рукописи автора озаглавлено такъ: „Окончательный отрывокъ“.

Прим. Рус. Стар.

И видѣлъ колыбель и гробъ племенъ и вѣръ,
Рожденье и кончину мнѣній.
Онъ длинную прошелъ аллею поколѣній
И былъ свидѣтелемъ холоднымъ много разъ,
Какъ человѣчества упадшій съ неба геній
Отъ смраднаго дыханія заразъ,
Отъ жаднаго ножа крамолы и смятеній,
Отъ труса и войны, грѣховъ и заблужденій,
Въ смертельныхъ корчахъ пздыхалъ,
Какъ палъ ходилъ всемірныхъ превращеній
И всѣ его созданья поѣдалъ;—
Или-жъ, какъ онъ побѣдоносный геній,
Торжествовалъ могуществомъ ума
И быстро таяла предъ блескомъ свѣта тьма.
Но наступила снова перемѣна
И повторялся роковой законъ:
Какъ нѣкогда слова: Мемфисъ и Вавилонъ,
Такъ звуки: Лиссабонъ, Неаполь, Вѣна,
Москва, Аѳины, Римъ—
Съ народной памятной скрижали
Одинъ стирались за другимъ
И темной притчею столѣтій дальныхъ стали.—
Британецъ гордый уступилъ волкамъ
Свой бѣлый островъ, торжище вселенной;
Развалинъ грудой сталъ Парижъ надменный;
Вновь океанъ шумитъ и воетъ тамъ,
Гдѣ полуночная Пальмира
Влекла къ себѣ и страхъ и взоры міра.
Иныя стали слышны имена:
Въ замѣну старыхъ, новыя державы
Блеснули подъ луной однимъ мгновеньемъ славы,
Но слѣдъ и ихъ исчезъ, какъ слѣдъ пустаго сна,
И вотъ послѣдняя настала перемѣна....
И вдругъ среди померкнувшихъ небесъ
Ужъ не было ни солнца, ни чудесъ,
И стала грязью радужная пѣна;
И пролетѣла жизнь земли, какъ мигъ:
Конца всѣхъ странствій Агасверъ достигъ.
Люди всѣ почти легли
Въ лоно матери-земли;

Даже человѣка голосъ
Раздается рѣдко гдѣ....
Какъ въ забытой бороздѣ
Иногда и въ зиму колосъ
Уцѣлѣетъ одинокъ,
Такъ, пойдетъ ли на востокъ,
Путь простретъ ли къ полуночи,
Могъ не часто въ оный вѣкъ
Человѣка встрѣтить очи
Одинокій человѣкъ
И брани умолкли и слышанія браней [1]);
Мечи еще цѣлы, но нѣтъ ужъ дланей;
Нейдетъ ни откуда кровавая рать;
Ужъ не за что брату на брата возстать.
Послѣдняя вскорѣ зажжется денница:
Нашъ шаръ совершилъ свою жизнь и судьбу;
Простерлась Архангела съ неба десница,
И взять онъ готовъ роковую трубу....
Затрубитъ,—и мрачнаго, хладнаго гроба
Отверзнется съ трескомъ нѣмая утроба;
На грозный его, повелительный зовъ
Застонетъ земля—и родитъ мертвецовъ.
И Тотъ, Кто былъ распятъ, и проклятъ, и поруганъ.
Тогда появится средь свѣтлыхъ облаковъ,
Средь сонма Ангеловъ, Своихъ святыхъ рабовъ,—
И затрясется адъ—Его судомъ испуганъ.
И приближался часъ, когда пріидетъ Онъ:
Безъ остановки, безъ препонъ,
На шумныхъ крыльяхъ къ неминучей цѣли
Земля летѣла;—люди все рѣдѣли...
И оставался наконецъ
Единственный изъ милліоновъ,
Не сынъ, не братъ онъ, не отецъ:
Онъ пережилъ паденье троновъ,
Наукъ, искусствъ и городовъ,
И видѣлъ онъ возобновленье

[1]) „Услышати-же имати брани и слышанія бранемъ: зрите, не ужасайтеся: подобаетъ бо всѣмъ симъ быти, но не тогда есть кончина“ и проч.

В. К.

Болотъ и дебрей, и лѣсовъ,
Гдѣ блескъ и лоскъ и развращенье
Когда-то пировали пиръ....
Съ чего?—не все-ль равно? а міръ
Одряхшій, предъ своей кончиной
Весь сталъ пустынею единой;—
И въ той пустынѣ заползли,
Взились и забродили снова,
Воскреснувъ, первенцы земли... [1])
Ихъ кости крыла горъ основа
И омывалъ безмолвный ходъ
Таинственныхъ бездонныхъ водъ,
Которыхъ глуби лотъ не знаетъ,
Которыхъ сна не возмущаетъ
Дыханье бурь и непогодъ...
Но потряслись и глубь и горы [2]),
И выступаетъ во всѣ поры
Предъ смертію планеты потъ—
И съ нимъ чудовища,—и вотъ
Ихъ видятъ человѣка взоры.
Ожившій Машутъ зашагалъ;
Летятъ, уродливое племя
Вдругъ зашныряло; въ то же время
Сто щупъ до облаковъ подъялъ
Полипъ, подобье Бріарея;
Подъ тяжестью морскаго змѣя
Кипитъ и стонетъ гнѣвный валъ.
Здѣсь птеродактиль, ящеръ-птаха,
Въ тяжеломъ воздухѣ кружитъ;
Тамъ движется огромный щитъ,—
То въ десять сажень черепаха.
И безъ клеврета человѣкъ
Межъ нихъ, межъ тварей разрушенья,
И жаждетъ онъ успокоенья
И вопитъ: „безъ конца мой вѣкъ!“

---

[1]) Здѣсь дѣло идетъ о допотопныхъ животныхъ и нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ еще не рѣшено, баснословныя ли они или нѣтъ.

[2]) Въ простомъ народѣ полагаютъ, что отъ поту нѣкоторыхъ больныхъ зарождаются вши.

В. К.

Но между тѣмъ уже притекъ
Тотъ вечеръ, за которымъ дня свѣтилу
Надъ мертвымъ міромъ не всходить:
Допрядена подлунной жизни нить,
И канетъ трупъ земли въ бездонную могилу.
Жалокъ тотъ, кого сразилъ
Рокъ суровый смертью брата;
Тяжела того утрата,
Кто подругу схоронилъ;
Слезъ достоинъ тотъ и бѣденъ,
Кто стоитъ одинъ и блѣденъ
Средь чужихъ ему людей
Надъ доскою гробовою —
Всѣхъ родимыхъ, всѣхъ друзей,
Всѣхъ, съ кѣмъ связанъ былъ душою.
Но мучительнѣе часть
Пережившаго отчизну;
Тотъ-же, кто свершаетъ тризну
Надъ вселенной, долженъ пасть
Подъ судьбой невыносимой,
Хоть бы былъ титанскій духъ
Для движенья сердца глухъ
Каменный, несокрушимый.
Послѣдній человѣкъ былъ мужъ булатныхъ силъ:
Холодный, дерзостный, безчувственный, надменный;
Жены, дѣтей, друзей, страны родной лишенный,
Онъ зубы стиснулъ и — слезы не уронилъ;
Но предпослѣднему закрылъ слѣпыя очи,
И что же? — средь пустой и безпредѣльной ночи,
Какъ волкъ неистовый въ нѣмой степи завылъ:
А тотъ его врагомъ заклятымъ, горькимъ былъ. —
И сидитъ одинъ и страшенъ
Онъ, единый властелинъ
Міра труповъ и личинъ:
Были тамъ остатки башенъ,
Камни, слѣдъ какихъ-то стѣнъ,
Мѣдь, желѣзо, даже злато;
Городъ тамъ стоялъ когда-то,
Но теперь все прахъ и тлѣнъ:
Нѣтъ ему нигдѣ отвѣта;

Съ мужемъ-горя нѣтъ и пса;
Звѣзды безъ лучей и свѣта...
Нѣтъ лупы, одна комета
Опаляетъ небеса.
„Адъ одиночества, адъ однозвучный!
Страшно мнѣ: вырвуся, выбѣгу вонъ!“
Такъ простоналъ и дрожитъ злополучный:
Гулъ повторилъ его бѣшенный стонъ;—
Вдругъ замолчалъ, посмотрѣлъ и хохочетъ:
Бѣлая бездна, сліяніе рѣкъ,
Въ пропасти черной реветъ и клокочетъ;
Вспрянулъ послѣдній живой человѣкъ,
Въ зѣвъ ея радостно ринуться хочетъ...
Но кто же за руку его остановилъ?
Какое вышло вдругъ изъ дебри привидѣнье?
Мечта ли, или есть въ груди его біенье?
Еще ли есть одинъ не мертвый средь могилъ?
Походка тяжела, какъ будто истукана,
Который, отдѣлясь отъ мѣднаго коня,
Вдругъ сталъ шагать на зовъ безумца Донъ-Жуана [1]).
Въ лицѣ нѣтъ жизни, нѣтъ въ очахъ огня;
Но мышцы, ростъ и кости великана:
Не горестный, не воющій призракъ
Въ конечный день земли покинулъ гроба мракъ,
Нѣтъ, Агасверъ безсмертный ждетъ возврата
Изъ-за пучины солнцевъ и свѣтилъ
Христа, распятаго велѣніемъ Пилата:
Онъ въ этотъ страшный часъ къ страдальцу
приступилъ.—
И смертный узнаетъ, кого передъ собою
Увидѣлъ,—и смирился передъ нимъ,
Кто болѣ всѣхъ людей испытанъ былъ Судьбою:
„Утѣшься! . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Тебѣ отдохновеніе настало“.

---

[1]) См. траги-комедію Мольера, оперу, передѣланную изъ этой комедіи и геніальный отрывокъ нашего Пушкина: „Каменный Гость“.

В. К.

Такъ сыну тлѣнія нетлѣнный странникъ рекъ;
Безъ жизни палъ въ его объятья человѣкъ;
Тотъ, молча, на землю слагаетъ трупъ недвижный.
На груду камней сѣлъ и взоръ подъялъ горѣ
На встрѣчу дивной и таинственной зарѣ,
Предвѣстницѣ, что сходитъ Непостижный. —

1842 г. **В. К. Кюхельбекеръ.**

Примѣчаніе. Подлинная рукопись, автографъ, этой поэмы, съ которой она напечатана,— сообщена въ 1870 г., въ числѣ прочихъ бумагъ Кюхельбекера, дѣтьми покойнаго поэта М. В. Кюхельбекеромъ и Ю. В. Косовой, рожденной Кюхельбекеръ Русской Старинѣ. Рукопись въ листъ, 76 страницъ, переписана на бѣло самимъ авторомъ съ нѣкоторыми, мѣстами, поправками и измѣненіями.

Стихотворенія.

Напечатанныя раньше [1]).

Къ моему Генію.

Приди, мой добрый, милый Геній,
Приди бесѣдовать со мной!
Мой вѣрный другъ въ пути мученій,
Единственный хранитель мой!
Съ тобой уйду отъ всѣхъ волненій,
Отъ свѣта убѣгу съ тобой,
Отъ шума, скуки, принужденій!
О, возврати мнѣ мой покой!
Главу съ тяжелыми мечтами
Хочу на грудь твою склонить
И на груди твоей слезами
Больную душу облегчить!—
Не ты, не ты моимъ страданьемъ
Меня захочешь упрекать,
Шутить надъ теплымъ упованьемъ
И сердце разумомъ терзать!
Но было время—раздѣленья
Отъ братій ждалъ я, отъ друзей;—
Зачѣмъ тоски и наслажденья
Я не берегъ отъ ихъ очей!
Безмолвный стражъ моей святыни.—
Я стану жить въ одномъ себѣ:
О ней я говорю отнынѣ,
Хранитель, одному тебѣ!
О ней! ее я обожаю,
Ей жизнь хотѣлъ бы я отдать!
Чего же я, чего желаю?
Чего желать?—любить, страдать!—

[1]) Стихотворенія Кюхельбекера мы дѣлимъ лишь на два отдѣла: первый—стихотворенія напечатанныя раньше и второй—стихотворенія непечатанныя прежде нигдѣ, а появляющіяся здѣсь впервые. Такихъ не мало и вотъ причина нашего раздѣленія. *Ю. Балтикова.*

Приди—о ты, мой добрый Геній,
Приди бесѣдовать со мной,
Мой вѣрный другъ въ пути мученій,
Единственный сопутникъ мой!
1818 г.

Романсъ.

Теперь узнала я, о чемъ,
Когда зефиры сладко дуютъ,
Въ лѣсу прохладномъ и густомъ
Такъ томно голубки воркуютъ.
Теперь я поняла тебя,
Пѣвица нѣги—филомела!
Увы! Я и самой себя
До сей поры не разумѣла!
Не спалось вешней ночью мнѣ;
Цвѣты не мнѣ благоухали;
Я днемъ ходила, какъ во снѣ;
Я вяла въ сладостной печали.—
Глядя на небо, на луну,
Сквозь вѣтви сумрачной березы,
На осребренную волну
Я часто проливала слезы!
И красный міръ мнѣ скученъ былъ,
Весна меня не веселила:
Но сколько свѣтъ съ тѣхъ поръ мнѣ милъ,
Какъ я Эраста полюбила!
Съ тѣхъ поръ, какъ знаю я, о чемъ,
Когда зефиры сладко дуютъ,
Въ лѣсу прохладномъ и густомъ
Такъ нѣжно голубки воркуютъ.
1820 г.

Тѣнь Рылѣева.

Въ ужасныхъ тѣхъ стѣнахъ, гдѣ Іоаннъ,
Въ младенчествѣ лишенный багряницы,
Во мракѣ заточенья былъ закланъ
Булатомъ ослѣпленнаго убійцы,
Во тьмѣ, на узничьемъ одрѣ, лежалъ
Пѣвецъ, поклонникъ пламенной свободы.
Отторженъ, отлученъ отъ всей природы,
Онъ въ вольныхъ думахъ счастія искалъ.
Но не придутъ обратно дни былые:
Прошла пора надеждъ и сновъ...
И вы, мечты, вы, призраки златые,
Не позлатить желѣзныхъ вамъ оковъ!..
Тогда (то не былъ сонъ) во мракъ темницы
Небесное видѣніе сошло...
Раздался звукъ торжественной цѣвницы...
Испуганный пѣвецъ подъялъ чело:
На облакахъ несомый,

Явился образъ, узнику знакомый:
„Несу товарищу привѣтъ
„Изъ той страны, гдѣ нѣтъ тирановъ.
„Гдѣ вѣченъ миръ, гдѣ вѣчный свѣтъ,
„Гдѣ пѣтъ ни бури, ни тумановъ.
„Блаженъ и славенъ мой удѣлъ:
„Свободу русскому народу
„Могучимъ гласомъ я воспѣлъ,
„Воспѣлъ и умеръ за свободу!
„Счастливецъ, я запечатлѣлъ
„Любовь къ землѣ родимой кровью...
„И ты, я знаю, пламенѣлъ
„Къ отчизнѣ чистою любовью.
„Грядущее твоимъ очамъ
„Разоблачу я въ утѣшенье...
„Повѣрь, не жертвовалъ ты снамъ:
„Надеждамъ будетъ исполненье!“
Онъ рекъ—и безтѣлесною рукой
Раздвинулъ стѣны, растворилъ затворы...
Воздвигъ пѣвецъ восторженные взоры—
И видитъ: на Руси святой
Свобода, счастье и покой...

1827 г.

Шлиссельбургская крѣпость.

Вопросы.

Ужель и неба лучшіе дары
Въ подлунномъ мірѣ только сновидѣнье?
Ужель по тверди только до поры
Совершаютъ звѣзды давное теченье?
Должно ли вѣдать гнѣвъ враждебныхъ лѣтъ,
Душа души, святое вдохновенье,
Должно ли опадать въ одно мгновенье,
Какъ въ осень сорванный со стебля цвѣтъ?
Увы мнѣ! съ часу на часъ рѣже, рѣже
Живительнымъ огнемъ согрѣтъ мой духъ!
И тотъ же міръ и впечатлѣнья тѣ же,
Но прежнихъ пѣсней не уловитъ слухъ,
Но я не тотъ; ужъ нѣтъ живого чувства,

Которымъ средь свободныхъ, смѣлыхъ думъ
Бывалъ отважный окрыляемъ умъ:
Я робкій рабъ холоднаго искусства—
Сѣдѣетъ волосъ въ осень скорбныхъ лѣтъ;
Ни жару, ни цвѣтовъ весеннихъ нѣтъ...

Море сна.

Мнѣ вѣдомо море, сѣдой океанъ:
Надъ нимъ безпредѣльный простерся туманъ.
Надъ нимъ лучезарный не катится щитъ:
Но звѣздочка блѣдная тихо горитъ.
Пускай океана невѣдомъ конецъ—
Его не боится отважный пловецъ;
Въ него меня манитъ незанятый блескъ,
Таинственный шопотъ и сладостный плескъ.
Въ него погружаюсь одинъ, молчаливъ,
Когда настаетъ полуночный приливъ,
И чуть до груди прикоснется волна,
Въ больную вливается грудь тишина.
И вдругъ я на берегѣ—будто знакомъ!
Гляжу и вхожу въ очарованный домъ:
Изъ оконъ любезныя лица глядятъ
И рѣчи привѣтныя слухъ веселятъ.
Не милыхъ ли сердцу я вижу друзей?
Когда-то товарищей жизни моей?
Всѣ, всѣ они здѣсь! удержать не могли
Ни рокъ ихъ, ни люди, ни нѣдра земли!
Попрежнему льется живой разговоръ;
Попрежнему свѣтится дружескій взоръ...
При вѣщемъ сіяніи райской звѣзды,
Забыта разлука, забыты бѣды.
Но ахъ! предъ зарей наступаетъ отливъ—
И слышится мнѣ неотрадный призывъ...
Стаяло все—и мерцаніе дня
Въ пустынѣ глухой освѣтило меня.

Я есмь—конечно есть и Ты.

Онъ есть!—умолкни лепетанье
Холодныхъ, дерзостныхъ слѣпцовъ!
Онъ есть! я рукъ его созданье;
Онъ царь и Богъ своихъ міровъ.
Въ немъ жизнь, и свѣтъ, и совершенство;
Благоговѣть предъ Нимъ—блаженство:
Блаженство называть Творца
Священнымъ именемъ Отца.
„Не рвися думой за могилу!
„Дѣла, дѣла—вотъ твой удѣлъ!
„Опрись на собственную силу,
„Будь твердъ, и доблестенъ, и смѣлъ!
„Увѣренъ ты въ себѣ единомъ—
„Такъ изъ себя все почерпай:
„И міра будешь властелиномъ,
„И обрѣтешь въ себѣ свой рай!“
Денницы падшаго ученье,
Сліянье истины и лжи!
Мудрецъ! я есмь въ сіе мгновенье,
А былъ ли прежде? мнѣ скажи!
Теперь я мыслю—а давно ли?
И сталъ я отъ своей ли воли?
И какъ изъ нѣдръ небытія
Вдругъ просіяло это „я“?
Владѣй страстьми, брось лицемѣрье!
Повѣдай: радость и печаль,
Любовь и гнѣвъ, высокомѣрье,
И страхъ, и зависть ты всегда ль
Смирялъ успѣшно? крови пламень
Тушилъ всегда ли? Я не камень:
Бываю выше суеты,
Но помощію съ высоты.
Пусть умъ не постигаетъ Бога—
Что нужды?—вижу я Его:
Тамъ среди звѣзднаго чертога,
Здѣсь въ глуби сердца моего
И въ чудесахъ моей судьбины.

Такъ, буду жить я безъ кончины
Неразрушимымъ бытіемъ
Могучимъ, вѣчнымъ—но о Немъ!
Онъ недоступенъ для гордыни,
Онъ тайна для очей ума;
Блеснуть былъ долженъ лучъ святыни,
Чтобы расторглась наша тьма...
И се блеснулъ!—Я вѣсти внемлю:
Всевышній самъ сошелъ на землю—
Отецъ духовъ, владыка силъ,
Богъ въ Сынѣ намъ себя явилъ.

Сонъ и смерть.

О сонъ безмолвный! благотворный геній!
Таинственный!—сколь ты могучъ и тихъ!
Ты царь, и правишь племенемъ видѣній!
Тотъ счастливъ, кто въ объятіяхъ твоихъ
Забвенье всѣхъ житейскихъ пьетъ волненій;
Ты повелишь ли, кроткій духъ утѣхъ,—
И въ мигъ тоску страдальца смѣнитъ смѣхъ.
Тому, кто разлученъ навѣкъ съ друзьями,
Священныя, родныя имена
Не ты ль твердишь волшебными устами?
Тобой пустыня вдругъ населена:
На *нихъ* восторга полными очами
Онъ смотритъ, внемлетъ сладкимъ ихъ рѣчамъ,
Ихъ руку жметъ: онъ съ милыми—онъ тамъ!
Скажи же мнѣ, мой горній утѣшитель,
Душѣ моей встревоженной открой:
Кто тотъ другой могучій усыпитель,
Тотъ духъ нѣмой и грозный? Братъ ли твой?
Его земли мгновенный посѣтитель,
Страшливый гость подъ солнцемъ, человѣкъ,
Суровымъ, тяжкимъ именемъ нарекъ...
Твой братъ, или ты самъ, но измѣненный,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, съ завѣшеннымъ челомъ?
Готовъ я, зноемъ жизни изнуренный,
Назвать могилу сладостнымъ одромъ.
Властитель дивный, мракомъ покровенный,

Поставившій средь ночи свой престолъ!
Да внемлешь мнѣ, да примешь мой глаголъ:
Когда закроешь мнѣ надолго вѣжды
И остановишь токъ моей крови,
И снимешь бремя тягостной одежды,
Съ раменъ моихъ — тогда ты мнѣ яви
Нетщетными обѣты той надежды,
Обѣты тѣхъ божественныхъ свѣтилъ,
Для коихъ я дышалъ, страдалъ и — жилъ!

Брату.

Повсюду вижу Бога моего!
Онъ чадъ своихъ отецъ — и не покинетъ,
Нѣтъ, не отвергнетъ никогда того,
Въ комъ вѣра въ Милосерднаго не остынетъ.
Господь, мой Богъ — на сушѣ, на водахъ,
И въ шумномъ множествѣ, въ мірскомъ волненьи,
И въ хижинѣ, и въ пышныхъ теремахъ,
И въ пристани души — въ уединеньи...
Нѣтъ мѣста, коего лучомъ своимъ
Не озарялъ бы Онъ, повсюду-сущій;
Нѣтъ мрака, нѣтъ затменья предъ Нимъ:
Всѣмъ близокъ Благостный и Всемогущій!
Онъ близокъ: я уже Его узналъ
И здѣсь, въ глухихъ стѣнахъ моей темницы;
И здѣсь, среди сѣдыхъ, угрюмыхъ скалъ,
Меня покрыла сѣнь Его десницы.
Онъ близокъ! — близокъ и тебѣ, мой другъ!
Къ нему лети на крыльяхъ упованья...
Его услышишь въ самомъ стонѣ вьюгъ
И узришь въ льдинахъ твоего изгнанья!

1831 г.

Блаженство.

(Изъ Геллерта).

По краткомъ срокѣ испытанья
Безсмертье ожидаетъ насъ:
Тогда поглотитъ всѣ стенанья
Исполненный восторга гласъ;

Мы здѣсь обречены трудамъ—
Тамъ наше воздаянье—тамъ!
Тамъ!.. Ужъ и здѣсь часы блаженства
Даются чистому душой;
Но на землѣ нѣтъ совершенства.
Не проченъ и сердецъ покой:
Былъ человѣкомъ человѣкъ—
И человѣкомъ будетъ вѣкъ.
То́ міръ съ своими суетами,
То́ врагъ, который въ насъ самихъ
И рѣдко побѣждаемъ нами,
То́ преткновенье отъ другихъ,
То́ немощь, то соблазнъ утѣхъ
Ввергаютъ насъ въ печаль и грѣхъ.
Здѣсь часто добродѣтель страждетъ,
Порокъ во славу облеченъ;
Сгубить счастливца злоба жаждетъ,
А кто несчастливъ—тотъ забвенъ;
Здѣсь смертный не бываетъ чуждъ
Ни слезъ, ни слабостей, ни нуждъ.
Здѣсь лишь ищу, но *тамъ* найду я;
Я весь преображуся тамъ:
Тамъ узрю Бога, торжествуя,
Предамся пѣснямъ и хваламъ!
Изъ вѣка въ вѣкъ и безъ конца,
Прославлю тамъ любви Отца!
Моей Его святую волю,
Моимъ блаженствомъ буду звать,
И въ неотъемлемую долю,
Онъ дастъ мнѣ свѣтъ и благодать;
Съ ступени взыду на ступень,
Незаходимый встрѣчу день...
И мнѣ тотъ день откроетъ ясно
Все то, что тёмно на землѣ;
Премудро, свѣтло и прекрасно
Тамъ явится, что здѣсь во мглѣ;
Съ благоговѣньемъ преклоняясь,
Судебъ постигну цѣль и связь.
Къ престолу Господа проникну—
Туда, гдѣ Онъ не покровенъ.

„Святъ, святъ Господь мой! святъ!“ воскликну,
Его сіяньемъ озаренъ...
И рать духовъ тогда со мной
Все небо огласитъ хвалой.
Средь ангеловъ—имъ равенъ буду,
И буду чистъ, подобно имъ,
И грѣхъ и скорбь земли забуду,
И пріобщусь, благой, къ благимъ:
Возрадуюсь ихъ части я,
И будетъ часть ихъ—часть моя.
О, радость паче словъ и мѣры!
Тамъ и того увижу вновь,
Кто подалъ мнѣ свѣтильникъ вѣры,
Платилъ любовью за любовь—
И, прежде чѣмъ съ земли исчезъ,
Мнѣ указалъ страну небесъ.
О, если бъ, встрѣтившись со мною,
И мнѣ промолвилъ кто въ раю:
„Мой братъ, не я ль спасенъ тобою?
„Ты жизнь, ты душу спасъ мою!“
Невыразимо тотъ блаженъ,
Кѣмъ погибавшій братъ спасенъ!
За мной мгновенной жизни горе:
Какъ дымъ, исчезнетъ въ оный день,
Какъ капля въ безпредѣльномъ морѣ,
Какъ отъ лучей ночная тѣнь,
Какъ сотворенный сномъ призракъ,
Когда предъ солнцемъ таетъ мракъ.

Поминки.

Помянемъ же родимыхъ,
Ушедшихъ въ міръ иной,
Возлюбленныхъ, незримыхъ,
Вкушающихъ покой!
Для нихъ ужъ нѣтъ печали,
Заботы нѣтъ для нихъ...
Мы только—мы отстали
Отъ спутниковъ своихъ.
Ахъ! съ нами не они ли,
Среди надеждъ и сновъ,
И радости дѣлили,
И тягости трудовъ?
Ихъ взоръ для насъ, унылыхъ,
Податель былъ утѣхъ:
Мы все въ объятьяхъ милыхъ
Вкушали—плачъ и смѣхъ.
И вотъ—надъ ихъ гробами
Стоимъ мы здѣсь одни:
Ужъ нѣтъ любезныхъ съ нами!
Увы! ушли они!
Что вѣкъ нашъ?—сонъ! мечтанье!

Не все ли здѣсь на часъ?
Что-жъ вѣчное желанье
Одно не гаснетъ въ насъ?
Найдемъ ли похищенныхъ?
Ихъ погребли мы прахъ;
Поищемъ незабвенныхъ
Въ надоблачныхъ странахъ.
Не тамъ ли совершенство,
Не тамъ ли миръ и свѣтъ?
И царствуетъ блаженство,
И слезъ и стоновъ нѣтъ?
О, Милосердный, Вѣчный!
Да совершимъ съ Тобой
Мгновенный, скоротечный,
Но скользкій путь земной!
Да узримъ надъ звѣздами
Всѣхъ тѣхъ, которыхъ Ты
Связалъ любовью съ нами
Въ юдоли темноты!
Не смыла ли ихъ пятна
Спасителева кровь?
Вовѣки необъятна,
Отецъ, Твоя любовь!
Идемъ съ Твоею силой:
Тяжелъ житейскій путь;
Но съ ними за могилой
Ты дашь намъ отдохнуть.
Еще мы не въ пустынѣ...
Умолкъ не всѣхъ же гласъ...
Не всѣ друзья понынѣ
Опередили насъ...
Не огорчимъ ни словомъ,
Ни взглядомъ остальныхъ:
Ты, Боже, будь покровомъ
И мертвыхъ и живыхъ!
И мы закроемъ очи
Въ опредѣленный срокъ...
Но средь могильной ночи
Зардѣется востокъ:
Насъ встрѣтитъ взоръ любезный,
Увидимъ ихъ въ лучахъ,
И ужъ разлуки слезной
Не будетъ въ небесахъ.
Тоскуемъ мы и страждемъ...
Безсмертія водой,
Водой, которой жаждемъ,
Создатель, насъ напой!
Владыка, вождь, хранитель!
Не дай споткнуться намъ!
Да внидемъ въ ту обитель!
Да будемъ чисты тамъ!

Памяти Грибоѣдова.

Когда еще ты на землѣ
Дышалъ, о другъ мой незабвенный!
А я, съ тобою разлученный,
Уже страдалъ въ тюремной мглѣ.
Зачѣмъ, видѣньемъ принесенный,
Въ отрадномъ, благодатномъ снѣ
Тогда ты не явился мнѣ?
Ужели мало, братъ мой милый,
Я, взятый за́живо могилой,
Тоскуя, думалъ о тебѣ?
Когда въ боязненной мольбѣ
Слова въ устахъ моихъ коснѣли,
Любезный братъ твой неужели
Безъ слезъ, безъ скорби звалъ къ себѣ?
Вотще я простиралъ объятья,

Я звалъ тебя, но звалъ вотще:
Безсильны были всѣ заклятья —
Ты былъ незримъ моей мечтѣ.
Увы! всего лишь разъ единый
Передо мной въ полночный мракъ
Возсталъ возлюбленный призра́къ —
Не злой ли часъ твоей кончины?
Но не было глубокихъ ранъ,
Свидѣтелей борьбы кровавой,
На тѣлѣ избраннаго славой
Пѣвца, воспѣвшаго Иранъ —
И — ахъ! — сраженнаго Ираномъ.
Одѣянъ не былъ ты туманомъ,
Не искаженъ и не унылъ,
Не блѣденъ... нѣтъ, ты ясенъ былъ;
Ты былъ въ кругу моихъ родимыхъ,
Тобой незнанныхъ, но любимыхъ,
Тебя любившихъ, не видавъ.
Въ видѣньи оной вѣщей ночи
Твои свѣтлѣе были очи,
Чѣмъ среди смѣха и забавъ
Въ чертогахъ суеты и шума,
Гдѣ свой покровъ нерѣдко дума
Бросала на чело твое,
Гдѣ ты прикрыть желалъ ее
Улыбкой, шуткой, разговоромъ...
Но дружбѣ взоръ орлиный данъ:
Великодушный твой обманъ
Орлинымъ открывался взоромъ...
Такъ, мнѣ однажды только сонъ
Тебя представилъ благотворный.
Съ тѣхъ поръ, суровый и упорный,
Отказывалъ мнѣ долго онъ
Привлечь въ обитель испытанья
Твой духъ изъ области сіянья.
А между тѣмъ мои страданья
Копились и росли... но вдругъ,
Ты что-то часто, братъ и другъ,
Златую предваря денницу,
Спускаться сталъ въ мою темницу.

Или зовешь меня туда,
Гдѣ ты, паря подъ небесами,
Ликуешь съ чистыми духами,
Гдѣ вѣчны свѣтъ и красота,
Въ страну покоя надъ звѣздами?
Или же (много я любилъ!)
Тѣ, коихъ взоръ и въ самомъ мракѣ,
Какъ лучъ живительныхъ свѣтилъ,
Какъ даръ былого, я хранилъ,
Всѣ, всѣ въ твоемъ сліялись зракѣ?

Брату.

(Въ день его именинъ 1833 г.).

Короче день—и рѣже съ океана
Снимается сѣдая ткань тумана;
Желтѣетъ мой любимецъ, гордый кленъ,
Который прихотливою судьбою
Былъ съ рощей разлученъ родною
И здѣсь межъ камней возращенъ...
Такъ! осень царствуетъ—и скоро, скоро птицы
Подымутся съ полночныхъ, грозныхъ скалъ:
На полдень путь имъ начерталъ
Всемощный перстъ невидимый десницы.
Увидитъ надъ собой ихъ вереницы
Съ высокой палубы пловецъ—
И скажетъ: „краснымъ днямъ на сѣверѣ конецъ!“
Мертвѣетъ блѣдная природа;
На сумрачный полетъ дряхлѣющаго года
Глядитъ, задумавшись, пѣвецъ.
Но и безъ лѣтняго, блестящаго свѣтила
Мнѣ святъ и дорогъ праздникъ Михаила.
Давно не для меня и ароматъ цвѣтовъ,
И роскошь нивъ, и видъ присолнечныхъ холмовъ,
Не для меня дубравы темной шопотъ,
И пѣсни соловья,
И водопада ревъ, и плескъ, и шумъ, и ропотъ
Прозрачнаго ручья.
Давно покинулъ я всѣ красоты вселенной:
Въ стѣнахъ угрюмыхъ заключенный,

Давно отъ нихъ оторванъ я.
Остались мнѣ одни воспоминанья...
Но, другъ мой, въ день твоихъ ли именинъ
Я буду въ одиночествѣ—одинъ?
Сберется мой народъ—крылатыя мечтанья.
И съ ними сяду я за пиръ,
Забуду стражей и затворы,
Забуду цѣлый міръ—
И вдругъ перенесусь за степи, рѣки, горы.
Въ твой тихій домъ, къ тебѣ...
Тамъ, сéрдца счáстливымъ обманомъ упоенный,
Воскликну я: „хвала судьбѣ!
„Мнѣ возвращенъ мой братъ, со мною разлученный“.
И что жъ? пространство ли одно
По волѣ сокращать мечтаніямъ дано?
Ихъ вѣтренное племя
Не покорило ли и самый рокъ и время?
Не призракъ ли былыхъ, прекрасныхъ дней
Они подъемлютъ изъ могилы?
Отъ вѣянья ихъ чудотворной силы
Вдругъ предо мной всплываетъ сонмъ тѣней:
Я вижу утра моего друзей,
Всѣхъ вижу ихъ, какъ ихъ видалъ, бывало!
Такъ—вотъ и тотъ, кого давно уже не стало,
И тотъ, который живъ, но дружбѣ измѣнилъ;
Тѣ съ высоты честéй, тѣ изъ степей изгнанья,
Изъ шумныхъ городовъ, изъ тишины могилъ—
Всѣ, всѣ стеклися для свиданья!
Сдается—только сонъ всѣ наши испытанья:
Ихъ образъ тотъ же, тотъ же разговоръ,
И слышу тотъ же смѣхъ и тотъ же жаркій споръ...
Но мигъ—и нѣтъ ихъ... Я на брегѣ Авиноры,
Надъ зеркаломъ рѣки моей родной...
Здѣсь за струей когда-то наши взоры
Бѣжали, жадные, въ туманъ дали сѣдой;
Мы здѣсь, мой братъ, рука съ рукой
Бродили, счáстливыя дѣти,
Глядѣли, какъ рыбакъ закидываетъ сѣти,
Или какъ челнъ скользитъ надъ свѣтлой глубиной.

Напомнить ли тебѣ робинсонады,
Романы пылкіе младенческой мечты,
Какіе слуху намъ внимающей наяды
Разсказывали здѣсь когда-то я и ты?
Пойти ли въ садикъ посѣтить цвѣты,
Взглянуть на дерева́, посаженныя нами?
Увы! давно цвѣты тѣ отцвѣли,
Давно смѣшались съ перстію земли
И узнаны не будутъ деревами...
Все минуло; быть-можетъ, не найти
Намъ даже мѣста на кладбищѣ,
Гдѣ нашъ старикъ, сошедъ съ житейскаго пути,
Обрѣлъ послѣднее жилище.
О, да покоится на лонѣ тишины!
Онъ во-время сомкнулъ страдальческія вѣжды:
Еще тогда его сыны
Вливали въ грудь отца и радость, и надежды.
Но, полно! Чувствую, какъ голосъ мой дрожитъ,
Какъ слезы брызнуть изъ очей готовы.
Мой утѣшитель—геній прочь летитъ:
Уже не свѣтлы—мрачны и суровы
Тѣ гостьи, коихъ въ уголку своемъ
На праздникъ друга созвалъ твой пустынникъ...
Богъ съ ними! Пользы нѣтъ тужить вдвоемъ;
Умолкну, милый именинникъ!
Очнулся я—и нѣтъ уже картинъ,
Какими тѣшило меня воображенье:
Подъемлю взоры—я попрежнему одинъ;
Склоняю слухъ—кругомъ уединенье...

Свеаборгская крѣпость.
29 сентября 1833 года.

Племяннику, Д. Г. Глинкѣ, при пересылкѣ притчи св. Димитрія.

Ты далеко отъ насъ, въ странѣ чужой,
Ты тамъ, гдѣ въ старину король морской [1]),
Бывало, спуститъ въ пѣнистыя волны

[1]) Королями морскими—викингами назывались вожди нормандскихъ удальцовъ, опустошавшихъ приморья Европы съ IX по XIII столѣтіе. Они обыкновенно были младшіе братья королей. *В. К.*

Коней пучины, дерзостные челны,
И отплывешь съ дружиной удалой
Въ сѣдую даль, на славу и разбой.
Ты тамъ, гдѣ голосъ скальдовъ вдохновенныхъ
И вѣщій строй полночныхъ арфъ гремѣлъ,
И юный витязь трепеталъ, кипѣлъ
Отъ пламенныхъ стиховъ пѣвцовъ священныхъ
И въ дождь бросался кровожадныхъ стрѣлъ;
Въ отчизнѣ ты и пѣсней, и отваги,
Въ землѣ Одена, Бальдера и Браги,
Въ землѣ, которой чудодѣйный духъ
Великаго очаровалъ поэта,
И онъ склонилъ къ ея преданьямъ слухъ
И завѣщалъ безсмертіе Гамлета.
Но Русь святую помнишь ты и тамъ,
Ты вѣренъ всюду и всегда друзьямъ.
Нѣтъ! праведника мудрое сказанье
Смиреннаго, чье имя носишь ты,
Не объ отечествѣ напоминанье—
Одинъ залогъ любви сіи черты!
Прими же притчу! я обрѣлъ отраду,
Души болѣзнямъ въ ней обрѣлъ цѣльбу:
Да будетъ и тебѣ она въ усладу!
Благословляю Вышняго судьбу.
Стоишь, какъ пальма, въ красотѣ могучей,
Ты твердъ и свѣтелъ въ юности цвѣтущей,
Надежды полнъ, и доблестенъ, и смѣлъ...
Дай Богъ тебѣ безбурныхъ дней предѣлъ!
Но не поднять завѣсы съ тьмы грядущей,
Земля—юдоль искуса, а не рай:
И ты, мой другъ, ненастья ожидай,
Лишь не забудь: и радость и страданье—
Одной отеческой руки даянье.

Кленъ.

Скажи, кудрявый сынъ лѣсовъ священныхъ,
Исполненныхъ могучей красоты,
Среди камней, соковъ жизненныхъ лишенныхъ,
Какою судьбою выросъ ты?
Ты развился передъ моей тюрьмою.

Ты многое напоминаешь мнѣ...
Здѣсь не съ кѣмъ мнѣ... поговорю съ тобою
О милой сердцу сторонѣ,
О времени, когда, подобно птицѣ,
Жилицѣ вольной средь твоихъ вѣтвей,
Я пѣснь свободную пѣвалъ денницѣ
И блеску западныхъ лучей.
Тогда съ береговъ смиренной Авиноры,
Въ лѣсахъ моей Эстоніи родной,
Впервые жадно въ даль простеръ я взоры,
Мятежной мучимый тоской.
Твои всходящіе до неба братья
Видали, какъ задернутую тьмой
Страну я звалъ, манилъ въ свои объятья—
И покачали головой.
А нынѣ ты свидѣтель исполненья
Того, что прорицали братья мнѣ,
О, ты, послѣдній въ мракѣ заточенья
Мой другъ въ далекой сторонѣ.

Терпѣнье.

Все кругомъ темно и душно,
Твердь заволокло грозой...
Сердце, Богу будь послушно!
Онъ твой Богъ, хранитель твой!
Стрѣлы грома Онъ притупитъ,
Солнце возведетъ на твердь;
Стихнетъ буря, миръ наступитъ,
Изнемогутъ страхъ и смерть.
Ты предалъ ли пепелъ милый
Друга, свѣта дней твоихъ,
Хладной тьмѣ нѣмой могилы:
Будь безропотенъ и тихъ!
Сѣятель посѣялъ сѣмя,
Сѣмя взыйдетъ для жнеца:
Вамъ разлука лишь на время;
Въ домѣ свидѣтесь Отца!
Возросли ли трудъ и нужды,
Истомилъ ли зной тебя:

Богу скорбные не чужды;
Богу сирыхъ ввѣрь себя!
Онъ и самыя страданья
Посылаетъ въ благо намъ:
Знаетъ мѣру испытанья,
Внемлетъ вздохамъ и слезамъ.
На твою благую славу
Клеветали, черный змѣй
Льетъ смертельную отраву —
Брось унынье, не робѣй,
Спасу слѣдуй безъ боязни;
Не щадила жъ и Христа
Злоба буйной непріязни!
Посрамится клевета!
„Пусть бы врагъ... но мой гонитель
„Другомъ былъ души моей;
„Хлѣба, думъ моихъ дѣлитель,
„Сынъ мой, братъ мой — мнѣ злодѣй!“
Тяжко — такъ! но все жъ слѣпому,
Все жъ безумному прости;
Съ вѣрой воззови къ Благому,
Шествуй по его пути.
Кто, недугомъ пораженный,
Не поднимется съ одра,
Да не ропщетъ, дерзновенный!
Будь душа его бодра:
Благъ и святъ Непостижимый.
Святъ и благъ его законъ;
Въ чадахъ Бога сынъ любимый
Тотъ, кого накажетъ онъ.
Узникъ горестный - терпѣнье!
Мракъ и ужасъ предъ тобой;
Но не дремлетъ Провидѣнье,
Нѣтъ, не спитъ создатель твой;
Не забылъ тебя Спаситель:
Здѣсь ли тлѣнъ твой разрѣшитъ,
Въ ту ли вознесетъ обитель,
Здѣсь ли, тамъ ли. Онъ твой щитъ —
Здѣсь за теплымъ солнцемъ лѣта
Мракъ убійственной зимы;

Здѣсь огонь златаго свѣта
Гаснетъ средь внезапной тьмы;
Здѣсь то ведро, то ненастье,
То волненье, то покой:
Дымъ и вѣтеръ міра счастье,
Все на время подъ луной.
Не теряйте упованья:
Здѣсь начало—тамъ конецъ;
Тамъ терпѣнью возданья,
За побѣду тамъ вѣнецъ.
Такъ! за гробомъ отдыхъ вѣчный:
Други, чѣмъ тяжеле намъ
Путь земной и скоротечный,
Тѣмъ вѣрнѣе къ небесамъ!
Потерпите Бога, братья!
Васъ, омытыхъ отъ грѣховъ,
Призоветъ въ свои объятья
Онъ, Отецъ своихъ сыновъ;
Потерпите день единый,
Потерпите малый часъ:
Свѣтъ безъ ночи, безъ кончины,
Вѣчность ожидаетъ васъ!

Росинки.

Сонъ побѣжденный
Съ выси янтарной
Канулъ за лѣсъ:
Шаръ лучезарный,
Око вселенной,
Сердце небесъ,
Всходитъ—и пало
Тьмы покрывало,
Сумракъ исчезъ.
Съ синяго свода
Токи ли злата
Льются на міръ?
Съ ложа подъята,
Встала природа,
Сѣла за пиръ.
Пышетъ и блещетъ,
Жизнью трепещетъ
Легкій эоиръ.

Сладостный пламень
Горней пучины
Всюду горитъ:
Холмы, долины,
Море и камень
Мощный живитъ;
Твердью ли стала
Капля кристалла?
Въ ней его щитъ!
Въ лонѣ росинки
Слабой, дрожащей
(Дунешь—и нѣтъ!),
Чуть тяготящей
Чашу былинки—
Слава и свѣтъ,
Тронъ исполина,
Зракъ Властелина,
Дней и планетъ.

Съ ясной лазури
Солнце вѣщало:
„Хляби! валы!
Мнѣ ли зерцало
Плѣнники бури,
Узники мглы?
Рвите заклѣпы,
Дики, свирѣпы,
Рушьте скалы!
„Васъ ли, мятежныхъ,
Капль смиренной
Я предпочту?
Съ странъ безрубежныхъ
Къ черни надменной,
Къ вамъ въ темноту,
Въ бездну, гдѣ грохотъ,
Скрежетъ и хохотъ,
Я ли сойду?“
Благостный, Вѣчный,
Дивный не въ шумѣ,
Богъ не въ грозѣ:
Нѣтъ—въ тихой думѣ,
Въ глуби сердечной,
Въ теплой слезѣ,
Въ скорби незлобной,
Въ дѣвѣ, подобной
Чистой росѣ?

Моей матери.

Предѣлъ безмолвный темный уголокъ,
Нѣмая пристань, гдѣ наставникъ—рокъ,
Спасительный, но въ строгость облеченный,
Назначилъ мнѣ пріютъ уединенный,
Святыней будь сегодня для меня!
Я нынѣ полонъ чистаго огня:
Объемлетъ горній пламень грудь поэта;
Нѣтъ дыму въ немъ, ни духоты страстей.
Источникъ силы, теплоты и свѣта,
Онъ мнѣ перуномъ не слѣпитъ очей,
Не сжетъ мнѣ сердца пыломъ изступленья.
Изъ жилы въ жилу токи вдохновенья
Переливаются безъ волнъ и бурь...
Такъ нѣкогда по вертограду рая
Текла, луга и рощи напояя,
Являя неба чистую лазурь,
Рѣка, родительница рѣкъ святая.
Къ кому жъ простру я въ благодатный часъ
Парящій на крылахъ восторга гласъ?
Не вѣтреннымъ друзьямъ, питомцамъ міра.
Бряцаетъ подъ моей рукой лира:
Забытый, не ищу вниманья ихъ.
Но ты да слышишь звуки струнъ моихъ,
О, лучшій другъ мой! о, моя родная!
Ты, коей имя на моихъ устахъ,

Ты, коей память, вѣчно мнѣ драгая,
Въ душѣ моей, когда, покинувъ прахъ,
Я узнаю, я зрю на небесахъ
Не Бога, ворученнаго громами,
Властителя надъ блѣдными рабами,
Но кроткаго и падшихъ чадъ Отца,
Но близкаго, того, кто—благъ безъ мѣры—
Врачуетъ сокрушенныя сердца
Елеемъ дивнымъ животворной вѣры.
Такъ! онъ пошлетъ отраду и тебѣ!
Утѣшься: видитъ Онъ, какъ о судьбѣ
Своихъ сыновъ рыдаешь и тоскуешь
И ихъ сынами скорби именуешь...
Родимая! мы подъ его рукой:
Не ясною ль и твердою душой,
Не бодрою ль и мощной даже въ горѣ,
Имъ братъ мой надѣленъ? Пусть мракъ кругомъ,
Пусть катится въ ночи ревущій громъ;
Но свѣтлый день въ его спокойномъ взорѣ:
„Живъ Богъ мой!“ онъ вѣщаетъ и съ челомъ
Безтрепетнымъ, безъ страха, безъ смятенья,
Смиренно всѣ встрѣчаетъ искушенья.
Скажу ли? И меня благословилъ
Безцѣнными дарами Датель силъ:
Пусть упиваются любимцы счастья
Отравою земного сладострастья;
Пусть одѣваются въ ничтожный блескъ,
Пусть слышатъ купленный за брашню плескъ;
Они умрутъ, и сгложетъ червь ихъ кости,
Именъ ихъ не помянутъ даже гости,
Участники распутныхъ ихъ пировъ...
Я узникъ; но мой жребій не таковъ.
Меня взлелѣялъ ангелъ пѣснопѣнья,
И свѣтлыя чудесныя видѣнья,
За роемъ рой, слетаютъ въ мой пріютъ;
Я вижу ихъ: уста мои поютъ,
И райскимъ исполняюсь наслажденьемъ.
И (да вѣщаю нынѣ съ дерзновеньемъ!)
Не всѣ, такъ уповаю я, умрутъ
Крылатыя души моей созданья:

Съ лица земного свѣется мой прахъ,
Но тотъ, на чьемъ челѣ печать избранья,
Тотъ и въ далекихъ будетъ жить вѣкахъ.
Не весь истлѣю я: съ очей потомства
Спадетъ покровъ мгновенной слѣпоты
И стихнетъ гулъ вражды и вѣроломства:
Умолкнетъ злоба черной клеветы,
Забудутъ заблужденья человѣка;
Но воспомянутъ чистый гласъ пѣвца
И отзовутся на него сердца
И дѣвъ и юношей иного вѣка.
Наступитъ оный вожделѣнный день—
И радостью встрепещетъ отъ привѣтовъ
Святыхъ, судьбой испытанныхъ поэтовъ
Въ раю моя утѣшенная тѣнь.
Тогда я робко именемъ клевретовъ,
Великіе, назвать посмѣю васъ:
Тебя, о Дантъ, божественный изгнанникъ!—
О узникъ, труженикъ безсмертный, Тассъ.
Тебя!—и съ нимъ тебя, бездомный странникъ,
Страдалецъ, Лузитаніи Гомеръ!
Вы, образцы мои, вы мнѣ примѣръ,
Мнѣ бѣдъ путемъ ко славѣ предлетѣли.
Я бѣдъ путемъ стремлюся къ той же цѣли.
Не плача же достоинъ жребій мой:
Я на землѣ, въ тюрьмѣ я только тѣломъ,
Но духъ въ полетѣ радостномъ и смѣломъ
Горѣ несется за предѣлъ земной
И въ вашъ соборъ вступаетъ свѣтозарный.
Нѣтъ! мнѣ не страшенъ смѣхъ толпы коварной:
Я въ скорби, въ заточеньѣ, въ нищетѣ;
Но лучшій ли удѣлъ вкушали тѣ,
Которыхъ имена въ столѣтьяхъ громки,
Избранниковъ побѣдоносный хоръ,
Пѣвцы, къ которымъ поздніе потомки
Подъемлютъ блескомъ ослѣпленный взоръ?

Благодать Господня.

(Изъ Геллерта).

Хвала и слава будь тебѣ,
Владыко, Боже мой!
Ты пекся о моей судьбѣ,
Ты былъ всегда со мной.
Къ Тебѣ взывалъ ли въ страхѣ я—
Не тщетенъ былъ мой зовъ:
Благій! Премудрый! длань Твоя
Мой щитъ и мой покровъ.
На одръ скорбей я палъ, стеня:
„Спаси!“ я такъ молилъ...
Ты спасъ, Ты исцѣлилъ меня:
Хвала, источникъ силъ!
Врагомъ бывалъ ли оскорбленъ,
Восплачусь предъ Тобой:
Ты дашь терпѣнье—врагъ прощенъ,
И въ сердцѣ вновь покой.
Блуждаю ли въ своемъ пути,
Призракáми прельщенъ,
Промолвлю: „путь мой освѣти!“
Гляжу—и освѣщенъ.
Скорблю, нигдѣ отрады нѣтъ:
„Ахъ! долго ль?“ вопію,
И утѣшенье Твой отвѣтъ
На жалобу мою.
Ты Богъ благій, Ты щедрый Богъ,
Отецъ того, кто сиръ;
Въ нуждѣ, въ соблазнахъ мнѣ помогъ;
Ты шлешь мнѣ мощь и миръ.
Хвала! и горе Твой посолъ:
Сближаясь имъ съ Тобой,
Въ немъ слышу Твой живой глаголъ:
Хвала, наставникъ мой!
Земля и твердь и поле волнъ
Твоей любови храмъ;
Твоихъ даровъ не міръ ли полнъ?
Хвала! Ты далъ ихъ намъ.

Хвала, хвала за кровь Того,
Кто грѣшныхъ смертью спасъ!
Нашъ Богъ и сына своего
Не пожалѣлъ для насъ.
О, сколь Господь насъ возлюбилъ!
Издай же пѣсни, грудь!
Органомъ славы Богу силъ,
Народъ Господень, будь!
Онъ преклоняетъ слухъ на стонъ,
Речетъ—и стона нѣтъ!
Насъ, по искусѣ краткомъ, онъ
Восхититъ въ вѣчный свѣтъ.
Мой духъ, на милость уповай,
Которой нѣтъ конца;
Сколь благъ твой Богъ—не забывай
И чти законъ Отца.

Молитва Господня.

Отецъ Ты нашъ, живый на небесахъ!
Не ты ли исполняешь все собою?
Всѣмъ правишь Ты вездѣ, во всѣхъ вѣкахъ,
Премудрый, всемогущею рукою!
Вселенную призвалъ Ты въ бытіе:
Во всей вселенной съ трепетомъ пріято.
Да будетъ имя дивное Твое,
И всѣмъ странамъ, и всѣмъ народамъ свято!
Во тьмѣ стезею скользкою идемъ:
Спаси отъ искушенья насъ, Хранитель!
И будь свѣтиломъ нашимъ и вождемъ
Изъ дому тлѣна въ вѣчную обитель!
И отъ лукаваго избави насъ,
И отъ всего строптиваго и злаго,
И да почіемъ каждый день и часъ
Подъ сѣнью Твоего щита святаго!
О Боже! Ты единый нашъ покровъ;
Ты царь во вѣки, власть Твоя и сила.
Твоя же слава до конца вѣковъ
И отъ начала ихъ не заходила!

Псаломъ 102.

Благослови, благослови,
Душа моя, Отца любви!
Все, что во мнѣ живетъ и дышитъ,
Да хвалитъ Бога моего,
И славу имени Его
Вселенна да услышитъ!
Огонь священный, влейся въ грудь!
Душа моя, не позабудь
Несмѣтныхъ божіихъ даяній!
Съ тебя смываетъ всякій грѣхъ
Господь, податель всѣхъ утѣхъ,
Цѣлитель всѣхъ страданій.
Онъ Богъ твой: не погаснешь ты
И средь могильной темноты!
Щедротами тебя вѣнчая,
Онъ всѣ твои желанья зритъ;
Во благо, вѣрь, ихъ совершитъ
Его рука святая.
И какъ возносится орелъ,
Который въ небо путь нашелъ,
И пьетъ изъ солнца жизнь и радость —
И ты такъ въ небо воспаришь
И силой Бога обновишь
Неблекнущую младость.
Когда и кто постичь возмогъ,
Сколь милостивъ Господь, мой Богъ,
Сколь благъ и дивенъ Вседержитель?
Бездонный океанъ щедротъ
Безсильныхъ, горестныхъ сиротъ,
Гонимыхъ Онъ хранитель.
Непзреченно благъ мой Богъ!
Господней благости залогъ,
Законъ, ниспосланный любовью,
Законъ святой, источникъ силъ,
Который Божій сынъ скрѣпилъ
Своей чистѣйшей кровью.
Благій снисходитъ долго намъ:

Намъ воздаетъ не по дѣламъ,
Но по винѣ насъ наказуетъ:
Не держитъ гнѣва до конца;
Да взыщешь Божія лица—
И Богъ ужъ не враждуетъ!
Нѣтъ мѣры и предѣла нѣтъ
Эоиру, коимъ міръ одѣтъ:
Такъ милосердію нѣтъ мѣры,
Которымъ всюду, всякій часъ
Всевышній окружаетъ насъ...
Къ нему ли быть безъ вѣры?
Надежду на него взложи;
Отстань отъ суеты и лжи,
Отъ беззаконья и порока...
И скорби, что тебя тягчатъ—
Имъ удалятся, какъ закатъ
Отдвинутъ отъ востока.
Какъ любящій дѣтей отецъ,
Такъ смертныхъ милуетъ Творецъ.
Онъ знаетъ насъ, онъ помнитъ—кто мы:
Не пепелъ ли, не прахъ ли мы?
Не всѣ ли въ ночь могильной тьмы
Съ рожденія влекомы?
Травѣ подобится нашъ вѣкъ,
Какъ цвѣтъ—такъ вянетъ человѣкъ:
Сегодня—живъ, заутра—въ гробѣ;
Исчезли всѣ его труды—
Онъ былъ ли? нѣтъ уже нужды
Ни дружеству, ни злобѣ.
Могилы сынъ, не унывай!
Твой путь земной не путь ли въ рай?
Живетъ его любовь святая
Изъ вѣка въ вѣкъ и безъ конца:
Къ творенію любовь Творца
Живетъ, не умирая.
Господни милость и покровъ
Пребудутъ на сынахъ сыновъ
Тѣхъ, коимъ свята власть Господня:
Не небеса ль его престолъ?
И не Ему ль подвластны долъ,

И твердь, и преисподня?
Создатель онъ и царь всего...
Хвалите Бога своего,
Того, кому вы предстоите,
Могущій сонмъ Его пословъ!
Полки его святыхъ рабовъ,
Царя благословите!
Вы гласу внемлите Его:
Да славословите Того,
Чьи совершаете велѣнья!
Вы, тьмы и тьмы духовъ и силъ,
Вы, рати солнцевъ и свѣтилъ,
Вы—рукъ Его творенья!
Міры и звѣзды пѣснь Ему!
Псалмомъ Владыкѣ своему
Да будетъ вся его держава!
Благослови, благослови,
Душа моя, Отца любви!
Ему во вѣки слава!

Утренняя молитва.

Отецъ хранитель, Боже мой!
Подъ сѣнью Твоего покрова
Я сладостный вкушалъ покой—
И вотъ открылъ я вѣжды снова!
Ты создалъ свѣтъ златаго дня,
Ты создалъ мракъ отрадной ночи—
И день и ночь блюдутъ меня
Твои недремлющія очи.
Благій! воздать могу ли я
Твоей любви неизреченной
Не приметъ жертвы длань Твоя;
Ты требуешь души смиренной?
Души, боящейся грѣховъ,
И чистой, и прямой, и вѣрной,
И любящей Твоихъ сыновъ
Любовію нелицемѣрной.
О, милосердный мой отецъ!
Я отъ тебя ли что сокрою?

Ты проникаешь тьму сердецъ,
Ихъ дно раскрыто предъ Тобою.
Я падалъ, падаю сто кратъ...
Но, въ милостяхъ неистощимый,
Ты зришь: я скорбію объятъ,
Терзаюсь я, грѣхомъ тягчимый.
Безъ помощи твоей что я?
Ты вѣдаешь мое безсилье;
Но гдѣ безсильна мощь моя,
Тамъ мощно силъ твоихъ обилье.
О, Боже! духъ мой обнови
И сердце мнѣ создай иное;
Надежды, вѣры и любви
Да свѣтитъ солнце мнѣ святое!
Ты склонишься къ мольбѣ моей:
Христовой кровью омовенный,
И я въ числѣ твоихъ дѣтей,
Небесъ наслѣдникъ обреченный.
Сей день, мнѣ посланный Тобой,
Да будетъ мнѣ къ Тебѣ ступенью!
Да будетъ на стезѣ земной
Мнѣ шагомъ къ горнему селенью!

Вечерняя молитва.

Погаснулъ день: склонился міръ къ покою:
Открыли небеса
Въ безчисленныхъ свѣтилахъ надо мною
Господни чудеса.
Съ обзора солнце свелъ и въ твердь ночную
Возводитъ Богъ луну,
И шумъ прервать и суету земную
Повелѣваетъ сну.
Онъ предписалъ успокоенью время
И срокъ дневнымъ трудамъ:
Сложу жъ и я съ раменъ усталыхъ бремя
И членамъ отдыхъ дамъ.
Но на отрадномъ не проструся ложѣ,
Доколѣ предъ Тобой
Не взыдетъ гласъ моихъ хваленій, Боже,
Господь и пѣстунъ мой!

Съ одра возставъ, возвалъ я—и моленью
Ты внялъ, Владыко силъ!
И подъ Твоею благодатной сѣнью
Я день сей совершилъ.
Отецъ, Твои щедроты кто исчислитъ?
Кто взвѣсить ихъ возмогъ?
Тебѣ воздать никто да не помыслитъ,
Благій безъ мѣры Богъ?
Душѣ и тѣлу Ты готовишь яству,
Ты съ нами каждый часъ;
Какъ вѣрный пастырь охраняетъ паству,
Такъ охраняешь насъ.
Ты дѣлу нашихъ рукъ успѣхъ даруешь,
Ты, преклонясь къ слезамъ,
И нашъ недугъ и нашу скорбь врачуешь,
И шлешь отраду намъ.
Внемли жъ моимъ вздыханіямъ сердечнымъ,
Мольбамъ моей души:
Всѣхъ большее къ даяньямъ безконечнымъ,
Творецъ мой приложи!
Омой купелію Христовой крови
Меня отъ всѣхъ грѣховъ,
И на пути къ Тебѣ, отецъ любови,
Будь вождь мой и покровъ!
А всѣ свои заботы и печали
Возвергну на Тебя:
Мнѣ въ благо ихъ Твои же руки дали;
Что жъ мнѣ крушить себя?
Потокъ отрадный вѣры и надежды
Ты въ перси мнѣ пролей—
И я безъ трепета закрою вѣжды
До утреннихъ лучей.
Не только для меня—Ты будь защитой
Всѣхъ драгоцѣнныхъ мнѣ:
Пусть Твой народъ, рукой Твоей прикрытый,
Почіетъ въ тишинѣ!
Когда же блеску солнца ранній пѣтелъ
Провозгласитъ привѣтъ,
Да вспрянетъ духъ мой, радостенъ и свѣтелъ,
И бодръ, и въ мощь одѣтъ!

Ты будешь первой мыслію моею
И я, отвергнувъ страхъ,
Воздвигнусь—и съ Тобой, мой Богъ, успѣю
Во всѣхъ своихъ трудахъ.

Въ концѣ недѣли.

Летятъ! возврата нѣтъ часамъ,
Назначеннымъ отъ Бога намъ:
За ночью день, за мракомъ свѣтъ—
И вотъ уже недѣли нѣтъ.
Хранитель благостный! Хвала
За всѣ любви Твоей дѣла,
Хвала за тьму щедротъ Твоихъ!
Когда и гдѣ не видимъ ихъ?
Свободны ли мы отъ вины,
Кѣмъ были мы укрѣплены?
Тобою побѣдили грѣхъ.
Ты далъ намъ силу и успѣхъ!
И кто предъ Богомъ чистъ и правъ?
Увы! грѣшимъ и не узнавъ!..
О милосердье! О любовь!
Ходатай нашъ—Христова кровь!
Несемся по потоку дней,
Все ближе къ вѣчности Твоей,
Тобой сочтенъ нашъ каждый часъ:
Послѣдній Ты сокрылъ отъ насъ.
Тебя мы молимъ, Царь вѣковъ:
Да не страшитъ насъ зовъ гробовъ!
И на судѣ насъ оправдай,
И смертью насъ веди въ свой рай!
Окончивъ скользкій путь земной,
Твоей отеческой рукой
Да будемъ, Боже, взяты мы
Въ Твой горній домъ изъ дола тьмы?
Тамъ сумрака, тамъ ночи нѣтъ,
Тамъ блещетъ неизмѣнный свѣтъ:
О солнце правды! Намъ Твой лучъ
Да свѣтитъ средь житейскихъ тучъ!

Полночь съ 31 декабря на 1 января.

Не часовъ ли торный вой?
Въ бездну ночи роковой,
Въ гробъ свой старецъ годъ упалъ...
Чу! гудитъ надъ нимъ металлъ!
Въ мракѣ колокола звонъ
Будто надъ могилой стонъ...
Сколько и утѣхъ и слезъ
Этотъ годъ съ собой унесъ.
На крылахъ въ нѣмую даль
Льется радость и печаль;
Дѣти мы сѣдой земли
Всѣ потонемъ въ той дали.
Былъ я молодъ и сказалъ:
„Мой житейскій срокъ не малъ!“
Я мечталъ въ своей веснѣ:
„Далеко до цѣли мнѣ“.
Такъ казался безъ конца
Краткій вѣкъ очамъ слѣпца!
Вотъ я дряхлости достигъ:
Что же вѣкъ мой? только мигъ!
Вверхъ еще въ жилище бурь
Въ необъятную лазурь,
Вверхъ паритъ столбомъ сѣдымъ,
А ужъ таетъ легкій дымъ.
Съ крутизны кипитъ жемчугъ,
Блескъ и радуги вокругъ;
Но померкъ въ долинѣ свѣтъ,
Шумъ умолкъ и пѣны нѣтъ.
Обольщаетъ душу сонъ;
Всходитъ солнце: гдѣ же онъ?
Унесенъ волнами тьмы...
Сонъ и дымъ и пѣна—мы!
Восхищаетъ роза насъ:
Но и роза, вѣдь, на часъ;
Съ ней сравню ли бытіе?
Вѣтеръ оборветъ ее!
Многоводна, широка,
Пышно катится рѣка...
Смертный, гордый суетой!
Не рѣка ли образъ твой?
Въ ней волна тѣснитъ волну—
Всѣ несутся въ глубину,
Въ море безъ береговъ спѣшатъ...
Кто же видѣлъ ихъ возвратъ?
Какъ теченье быстрыхъ водъ,
Такъ бѣжитъ за годомъ годъ;
Смотришь—и девятый валъ—
Годъ послѣдній—набѣжалъ.
Да хранимъ же каждый часъ!
Ночь, какъ тать, настигнетъ насъ.
Ночь, нерадостный предѣлъ
Нашихъ замысловъ и дѣлъ.

Надгробіе.

Сажéнь земли мое стяжанье,
Мнѣ отведенъ смиренный домъ,
Здѣсь спятъ надежда и желанье,
Окованъ страхъ желѣзнымъ сномъ;
Заснули горесть и веселье,
Безмолвно все въ подземной кельѣ.
И я когда-то зналъ печали,
И я былъ счастливъ и скорбѣлъ,
Любовью перси трепетали,

Уста смѣялись, взоръ свѣтлѣлъ;
Но взоръ и сердце охладѣли:
Растутъ надъ мертвымъ тѣломъ ели.
И ужъ никто моей гробницы
Изъ милыхъ мнѣ не посѣтитъ;
Ихъ не разбудитъ блескъ денницы:
Ихъ прахъ въ сырой землѣ зарытъ;
И развѣ путникъ утружденный
Взоръ броситъ на мой гробъ забвенный
Да развѣ сладостной весной,
Гонясь за пестрымъ мотылькомъ,
Дитя безсильною рукой
Столкнетъ мой каменный шеломъ,
Покатитъ, взглянетъ и оставитъ
И въ даль безпечный бѣгъ направитъ.

Новый годъ.

(Господи! прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ! Пс. 89).

Какъ въ безпрерывномъ токѣ водъ
Струи несутся за струями,
Такъ убѣгаютъ дни за днями,
За годомъ улетаетъ годъ...
И вотъ еще одинъ протекъ!
Онъ скрылся, какъ мечта ночная
Которую, съ одра вставая,
Позабываетъ человѣкъ;
И, какъ въ пустой, глухой дали
Безъ слѣда умираютъ звуки,
Такъ радости его и муки
Всѣ будто не были, прошли.
Прошли онѣ; пройдутъ и тѣ,
Которыя судьба Господня
Заутра намъ или сегодня
Въ святой готовитъ темнотѣ?
Не предъ завѣсой ли стою?
Я живъ и здравъ: но что за нею?
Чрезъ день, чрезъ годъ, быть-можетъ, тлѣю..,
И вѣтръ развѣетъ персть мою.

Не въ немъ ли мы, какъ вешній цвѣтъ?
Мы жизнь пріемлемъ на мгновенье;
Насъ видитъ солнца восхожденье;
Луна восходитъ—и насъ нѣтъ!
Сыны грѣха и суеты!
Нашъ вѣкъ не нить ли паутины?
Безъ измѣненія единый,
О Вѣчный! пребываешь ты.
Ты былъ и до сложенья горъ
И до созданія вселенной;
Ты былъ, когда зарей червленной
Не просіялъ еще обзоръ,
Какъ съ вѣтви листъ, такъ съ оси міръ
Сорветъ стихій мятежныхъ сила;
Поглотитъ жадная могила,
Какъ каплю, землю, твердь, эѳиръ:
И будто платъ, ты свьёшь тогда
Шатеръ безмѣрный, многозвѣздный;
Но самъ надъ безпредѣльной бездной
Пребудешь, чѣмъ ты былъ всегда.
Предъ Богомъ тысяча вѣковъ
Не болѣ срока часоваго,
Что среди сумрака нѣмаго
Стоитъ на стражѣ у шатровъ.
И что же? каждый день и часъ
Непостижимый Вседержитель,
Защитникъ нашъ, покровъ, спаситель,
Блюдетъ и зритъ и слышитъ насъ.
О дивный въ благости своей!
О милостью повсюду сущій!
Будь близокъ намъ и въ день грядущій!
Отецъ, храни своихъ дѣтей!
Все, молча, примемъ, чтобы намъ
Судьбы твои ни даровали:
Твое жъ посланье и печали;
Ты жизни силу далъ слезамъ.
Избавь насъ только отъ грѣховъ,
Излей намъ въ перси духъ смиренья—
И громкимъ гласомъ пѣснопѣнья
Тебя прославимъ Богъ боговъ!

Въ день рожденія.

Вотъ день, въ который для надежды,
Желаній страха и скорбей,
Для чувствъ и думъ открылъ я вѣжды,
Для испытаній жизни сей;
Вотъ день, въ который я впервые
Отверзъ уста свои нѣмые...
Ахъ! свѣту плачъ былъ мой привѣтъ
Въ тотъ день, когда узрѣлъ я свѣтъ!
И много, много мнѣ печали
Наставшіе часы и дни,
Страданья много даровали—
И темны впереди они!
Но Богъ отецъ чадолюбивый:
Мнѣ день, и не одинъ, счастливый
Былъ посланъ имъ: благословенъ
Да будетъ онъ, Господь временъ!
Пріялъ я отъ него благое,
И злаго я ли не приму?
Мое желаніе слѣпое
Что можетъ предписать ему?
Онъ знаетъ пору: ведра, грозы,
Веселье, горе, смѣхъ и слезы,
Его святой и дивный рокъ
Даетъ вселенной въ должный срокъ.
Сгоняютъ жаръ и мглу съ лазури
И возраждаютъ вновь эѳиръ
Всевышнимъ посланныя бури;
Отъ нихъ юнѣетъ дряхлый міръ;
И какъ онѣ моря и сушу,
Такъ точно бури жизни душу
Подъемлютъ съ гибельнаго сна—
И обновляется она.
Мой путь не путь ли къ совершенству?
Итакъ, впередъ съ сего же дня
Безъ страха къ вѣчному блаженству!
Впередъ: мой Богъ ведетъ меня!

Ведетъ изъ края искупленья
Въ священный край успокоенья,
Туда, въ страну своихъ духовъ,
Гдѣ буду чистъ и безъ грѣховъ.

На Воскресенье Христово.

Душа моя, ликуй и пой,
Наслѣдница небесъ:
Христосъ воскресъ, Спаситель твой
Воистину воскресъ!
Такъ! адъ предъ сильнымъ изнемогъ:
Изъ гробовыхъ веригъ,
Изъ ночи смерти сына Богъ
И съ нимъ тебя воздвигъ.
Изъ свѣта вѣчнаго Господь
Сошелъ въ жилище тьмы;
Облекся въ персть, одѣлся въ плоть,
Да не погибнемъ мы!
Неизрѣченная любовь
Всѣхъ таинствъ высота!
За насъ свою святую кровь
Онъ проліялъ съ креста.
Чистѣйшей кровію своей
Насъ, падшихъ, искупилъ
Отъ мукъ и гроба, изъ сѣтей
И власти темныхъ силъ.
Христосъ воскресъ, Спаситель мой
Воистину воскресъ!
Ликуй, душа; Онъ предъ тобой
Раскрылъ врата небесъ...

Три тѣни.

На дикомъ берегу Онона я сидѣлъ;
Я, чьей младенческой печали
Ижора и Нева задумчиво внимали,
Я (странный же удѣлъ!)
Кому рукоплескалъ когда-то градъ надменный,
Соблазнъ и образецъ, гостиница вселенной,

И кто въ Массиліи судьбу народовъ пѣлъ,
А вслѣдъ затѣмъ, влекомый вѣщимъ духомъ,
Родоначальникомъ неизрѣченныхъ думъ,
Средь грозныхъ, мертвыхъ скалъ, склонялся жаднымъ
слухомъ,
На ревъ и грохотъ водъ, на вѣтра свистъ и шумъ,
На голосъ чадъ твоихъ, Кавказъ небо-громитель!
И напослѣдокъ былъ темницы душной житель:
Свинцовыхъ десять лѣтъ, какъ въ гробѣ, протекло;
Однообразный бой часовъ безъ измѣненья
До срока инеемъ посыпалъ мнѣ чело
Въ глухихъ твердыняхъ заточенья.
Все обмануло, кромѣ вдохновенья:
Такъ! и судьбы неумолимый гнѣвъ
Не отнялъ у меня любви безсмертныхъ дѣвъ;
Слетали къ узнику священныя видѣнья.
Что жъ? въ мірѣ положенъ всему предѣлъ:
За старымъ новое отвѣдалъ я страданье;
Ужъ нынѣ не тюрьма мой жребій, а изгнанье...
На дикомъ берегу Онона я сидѣлъ,
И вотъ раздумывалъ причудливую долю
Свою и тѣхъ, съ которыми ходилъ,
Во дни моей весны, по жизненному полю
Питомцевъ близкихъ межъ собой свѣтилъ.
Ихъ духъ отъ скорби опочилъ,
Но тѣни ихъ, моихъ клевретовъ,
Жертвъ сердца своего, страдальцевъ и поэтовъ,
Я вызывалъ изъ дальнихъ ихъ могилъ.
Угрюмый сынъ степей, хранительницъ Китая,
Ропталъ утесами стѣсняемый Ононъ,
Волнами тусклыми у ногъ моихъ сверкая,
И, мнилось, повторялъ *ихъ* передсмертный стонъ
И, словно факелъ *ихъ* унылыхъ похоронъ,
Горѣла на небѣ луна нѣмая.
Былъ безпредѣльный сонъ на долахъ, на горахъ:
Тутъ не спалъ только я съ своей живой тоскою...
Вдругъ—будто арфы вздохъ пронесся надъ рѣкою;
Таинственный меня обвѣялъ страхъ;
И что жъ?—то былъ ли бредъ больного воображенья,
Или трепещутся и тамъ еще сердца,

И въ самомъ дѣлѣ другъ, податель утѣшенья,
Явиться можетъ намъ, расторгнувъ узы тлѣнья?
Почудилися мнѣ родныя три лица:
Я не слыхалъ шаговъ—скользили привидѣнья,
Воды не возмущая, по водѣ;
Надъ каждымъ призракомъ дрожало по звѣздѣ
И слѣдомъ каждаго была струя мерцанья...
Я вспрянулъ, облитый потокомъ содроганья,
И въ сладостномъ восторгѣ, какъ со сна,
Вскричалъ и произнесъ любезныхъ имена:
„Братъ Грибоѣдовъ, ты? ты, Дельвигъ? Пушкинъ,
ты ли?“
Взглянулъ: ихъ нѣтъ—они ужъ въ даль уплыли!
Вотще я руки простиралъ къ друзьямъ:
Какъ прежде, все померкло и заснуло...
Лишь только что-то будто бы шепнуло:
„Такъ вѣрь же, есть свиданье тамъ!“

Безсмертіе.

Видалъ ли ты, какъ вѣтеръ предъ собою
По небу гонитъ стадо легкихъ тучъ?
Одна несется быстро за другою,
На мигъ прерветъ златаго солнца лучъ —
Покроетъ поле мимолетной тѣнью,
За тѣнью тѣнь найдетъ на горы вдругъ,
Вдругъ нѣтъ ея, все вновь свѣтло вокругъ,
И солнце вновь, послушное велѣнью
Создателя, надъ облачной грядой
Паритъ, на землю жаръ свой благодатный
Льетъ съ высоты лазури необъятной
И, блеща, продолжаетъ подвигъ свой.
За племенемъ такъ точно мчится племя
И жизнь за жизнью и за вѣкомъ вѣкъ:
Не тѣнь ли та же гордый человѣкъ?
Людей съ лица земли стираетъ время,
Вотъ, какъ ладонь бы стерла со стекла
Паръ отъ дыханья; годы ихъ дѣла
Уносятъ, какъ струя тотъ слѣдъ уноситъ
Который рябитъ воду, если броситъ

Дитя, рѣзвясь, съ размаху всей руки
Скользящій, гладкій камень въ токъ рѣки.
Взгляни: стоитъ хозяйка молодая—
И вотъ любимцевъ съ кровель созывая,
Имъ сыплетъ щедрой горстью кормъ она;
На зовъ ея, на дождь златой пшена
Подъемлются, другъ друга упреждая,
Спѣшатъ—и въ мигъ къ владычицѣ своей
Зеленыхъ, бѣлыхъ, сизыхъ голубей
Слетается воркующая стая...
Подобно имъ мечты слетаютъ въ умъ,
Подобно имъ, толпятся въ немъ картины,
Когда склоню пугливый слухъ на шумъ
Огромныхъ крыльевъ ангела кончины.
Въ душѣ моей всплываетъ образъ тѣхъ,
Которыхъ я любилъ, къ которымъ нынѣ
Ужъ не дойдетъ ни скорбь моя, ни смѣхъ:
Они сокрылись—я одинъ въ пустынѣ.
И вдругъ моя печаль смѣняетъ страхъ:
Вступаетъ въ мозгъ костей студеный трепетъ;
Дрожащихъ устъ невнятный, слабый лепетъ
Едва промолвить можетъ: „тотъ же прахъ,
Такой же гость, ничтожный и мгновенный,
За трапезой земнаго бытія,
Такой же червь, какп всѣ окрестъ, и я.
Часы несутся; вскорѣ во вселенной
Не обрѣтутъ и слѣда моего;
И я исчезну въ лонѣ ничего,
Изъ коего, для бѣдъ и на истлѣнье,
Я вызванъ рокомъ на одно мгновенье“.
Увы! единой вѣрѣ власть дана
Въ виду глухаго, гробоваго сна
Спокоить, укрѣпить, утѣшить душу:
Блаженъ, чей вождь въ селенье звѣздъ она!
„Нѣтъ! своего подобья не разрушу“—
Такъ страху нашихъ трепетныхъ сердецъ
Ея устами говоритъ Творецъ:
„Потухнутъ солнца; сонмы рати звѣздной,
Какъ листья съ древа, такъ падутъ съ небесъ
И бѣгъ прервется міровыхъ колесъ;

Земля поглотится, какъ капля, бездной,
И будто риза, обветшаетъ твердь.
Но мысль мой образъ: или ей, нетлѣнной,
Млѣть и дрожать?—Ей что такое смерть?
Надъ пепломъ догорающей вселенной,
Надъ прахомъ всѣхъ распавшихся міровъ
Она полетъ направитъ дерзновенный
Въ мой домъ, въ страну родимыхъ ей духовъ!"
Безсмертья свѣтлаго наслѣдникъ, я ли
Пребуду сердцемъ прилѣпленъ къ землѣ:
Къ ея обманамъ, призракамъ и мглѣ,
Къ утѣхамъ лживымъ, къ суетной печали
И къ той ничтожной суетной мечтѣ,
Напитанной убійственной отравой,
Которую въ безумной слѣпотѣ
Мы называемъ счастіемъ и славой?
Смежу ли очи я, когда прозрѣлъ?
Надеждъ моихъ желаній всѣхъ предѣлъ,
Ужель и нынѣ только то, что можетъ
Мнѣ дать юдоль страданья и суетъ?
Или души плѣненной не тревожитъ
Тоска по томъ, чего подъ солнцемъ нѣтъ.

19 октября 1836 года.

Шумитъ потокъ временъ. Ихъ темный валъ
Вновь выплеснулъ на берегъ жизни нашей
Священный день, который полной чашей
Въ кругу друзей и я торжествовалъ...
Давно... Европы страхъ—сѣдой Уралъ,
И Енисей, и степи, и Байкалъ
Теперь межъ нами. На крылахъ печали
Любовью къ вамъ несусь изъ темной дали—
Поминки нашей юности—и я
Ихъ праздновать хочу. Воспоминанья!
Въ лучахъ дрожащихъ тихаго мерцанья
Воскресните! Предстаньте мнѣ, друзья!
Пусть созерцаетъ васъ душа моя,
Всѣхъ васъ, лицея нашего семья!
Я съ вами былъ когда-то счастливъ, молодъ—

Вы съ сердца свѣете туманъ и холодъ.
Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
Предъ взорами моими? Какъ перуны
Сибирскихъ грозъ, его златыя струны
Рокочутъ... Пушкинъ, Пушкинъ! это ты!
Твой образъ—свѣтъ мнѣ въ морѣ темноты:
Твои живыя, вѣщія мечты
Меня не забывали въ ту годину,
Какъ пилъ и ты, уединенъ, кручину.
Тогда и ты, какъ нѣкогда Назонъ,
Къ родному граду простиралъ объятья;
И надъ Невой затрепетали братья,
Услышавъ гармоническій твой стонъ.
Съ сѣдаго Пейпуса, волшебный, онъ
Раздался, прилетѣлъ и прервалъ сонъ,
Дремоту нашихъ мелкихъ попеченій—
И погрузилъ насъ въ волны вдохновеній.
О, братъ мой! много съ той порѣ прошло,
Твой день прояснѣлъ, мой покрылся тьмой;
Я сталъ знакомъ съ торкватовой судьбой.
И что-жъ? опять передо мной свѣтло:
Какъ сонъ тяжелый, горе протекло;
Мое свѣтило изъ-за тучъ чело
Вновь подняло—гляжу въ лицо природы:
Мнѣ отданы долины, горы, воды.
О, другъ! хотя мой волосъ посѣдѣлъ,
Но сердце бьется молодо и смѣло.
Во мнѣ душа переживаетъ тѣло,
Еще мнѣ Божій міръ не надоѣлъ.
Что ждетъ меня? Обманы нашъ удѣлъ,
Но въ эту грудь вонзилось много стрѣлъ;
Терпѣлъ я много, обливался кровью:
Что, если въ осень дней столкнусь съ любовью?

Разочарованіе.

Скажи: совсѣмъ ли мнѣ ты измѣнилъ
Доселѣ неизмѣнный мой хранитель?
Для узника въ волшебную обитель
Темницу превращалъ ты, Исфраилъ:

Я былъ одинъ покинутъ всѣми въ мірѣ,
Всего страшился, даже и надеждъ...
Бывало же, коснешься томныхъ вѣждъ—
Съ нихъ снимешь мракъ, дашь жизнь и силу лирѣ,
И снова я свободенъ и могучъ:
Разстаяли затворы, спали цѣпи,
И, какъ орелъ подъ солнцемъ изъ-за тучъ
Обозрѣваетъ горы, рѣки, степи,
Такъ вижу міръ, раскрытый предъ собой,
И радостно, сквозь ужасъ хладной ночи,
Бросаю полныя восторга очи
На свитокъ, писанный судьбы рукой!...
А нынѣ пали стѣны предо-мною:
Я воленъ; что же? Блѣдныя заботы
И грязный трудъ, и вопль глухой нужды,
И визгъ дѣтей, и стукъ тупой работы
Перекричали пѣснь златой мечты,
Смели, какъ прахъ, съ души моей видѣнья,
Отняли время и досугъ творить—
И вялыхъ дней безжизненная нить
Прядется мнѣ изъ мукъ и утомленья.

Лицейская годовщина 19 октября 1838 г.

Блаженъ, кто палъ, какъ юноша Ахиллъ,
Прекрасный, мощный, смѣлый, величавый
Въ срединѣ поприща побѣдъ и славы,
Исполненный несокрушенныхъ силъ.
Блаженъ! лицо его, всегда младое.
Сіяніемъ безсмертія горя,
Блеститъ какъ солнце, вѣчно золотое,
Какъ первая эдемская заря.
А я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей
Стою въ ночи, безпомощный и хилый,
Надъ страшной всѣхъ надеждъ моихъ могилой,
Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ друзей!
Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сраженный,
Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ...
И вотъ опять лицея день священный...

Но Пушкина уже межъ вами нѣтъ!
Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
Отъ нихъ не затрепещутъ груди ваши,
Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши—
Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ.
Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ,
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нимъ, по нимъ душа моя тоскуетъ;
Я жадно руки простираю къ нимъ.
Пора и мнѣ! Давно судьба грозитъ
Мнѣ казней нестерпимаго удара:
Она меня того лишаетъ дара,
Съ которымъ духъ мой неразлучно слитъ!
Такъ! перенесъ я годы заточенья,
Изгнаніе, разлуку, сиротство,
Но подъ щитомъ святаго вдохновенья
И здѣсь во мнѣ пылало божество!
Теперь пора! Не пламень, не перунъ
Меня убилъ; нѣтъ! вязну средь болота;
Горою давятъ нужды и забота,
И я отвыкъ отъ позабытыхъ струнъ!
Мнѣ ангелъ пѣсней рай въ темницѣ душной
Когда-то созидалъ изъ сновъ златыхъ;
Но безъ него не трупъ ли я бездушный
Средь труповъ, столь же хладныхъ и нѣмыхъ?

Брату.

Минули же и годы заточенья,
А думалъ я: конца не будетъ имъ!
Податели молитвъ и вдохновенья,
Они парили надъ челомъ моимъ
И были ихъ отзывы пѣснопѣнья—
И что-жъ? Обуреваемъ и томимъ
Мятежной грустію, слѣпецъ безумный,
Я рвался въ міръ и суетный и шумный.
Не для него я созданъ: только шагъ
Ступить успѣлъ я за священный прахъ
Пріюта тихихъ думъ—и ужъ во власти
Глухихъ заботъ, и закипѣли страсти,

И духъ земли, непримиримый врагъ
Небеснаго, раздралъ меня на части:
Затрепетали свѣтлыя мечты
И скрылися предъ княземъ темноты.
Мнѣ тяжела, горька мнѣ ихъ утрата:
(Душа же съ ними свыклась, жизнь срослась);
Но пусть!—я и безъ нихъ любовью брата
Счастливъ бы былъ; съ нимъ вмѣстѣ не страшась,
Вступилъ бы я въ борьбу—и супостата
Мы побороли бы; нѣтъ дружныхъ насъ
Не одолѣлъ бы! Можетъ быть, и лира
Вновь оживилась бы на лонѣ мира!
О! Почему, неопытный борецъ,
Рукой неосторожной грудь родную
Я сжалъ и ранилъ? Пусть восторжествую,
Пусть и возьму столь лестный мнѣ вѣнецъ—
Ахъ! Лучше бы я положилъ, пѣвецъ
Забытый всѣми, голову сѣдую
Въ безвѣстный темный гробъ, чѣмъ эту грудь
И безъ того больную оттолкнуть!
Гдѣ время то, когда, уединенный,
Къ нему я въ даль объятья простиралъ,
Когда и онъ, любовью ослѣпленный,
Меня къ себѣ подъ кровъ свой призывалъ?
Я, наконецъ перешагнулъ Уралъ,
Перелетѣлъ твой ледъ, Байкалъ священный—
И вотъ свою суровую судьбу
Я внесъ въ его смиренную избу!
Судьбу того, кто съ самой колыбели
Былъ бѣдъ звѣздою всѣмъ своимъ друзьямъ...
За нихъ подъемля руки къ небесамъ,
Моляся, чтобы скорби пролетѣли
Надъ милыми, сердца ихъ я же самъ,
Бывало, растерзаю! Охладѣли,
Заснули многіе: ты не отъятъ,
Ты мнѣ одинъ остался, другъ и братъ!
А между тѣмъ... покинемъ и забудемъ,
Забудемъ бури, будто злые сны!
Не станемъ вѣрить ни страстямъ, ни людямъ...
Оставь мнѣ, отпусти мои вины!

Отнынѣ въ жизни неразлучны будемъ:
Вѣдь той-жъ матерью мы рождены;
Сотремъ всѣ пятна съ памятной скрижали:
Все пополамъ: и радость и печали!

Они моихъ страданій не поймутъ.

Они моихъ страданій не поймутъ:
Для нихъ смѣшонъ унылый голосъ боли,
Которая, какъ червь, таится тутъ
Въ груди моей. Есть силы, нѣтъ мнѣ воли
Хоть мигъ покоя дайте! Нѣтъ и нѣтъ!
Вотъ вспыхнуло: я вспрянулъ—я поэтъ!..
Божественный объемлетъ душу пламень,
Толпятся образы, чудесный свѣтъ
Въ глазахъ моихъ—и все напрасно: нѣтъ!
Пропало все! Добро бы съ неба камень
Мнѣ черепъ раздвоилъ, или перунъ
Меня сожегъ: послѣдній трепетъ струнъ
Разорванныхъ вздохнулъ бы въ дивныхъ звукахъ
И умеръ бы, какъ грома дальній гулъ...
Но я увязъ въ ничтожныхъ, мелкихъ мукахъ,
Но я въ заботахъ грязныхъ утонулъ!
Нѣтъ! Не страшусь убійственныхъ объятій
Огромного несчастья: рокъ, души!
Ты выжмешь жизнь—не выдавишь души...
Но погибать отъ кумушекъ, отъ сватій,
Отъ лепета сосѣдей и друзей!..
Не говорите мнѣ: „ты Прометей!“
Тотъ былъ къ скалѣ заоблачной прикованъ,
Его терзалъ не глупый воробей,
А мощный коршунъ. Былъ я очарованъ
Когда-то обольстительной мечтой;
Я думалъ: кончится борьба съ судьбой,
И съ нею всѣ земныя испытанья;
Не будетъ сломанъ, устоитъ борецъ,
Умретъ, но не лишится воздаянья
И вырветъ напослѣдокъ свой вѣнецъ
Изъ рукъ суровыхъ... Бѣдный я слѣпецъ!

Судьба беретъ меня изъ стѣнъ моей темницы,
Толкаетъ въ міръ (вѣдь я о немъ жалѣлъ!)
А мой-то міръ исчезъ, какъ блескъ зарницы,
И быть нулемъ отнынѣ мой удѣлъ!..

Посвященіе

Поэмы: „Сирота“ А. С. Пушкину.

Туда въ обитель наслажденья
Подъ кровъ, гдѣ ты—не рабъ суетъ—
Любовь, и міръ, и вдохновенья
Изъ жизни черпаешь, поэтъ!
Туда несется мой привѣтъ!
Тамъ ты на якорѣ—и бури
Ужъ не мрачатъ твоей лазури.
За друга и мои мольбы
Горе парили къ Пресвятому
И внялъ Отецъ и Царь судьбы:
Будь слава промыслу благому!
Изъ грозной, тягостной борьбы
Съ вѣнкомъ ты вышелъ. Что и грому
Гремѣть отнынѣ? Былъ свирѣпъ;
Но ты подъ ревъ его окрѣпъ.
Тотъ, на кого я уповаю,
Меня услышитъ! данъ ты въ честь,
Въ утѣху данъ родному краю;
Въ подругѣ ангела обрѣсть
Умѣлъ ты—и, подобно раю,
Отнынѣ днямъ поэта цвѣсть;
Расторгъ ты козни вѣроломства;
И такъ: впередъ, и въ слухъ потомства
Пролейся въ пѣсняхъ вѣковыхъ!
Талантъ, любимцу небомъ данный,
Въ унылой ночи нѣдръ земныхъ
Да не сокроется! Избранный!
Примѣръ и вождь пѣвцовъ младыхъ!
Въ эфиръ свободный и пространный
Полетъ тебѣ ли не знакомъ?
Впередъ же, доблестнымъ орломъ!

А я, надеждою одною
На мощь и силу друга смѣлъ,
Страшусь стремиться за тобою;
Не свѣтлый выпалъ мнѣ удѣлъ...
Но, братъ, и я хранимъ судьбою:
Вотще я трепеталъ и млѣлъ;
Цѣлебна чаша испытанья,
Восторга не зальютъ страданья.
Еще не вовсе я погасъ,
Не вовсе пѣсни мнѣ постылы,
И арфу я беру подъ часъ,
Изъ гроба вызываю были.
И тѣло имъ даетъ мой гласъ —
Мечты меня не позабыли:
Не пламень, не огонь мой даръ,
Онъ подъ золою тихій жаръ.
Что нужды? Жаръ тотъ благодатенъ:
Я имъ питаемъ и живимъ!
И дружбѣ будетъ же пріятенъ
Смиренный цвѣтъ, рожденный имъ.
Пусть будетъ голосъ мой невнятенъ
Сердцамъ съ рожденія глухимъ —
Не посвящаю пѣсни свѣту,
Но сердцу друга, но поэту!

Русская пѣсня.

Какъ изъ-за моря,
Изъ-за синяго
Возвращается
Добрый молодецъ;
Много молодцу
Воображается,
Про себя онъ самъ
Усмѣхается:
„Свѣту батюшкѣ,
Родной матушкѣ
Поклонюся я;
Съ красной дѣвицей
Поцѣлуюся;
Золотымъ кольцомъ
Обмѣняюся,
Золотымъ вѣнцомъ
Обвѣнчаюся
Съ моей суженой,
Съ моей ряженой,
Съ моей вѣрною
Полюбовницей“!
Какъ изъ-за моря,
Изъ-за синяго
Воротился свѣтъ
Добрый молодецъ:
Его батюшка
Во сырой землѣ,
Родна матушка
На чистомъ столѣ,
Красна дѣвица

Отказалася,
Съ другимъ молодцомъ
Обвѣнчалася,
А товарищи,
А разгульные
Съ добрымъ молодцомъ
Повстрѣчалися
Безталанному
Насмѣялися!

Совѣтъ.

Когда же злая чернь не клеветала?
Когда же въ грязь не силилась втянуть
Избранниковъ, которымъ горній путь
Рука Господня въ небѣ начертала?
Ты говоришь: „я одаренъ душой!“
Зачѣмъ же ты мѣшаешься съ толпой?
Толпѣ безсмысленной мое презрѣнье:
Но сына Лаія почтилъ Тезей;
Такъ предъ страдальцемъ ты благоговѣй,
Иль самъ свое подпишешь осужденье.
Пѣвцу въ твоемъ участьи нужды нѣтъ;
Но сожалѣетъ о тебѣ поэтъ.
Глубокихъ ранъ, кровавыхъ язвъ сердечныхъ
Мнѣ много жадный наносилъ кинжалъ,
Который не въ рукѣ враговъ сверкалъ—
Увы—въ рукѣ друзей безчеловѣчныхъ!
Что-жъ? Знать во мнѣ избытокъ дивныхъ силъ—
Ты видишь: я тѣ язвы пережилъ.
Теперь я старъ, слабѣю—но и эту
Переживу: вѣдь мнѣ насущный хлѣбъ
Терзанья; вѣдь наперстнику судебъ
Недаромъ достается путь ко свѣту.
Страдать, терпѣть готовъ я до конца;
Съ чела святаго не сорвутъ вѣнца.
Умру и смолкнетъ хохотъ вѣроломства;
Меня покроетъ чудотворный щитъ,
Всѣ стрѣлы клеветы онъ отразитъ...
Смѣются? Пусть! Проклятіе потомства
Не минетъ ихъ... осмѣянъ былъ же Тассъ...
Быть можетъ, тотъ, кто здѣсь стоитъ средь насъ.
Не менѣ Тасса... Будь же остороженъ,
Къ врагамъ моимъ себя не пріобщай,

Безчестнаго безсмертья не желай:
Я слабъ и дряхлъ, и теменъ, и ничтоженъ,
Но только здѣсь; моимъ злодѣямъ тамъ
За ихъ вражду награда—вѣчный срамъ.

Псаломъ 143.

Господь мою десницу брани,
И мышцы битвамъ научилъ;
Къ нему воздвигну гласъ и длани:
Благословенъ Податель силъ!
Благословенъ мой Избавитель,
Крушитель броней и забралъ,
Помощникъ мой и Защититель,
Богъ—на него жъ я уповалъ!
Что человѣкъ, о Всемогущій?
А на него взираешь Ты
Изъ свѣтлой, неприступной кущи,
Съ небесной тайной высоты!
Ночному мы равны призраку,
Исшельцу изъ жилища тьмы,
Весеннему подобно злаку,
Травы скорѣе вянемъ мы.
Всевышній небо преклоняетъ
И—въ буряхъ, молніяхъ и мглѣ—
Средь облакъ путь свой направляетъ
Къ объятой трепетомъ землѣ.
Онъ гнѣвные преклонитъ взоры—
И бездны стонутъ и ревутъ,
Колышутся волнами горы,
Утесы и холмы бѣгутъ.
Простеръ святую съ неба руку—
Исторгъ меня изъ шумныхъ водъ,
Послалъ на грѣшныхъ скорбь и муку,
Сразилъ, разсѣялъ злобный родъ!
Ковали хищники крамолы;
Десница лжи десница ихъ,
Въ устахъ ихъ тщетные глаголы;
Исчезли въ замыслахъ своихъ...
Прославлю на златой псалтирѣ,

Защиту Бога моего:
Пою по бранѣ въ сладкомъ мирѣ,
Пою, ликующій, Его,
Его, дающаго спасенье
И честь и торжество царю!
Къ тебѣ, Давида заступленье,
Мой Господи, къ тебѣ парю!
Отъ хладнаго меча, Владыко,
Ты твоего раба хранилъ;
Каратель чуждаго языка,
Ихъ гонишь духомъ бурныхъ крылъ
Ихъ зрѣлъ я: юная дубрава,
Воздвиглись мощные сыны;
Одежда дщерей—блескъ и слава,
Въ красу, какъ храмъ, облачены.
Питаются роскошной паствой
Ихъ многоплодныя стада;
Трапезы клонятся подъ яствой;
За ихъ виномъ молчитъ вражда;
Молчитъ мятежъ и своевольство,
Окованъ дерзостный разбой;
Ихъ нѣжитъ тучное довольство.
Труды ихъ золотитъ покой.
Грядутъ—и очи къ нимъ подъемлютъ
Пришельцы изъ земель чужихъ;
Восторженнымъ ихъ пѣснямъ внемлютъ
И ублажняютъ долю ихъ!
Но блага грѣшниковъ мгновенны:
Подунетъ вѣтеръ—гибнетъ плоть!
Сыны жъ Израиля блаженны:
Хранитель нашъ и Богъ—Господь!

Аргунь.

Еще одну я къ тебѣ рѣкамъ причислилъ,
Которыхъ берегъ я, скиталецъ, посѣтилъ—
И тамъ, съ утратою своихъ сердечныхъ силъ,
Терзался и молчалъ, но чувствовалъ, но мыслилъ
Разлуку вѣчную предвидѣлъ—но любилъ.
Да, вотъ и эти дни какъ призракъ пролетѣли!

До гроба ли ты будешь молодымъ,
Мучитель-сердце? Ты скажи: ужели
Всегда блуждать, стремясь къ недостижимой цѣли,
Твоимъ желаніямъ несытымъ и слѣпымъ?
Любить и мыслить... Почему жъ не можетъ
Не мыслить, не любить душа моя?
Какой ее злой духъ безъ устали тревожитъ
И хочетъ, и велитъ, чтобъ вѣчно тратилъ я?
Увы! Съ послѣднимъ другомъ разставанье!
По крайней мѣрѣ безъ пятна!
Хоть это сбережетъ воспоминанье
И думъ и чувствъ моихъ скупая глубина.
Шуми же, о Аргунь, мое благословенье!
Ты лучше для меня, чѣмъ пасмурный Ононъ:
И тамъ мнѣ было разлученье;
Но передъ тѣмъ меня прельщалъ безумный сонъ,
И чуть не умертвило пробужденье.

Къ Виктору Гюго.

Прочитавъ извѣстіе, что у него потонула дочь.

Не суждено мнѣ было въ мірѣ
Съ тобою встрѣтится, поэтъ,
И ужъ на западѣ моихъ унылыхъ лѣтъ
Я внялъ твоей волшебной лирѣ.
Я мигъ гостилъ въ землѣ твоей;
Я, сынъ иной судьбы, инаго поколѣнья;
Я не видалъ твоихъ очей,
Въ нихъ не привѣтствовалъ перуновъ вдохновенья—
Но дорогъ ты душѣ моей.
Успѣховъ и похвалъ питомецъ, нѣгъ и блеска,
Ты къ бурѣ бѣшенаго плеска,
Съ разсвѣта своего привыкъ.
И не одной толпы ничтожный, шумный крикъ
Превозносилъ тебя: младенческія руки
Исторгли первые изъ струнъ дрожащихъ звуки —
И встрепенулся вдругъ божественный старикъ;
Съ живою жаждою къ потоку ихъ приникъ
Не льстецъ побѣды, не удачъ служитель,

Но онъ, поэзіи и вѣры воскреситель,
Онъ, рыцарь и пѣвецъ, и честный человѣкъ,
И жертвъ судьбы безстрашный защититель
Въ продажный и распутный вѣкъ.
„Гигантъ—дитя!“ *онъ* о тебѣ изрекъ,
Когда завидѣлъ, какъ, покинувъ мракъ и долы,
Ты, полный юныхъ, свѣжихъ силъ,
Отважно къ солнцу воспарилъ,
Когда послышалъ тѣ чудесные глаголы,
Какіе изъ-за тучъ ты, вдохновенный, лилъ!
Подъ властью я рожденъ враждебныхъ мнѣ свѣтилъ,
И рано крылья черной бури
Затмили блескъ моей лазури;
Я тяжкихъ десять лѣтъ въ темницѣ изнывалъ—
Умру въ глухихъ степяхъ изгнанья...
Однако же, какъ ты, такой же я кристаллъ,
Въ которомъ радужно дробится свѣтъ созданья;
Одинъ изъ вѣщихъ гуловъ я
Рыданій плача мірового;
Душа знакома и моя
Съ наитьемъ духа неземного!
Гюго!—не вѣчно и тебѣ
Смѣялось вѣтреное счастье.
Ты также заплатилъ свой долгъ судьбѣ.
Увы, мой братъ! и ты вкушалъ же сладострастье
Неизреченную утѣху горькихъ слезъ...
И вотъ же рокъ тебѣ нанесъ
Ударъ убійственно-жестокій!
Воображаю я, какъ стонешь одинокій,
Какъ вопрошаешь ты нѣмую эту ночь:
„Итакъ, моя любимица и дочь
Ужели въ самомъ дѣлѣ зѣвъ пучины?..“
Не договаривай: плачь, труженикъ-пѣвецъ!
Тебѣ сочувствую: ахъ, вѣдь и я отецъ!
Ножъ и въ моей груди негаснущей кручины:
Съ могилы сына моего
Надъ дочерью твоей, Гюго, рыдаю нынѣ...
Въ столицѣ міра ты; я въ ссылкѣ, я въ пустынѣ:
Но родственная скорбь не то же ли родство?

Жребій поэта.

Какъ путникъ, вѣтрами носимый
По бурнымъ, плещущимъ волнамъ,
По безднѣ водъ необозримой,
Стремитъ къ невидимымъ звѣздамъ,
Сквозь мракъ ревущей полуночи,
Спасенья жаждущія очи,
И, въ страхѣ, къ дальнымъ берегамъ
Въ слезахъ распростираетъ руки...
(Тамъ всѣ его исчезнутъ муки,
Усталаго ждетъ пристань тамъ)—
Такъ я, средь сердца грозъ мятежныхъ,
Совсѣмъ измученный борьбой,
Добыча бѣдствій неизбѣжныхъ,
Звалъ тщетно сладостный покой!
Нигдѣ мнѣ не было пощады:
Изъ края въ край, изъ весей въ грады
Я былъ преслѣдованъ судьбой...
Нѣтъ, не могли святыя струны
Громъ оковать, связать перуны;
Ревѣли бури надо мной.
О! страшно быть сосудомъ бреннымъ,
Пророкомъ радостныхъ боговъ!
Снѣдаемый огнемъ священнымъ,
Внушителемъ златыхъ стиховъ,
Тотъ преданъ въ жертву грозной власти.
Въ комъ пѣсней жаръ питаютъ страсти:
Его и самая любовь
Порабощаетъ мрачнымъ силамъ;
Въ немъ шумно, яростно по жиламъ
Течетъ неистовая кровь.
Въ замѣну, предъ лицемъ Кронида
Всесиленъ вѣщихъ пѣсенъ гласъ:
Имъ въ темномъ адѣ Немезида,
Имъ въ свѣтломъ небѣ Локсіасъ,
Имъ на землѣ вѣка внимаютъ,
И на главѣ пѣвца считаютъ
И сохраняютъ каждый власъ.

Онъ входитъ въ горніе предѣлы,
Беретъ изъ длани Зевса стрѣлы—
И нечестивыхъ страхъ потрясъ.
Гремятъ его хвалы и клятвы
До запада позднѣйшихъ дней:
Онъ сѣетъ ихъ для вѣрной жатвы.
Злодѣй, содрогнись и блѣднѣй,
Бѣги за волны Ахерона!
Вотъ лукъ, даянье Аполлона:
Онъ губитъ изверговъ и змѣй...
Ужъ тетива рога стянула;
Исчезни же! утроба тула
Полна мучительныхъ смертей!

Упованіе на Бога.

На Бога возложу надежду:
Не Онъ ли въ миръ меня облекъ?
Не Онъ ли черную одежду,
Хулу и скорбь съ меня совлекъ?
Мои враги торжествовали—
„Погибни!“ ихъ вѣщалъ языкъ.
Но Богъ боговъ на нихъ приникъ:
Злодѣи въ козняхъ обнищали.
Онъ правоту мою явилъ,
Какъ лучъ полуденный и чистый,
Какъ блескъ безчисленныхъ свѣтилъ;
Воздвигъ меня на холмъ кремнистый
И кровомъ крылъ своихъ покрылъ.
Десницу къ звучному органу
Простру и воскрылюсь душой:
Тебя, мой Боже, славить стану;
Ты мечъ и щитъ и панцырь мой!
Глаголъ съ небесъ въ меня вложенный,
Какъ громъ, промчится въ времена:
Дивясь, умолкнутъ племена;
Свой слухъ преклонятъ изумленный
Моря и долъ, и вышина.
Гремите же, святыя струны,

Предъ Богомъ: онъ хранитъ пѣвца!
Раздайтесь до міровъ конца!
Летите звучные перуны,
Разите гордыя сердца!

Молитва.

Прибѣгну къ Господу съ мольбою,
Небеснаго взыщу Отца:
Не дай мнѣ Боже пасть душою,
Но да крѣплюся до конца!
Ты знаешь испытаній мѣру,
Что мнѣ во благо знаешь Ты:
Пролей живительную вѣру
Въ меня съ надзвѣздной высоты!
Душа моя не есть ли поле
Изсохшее въ тяжелый зной?
О Боже! Боже мой! доколѣ
Отринутъ буду я Тобой?
Не презри Твоего созданья;
Твое творенье я, Творецъ!
Нечистыя мои мечтанья,
Сорви, исторгни, какъ волчецъ!
Низвергни въ море преступленья,
Грѣхъ буйной юности моей!
Даруй мнѣ тихія моленья!
Очисти взоръ, моихъ очей!
Да устремлю туда желанья,
Гдѣ ужаса и скорби нѣтъ,
Гдѣ блескомъ вѣчнаго сіянья
Господень вертоградъ одѣтъ!

Молитва узника.

Руку простри надъ моею темницей,
Господи! сирую душу мою
Ты осѣни милосердной десницей!
Господи, Боже, къ Тебѣ вопію!
Нѣтъ! своего не погубишь созданья!
Скорбныхъ ли чадъ не услышитъ Отецъ?
Зри мои слезы, сочти воздыханья,
Вѣры моей не отвергни, Творецъ!
Мнѣ не избавиться смертныхъ рукою:
Другъ мой и ближній мнѣ гибель изрекъ...
Такъ! я спасуся единымъ Тобою!
Господи! что предъ Тобой человѣкъ!
Боже мой! тяжки мои преступленья!
Мѣрила нѣтъ моимъ тяжкимъ дѣламъ...
О, да воскресну изъ узъ заточенья
Чистъ и угоденъ Господнимъ очамъ!
Будь для меня исцѣляющей чашей,
Чашей спасенья, мой горестный плѣнъ!

Слезы!—омоюсь купелію вашей:
Новъ я изыду изъ сумрачныхъ стѣнъ—
Новъ и для жизни, Ему посвященной...
Онъ мой спаситель, защитникъ и Богъ!
Съ неба внимаетъ молитвѣ смиренной:
Милостивъ Онъ, Онъ отечески строгъ!

Луна.

Тебя ли вижу изъ окна
Моей безрадостной темницы,
Златая, ясная луна,
Созданье Божіей десницы?
Прими же скорбный мой привѣтъ,
Ночное, мирное свѣтило!
Отраденъ мнѣ твой тихій свѣтъ:
Ты мнѣ всю душу озарило.
Такъ, можетъ-быть не только я,
Страдалецъ, узникъ въ мракѣ ночи—
Быть-можетъ и мои друзья
Къ тебѣ теперь подъемлютъ очи.
Быть-можетъ, вспомнятъ обо мнѣ—
Заснутъ—съ молитвою, съ любовью
Мой призракъ въ ихъ счастливомъ снѣ
Слетитъ къ родному изголовью—
Благословитъ ихъ... Но когда
На сводѣ неба запылаетъ
Передразсвѣтная звѣзда,
Мой призракъ, будто паръ, растаетъ.

Ночь.

Ночь, приди, меня покрой
Тишиною и забвеньемъ,
Обольсти меня видѣньемъ—
Отдыхъ дай мнѣ, дай покой!
Пусть ко мнѣ слетитъ во снѣ
Утѣшитель мой ничтожный,
Призракъ быстрый, призракъ ложный,
Легкій призракъ, милый мнѣ!

Незабвенныхъ, дорогихъ
Наслажуся разговоромъ:
Повстрѣчаюся съ ихъ взоромъ,
Уловлю улыбку ихъ!
Предо мной моя семья:
Позабыты всѣ печали,
Узы будто не бывали,
Будто не въ темницѣ я.

Любовь.

Податель счастья и мученья,
Тебя ли я встрѣчаю вновь?
И даже въ мракѣ заточенья
Ты обрѣла меня, любовь?
Увы! почто твои привѣты?
Къ чему улыбка мнѣ твоя?
Твоимъ свѣтиломъ ли согрѣтый
Воскресну вновь для жизни я?
Нѣтъ минула пора мечтаній,
Пора надежды и любви:
Отъ мраза лютаго страданій
Хладѣетъ токъ моей крови.
Для узника ли взоровъ страстныхъ
Восторгъ и блескъ, и теплота?
Погаснетъ лучъ въ парахъ ненастныхъ...
Забудь страдальца, красота!

Къ * * *

Такъ счастливъ ты, мой юный, милый другъ:
Къ златому, безмятежному покою,
Въ пріютъ отъ жизненныхъ и бурь и вьюгъ
Тебя ведетъ судьба благой рукою.
Постигнулъ рано ты всю суету,
Всѣ призраки и всѣ обманы свѣта,
И жалкихъ честолюбцевъ слѣпоту
Ты рано оцѣнилъ въ младыя лѣта...
Отнынѣ средь наслѣдственныхъ полей
Ты станешь жить для кровныхъ и друзей,
И призовешь въ свое уединенье
Высокій трудъ, отрадное ученье—
И вкругъ тебя прелестныя мечты
Разсѣютъ свѣтлые свои цвѣты...
Ты встрѣтишь ихъ въ тѣхъ рощахъ, мнѣ священныхъ,
Гдѣ нѣкогда съ цѣвницей я бродилъ,
Гдѣ нѣкогда съ таинственныхъ свѣтилъ,
Моихъ предтечъ, поэтовъ вдохновенныхъ,

Ко мнѣ могущій гимнъ сходилъ!
О мнѣ спроси сѣдаго земледѣльца
(Меня любили дѣти простоты)—
И отъ него мой холмъ узнаешь ты,
Любимый холмъ злосчастнаго пришельца.
Тамъ тишина и запахъ розъ окрестъ,
И сѣнь нѣмаго, дремлющаго бора,
И мирный гробъ, и надъ часовней крестъ—
Тамъ братъ мой спитъ... и отдаль, близъ забора,
Опредѣлилъ я мѣсто и себѣ...
Когда увидишь край родной, счастливый
И дорогіе мнѣ луга и нивы,
Когда предстанетъ оный холмъ тебѣ,
Тогда ты вспомнишь о моей судьбѣ...

Потокъ.

Съ туманной высоты изъ отдаленныхъ странъ
Несутся волны шумнаго потока
Въ бездонный, темный океанъ,
И вдругъ исчезнули для ока.
Для слуха гласъ сыновъ горы затихъ:—
Равнина моря поглотила ихъ.
И погребла протяжными громами
Глаголы рѣкъ, гремѣвшихъ межъ скалами.
Сѣдыя дѣти вѣчныхъ льдовъ,
Питомцы мощные (не разобрано) облаковъ?
Уже не воспарятъ къ воздушной колыбели!
До влажнаго кладбища долетѣли
И погреблися въ немъ на вѣкъ...
Не имъ ли суетный подобенъ человѣкъ?
Какъ эти бурныя, дымящіяся воды,
Не такъ ли царства и народы
Льются въ океанъ временъ.
И въ мірѣ гибнетъ слѣдъ племенъ?
Сверкаютъ, померкаютъ блески
Надъ пѣнистой, кипящей глубиной.
Сверкнулъ герой—исчезъ; за нимъ сверкнулъ другой;
Сопровождали ихъ и торжество и плески;—

Но тяжкій шумъ вѣковъ
И славу заглушилъ, и гимны ихъ пѣвцовъ;—
Такъ умираютъ трески:
И перекатъ слабѣющихъ громовъ.

1831-ый годъ.

Итакъ, протекъ и онъ сей годъ, событій полный! —
Его кровавыя, сверкающія волны
Надъ Русью пронеслись разливомъ тяжкихъ бѣдъ,
Но духомъ русскіе не пали:
Промчалось мѣсто слезъ и стона и печали,
Исчезнетъ ихъ и самый слѣдъ;
А уцѣлѣютъ тѣ скрижали
На коихъ россы начертали
Блестящій, новый рядъ побѣдъ.

*
* *

Не лесть мнѣ будетъ вдохновеньемъ:
Нѣтъ! не унижу дара моего...
Его я не утратилъ одного,
Когда ужаснымъ общимъ потопленьемъ
Вдругъ были сорваны и вдаль увлечены
Мои златые сны,
Когда и самыя желанья
Въ моей груди заглушены
Рукою хладнаго страданья.

* *
*

Но мужа, кто неколебимъ
Когда падутъ, какъ дождь перуны,
И разступается земля предъ нимъ,
Такого мужа да прославятъ струны!
Чрезъ бѣдственный и вмѣстѣ славный годъ
Поставилъ въ пристань царь Россіи
Свой доблестный народъ:
Такъ въ шумномъ полѣ разъяренныхъ водъ
По черному хребту неистовой стихіи
Заводитъ мудрый кормчій челнъ

За пагубный, въ пучинѣ скрытый, камень
И презираетъ громъ и быстрыхъ молній пламень
И ярыхъ вѣтровъ ревъ и вопли дикихъ волнъ.

* *
*

О! сколь отраденъ послѣ бури
Безоблачный и чистый блескъ лазури!
О! сколь сладка по брани тишина!
Да (не разобрано) же съ крылами,
На долго полуночная страна!
Не разлучайтесь, матери съ сынами;
Въ объятьяхъ мира, средь родныхъ стѣнъ,
Бойцы вѣщайте слуху чадъ и женъ
Опасности борьбы и честь своихъ знаменъ
И незабвенныя въ вѣкахъ грядущихъ битвы.
А блѣдный моръ и дерзостный мятежъ,
Да не шагнутъ за нашъ святый рубежъ!

* *
*

Земля родимая! единыя молитвы
Я въ даръ могу принесть тебѣ:
И день и ночь я, въ пламенной мольбѣ,
О счастіи твоемъ взываю къ Всеблагому...
Господь нашъ повелитъ Архангелу святому,
И станетъ грозный стражъ у прага твоего,—
Да отобьетъ злачный щитъ Его
И страхъ, и скорбь, и бѣдства
Отъ древняго славенова наслѣдства.

Сонеты.

I. Рождество.

Сей малый міръ предъ дальними мірами,
Которые безчисленной толпой
Парятъ и блещутъ въ тверди голубой,—
Одна пылинка: мы же—что мы сами?

* *
*

Но солнцевъ сонмъ, катящихся надъ нами
Во вѣки на вѣсахъ любви святой

Не свѣситъ ни одной души живой
Не свѣситъ Вѣчный нашими вѣсами.

* *
*

Ни что вселенна предъ ея творцомъ;
Вѣщалъ же такъ творецъ и царь вселенной:
„Сыновъ Адама буду я отцомъ;

*
* *

„Избавлю родъ ихъ, смертью уловленный,—
„Онъ не погибнетъ предъ моимъ лицомъ!“—
И Богъ отъ дѣвы родился смиренный.—

2. Пасхальный первый.

Меня бѣды и скорби посѣщали
Въ дни младенчества и до сѣдины;
Я, наконецъ, и горе и печали
Такъ встрѣчу, какъ утесъ напоръ воды.

* *
*

Но что хулы меня ли взволновали?
Всѣ чувства чѣмъ во мнѣ возмущены?
Слуга Христовъ, безславленъ міромъ—я ли
Лишился вдругъ сердечной тишины?

* *
*

Кто я? ничтожный грѣшникъ! А чудесный,
Божественный Господь, Владыко силъ,
Явился ли, одѣтый въ блескъ небесный?
Нѣтъ! въ прахѣ онъ, свѣтлѣйшій всѣхъ свѣтилъ
Онъ въ низости окончилъ путь свой тѣсный,
И духъ на древѣ срама испустилъ!

3. Пасхальный второй.

„Почто я не перунами владѣю,
„И грянуть не велю громамъ?
„Нѣтъ, не стерплю; коварному злодѣю,
„Ковавшему погибель мнѣ-- воздамъ!“

* *
*

Такъ пьянъ отъ мести, рьянъ и шуменъ ею,
Свирѣпымъ, адскимъ жертвуя духамъ,
О Боже мой! предъ благостью Твоею
Возноситъ грѣшникъ вопли къ небесамъ.

* *
*

Не тотъ, который съ самаго созданья
Единый былъ безвиненъ предъ тобой,
Пріялъ неизрѣченныя страданья
И весь исполненный любви святой:
„Отецъ мой отпусти имъ грѣхи незнанья!“
Молился за объятыхъ слѣпотой.

4. Магдалина у Гроба Господня.

Марія, въ тяжкой горести стеная,
Назвала вертоградаремъ Того,
Кто, гробъ покинувъ, ей вѣщалъ: „кого
Здѣсь въ гробѣ ищешь, плача и рыдая?“

* *
*

И отвѣчала: „тѣла не нашла я...
Ахъ, Господа отдай мнѣ моего“.
Но вдругъ Онъ рекъ: „Марія“ и Его
Съ восторгомъ узнаётъ жена святая.

* * *

Не такъ ли большій, чѣмъ она слѣпецъ,
Взывалъ я, съ промысломъ небеснымъ споря:
„Почто меня оставилъ мой творецъ“.
А ты—ты былъ со мной и среди горя.
Я утопалъ; но за руку отецъ,
Ты удержалъ меня надъ бездной моря.

5. Вознесеніе.

Божественный на Божіемъ престолѣ,
Христосъ на небѣ выше всѣхъ свѣтилъ,

Въ свое отечество, туда, отколь
Сошелъ на землю, въ славѣ воспарилъ.
Своихъ же не покинулъ Онъ въ неволѣ,
Ихъ не оставилъ въ узахъ темныхъ силъ;
Нѣтъ, слабыхъ ихъ и трепетныхъ дотолѣ
Неколебимымъ сердцемъ одарилъ.

* *
*

И всѣхъ стремящихся къ Его святынѣ,
Горѣ, на крыльяхъ думъ, ему вослѣдъ,
Онъ свыше укрѣпляетъ и по нынѣ:
Имъ пѣснь Эдема слышится средь бѣдъ,
Средь бурь, въ юдолѣ слезъ, въ людской пустынѣ
И такъ вѣщаетъ: „близокъ день побѣдъ“.

Лучъ изъ-за облакъ.

Стоялъ на горѣ я, на самой вершинѣ,
Очамъ утомленнымъ покоя искалъ;
Но море тумана кипѣло въ равнинѣ,
Но вмигъ измѣнялся синѣющій валъ.

* *
*

Вдругъ вѣтеръ и тьму разодралъ и свѣтило
Воскресшаго дня въ глубинѣ подо мной
Одѣянный роскошью край озарило,
Чудесный Эдемъ, насажденный весной.

*
* *

Изъ персей исторгнулся крикъ упоенья:
Но ахъ! набѣжали тогда же валы,
Пожрали Эдемъ, какъ мечту сновидѣнья:
И снова повсюду владычество мглы.

*
* *

О други! Хотя бы однажды, не болѣ,
Расторгъ облака ваши радостный лучъ,
Но лучъ сей мгновенный—посолъ же оттолѣ
Гдѣ ваша отчизна, за областью тучъ.

Вѣра.

Вѣру дай мнѣ, мой Спаситель.
Дай мнѣ сердца простоту!
Ты мнѣ будь путеводитель...
Ахъ, позналъ я слѣпоту
Тщетныхъ гордыхъ мудрованій:
Лжи полны и препинаній,
Тишины и счастья мнѣ
Не возмогутъ дать онѣ.

* *
*

Что сокрыто для надменныхъ,
Для слѣпыхъ вождей слѣпцовъ,
То увидитъ взоръ смиренныхъ,
Съ тайнъ для нихъ спадетъ покровъ.
Гдѣ младенцевъ чистыхъ очи
Бога зрятъ, — тамъ ужасъ ночи,
Страхъ сомнѣнія и тьма
Для строптиваго ума.

* *
*

Ты зовешь, я прибѣгаю
Къ Твоему кресту, къ Тебѣ!
Я къ тебѣ въ слезахъ взываю,
Ты внемли моей мольбѣ.
Сердца моего обманы
Обложили, какъ туманы,
Солнцемъ истины святой
Ты разсѣй ихъ, Боже мой.
Безъ тебя я слабый, хладный,
Въ грѣшной ли своей груди,
Свѣтъ могу обрѣсть отрадный,
Свѣтъ надежный на пути
Изъ страны несовершенства
Въ область вѣчнаго блаженства?
Ты (вождя иного нѣтъ),
Ты мой вождь и щитъ и свѣтъ.

Надежда.

(Пустынникъ и нѣсколько горожанъ).

1. Горожанинъ. Отъ веселья мы устали,
Утомились отъ трудовъ:
Бремя сбросили печали,
Грузъ заботъ, суетъ и сновъ...
Подъ крыломъ уединенья,
Въ мирной хижинѣ съ тобой
Не живутъ ли вдохновенья,
Свѣтъ, и мудрость, и покой.
Пѣсней пустынникъ!—Златые перуны
Солнце выводятъ обратно въ лазурь;

Пусть же, подобно, могучія струны
Въ насъ воскресятъ тишину послѣ бурь.

* * *

Пустынникъ. Пѣсней, но какихъ? Мой голосъ
Въ дряблыхъ персяхъ ослабѣлъ;
Стынетъ сердце, рѣдкій волосъ,
Будто снѣгъ нагорный, бѣлъ...
Мнѣ ли пѣть пиры, забавы,
Игры, смѣхи, шумъ и блескъ?
Мнѣ ли пѣть безумье славы,
Кровь и вопли, стонъ и трескъ?
Пѣсни такія пѣвалъ я, но прежде;
Нынѣ другія, другія пою:
Тихія пѣсни небесной надеждѣ;
Ей посвятилъ я и душу свою.

* * *

2. Горожанинъ. Ты трепещешь надъ могилой,
Ты не можешь вновь ожить,
Не тебѣ отшельникъ хилый,
Радость и войну хвалить.
Но еще ль не отлетѣли
Дни, гдѣ рабствовалъ мечтѣ?
Ты стоишь у самой цѣли:
Ты-ль понынѣ въ слѣпотѣ.
Скажешь ли: „тягостно старцу сѣдому
Сбросить, расторгнуть истлѣвшую сѣть?!...
Ей ли, надеждѣ, видѣнью пустому,
Пѣсни на прагѣ ничтожества пѣть?

* * *

Пустынникъ. Скоры вы и строги, дѣти!
Приговоръ вашъ скоръ и строгъ:
Но избѣгнуть этой сѣти
Кто-жъ земнородный могъ?
Всѣхъ владычица надежда:
Царь и ратарь—слуги ей,
Рабъ ей мудрый, рабъ невѣжда,
Рабъ и правый и злодѣй.

Какъ вожделѣнный, веселой денницы
Свѣтъ изъ-за крова ненастнаго тучъ,
Такъ даже къ узнику въ бездну темницы
Льется надежды божественный лучъ.

* *
*

3. Горожанинъ. Пусть, но старецъ, не мечта ли
Сей, владыка, сей кумиръ?
Ахъ, ему не слѣпота ли
Покорила буйный міръ?
„Счастье тамъ, въ туманной дали,
Смѣхъ и наслажденья тамъ“.
Мы туда—и что-жъ?—Печали
Скорбь и боль навстрѣчу намъ.
Цѣлаго міра царица надежда:
Но неравно ли игралища лжи
Властитель и пахарь, мудрецъ и невѣжда,
Не безуменъ ли міръ?—Мнѣ скажи?

* *
*

Пустынникъ. Други! Други!—Святотатство
Поклоняться суетѣ:
Чья надежда на богатство—
Да предастся нищетѣ,
Гордый ляжетъ онъ на ложѣ,
Упованьемъ обуянъ,
Вотъ пробудится и что же?
Въ прахъ низверженъ истуканъ;
Идолъ разбитъ справедливой судьбою,
Идолъ, ему же несчастный кадилъ;
Злато растаяло вмѣстѣ со тьмою,
Вмѣстѣ съ ночными огнями свѣтилъ.

* *
*

Столь же грѣшенъ шумъ безумный,
Столь же скоро долженъ пасть,
Кто надменностію шумной
Сталъ и—оперся на власть;
Кто главою дерзновенной
Возвышаясь до небесъ,

Рекъ: „возсяду надъ вселенной!“
Вѣтеръ дунулъ — онъ исчезъ...
Тѣло его не орловъ ли добычей,
Снѣдію врановъ и явствомъ для псовъ?
Имя и память не стали ли притчей,
Смѣхомъ и баснею праздныхъ рабовъ?

* * *

Горе, горе нечестивый,
„Богомъ будетъ мнѣ мой умъ“,
Такъ вѣщалъ слѣпецъ кичливый,
Омраченный мглою думъ;
Провѣщалъ—и въ то-жъ мгновенье,
Какъ зарница, умъ потухъ:
Тьма, и ужасъ, и мученье...
И хохочетъ адскій духъ...
Не былъ ли умъ твой свѣчею невѣрной,
Пляшущей ночью надъ тиною блатъ?
Горе! Погрязнулъ ты въ безднѣ безмѣрной;
Горе!—ты гибелью хладной объятъ.

* * *

Грѣетъ солнце,—и кружится
Насѣкомыхъ легкій рой;
Сядетъ солнце,—рой умчится,
Имъ ужасенъ хладъ ночной.
Не надѣйся братъ на брата,
Не надѣйся на друзей:
Ты лишился силъ и злата—
Братъ и другъ—тебѣ злодѣй.

* * *

Если-жъ и душу найдешь между тьмами,—
Душу единую,—что человѣкъ?
Мы надъ отверстыми ходимъ гробами
Вѣкъ человѣка—не злака ли вѣкъ.

* * *

4. Горожанинъ. Такъ, пустыни древній житель.
Ненадежны братъ и другъ:

Мигъ и гдѣ же покровитель?
Мигъ—и гдѣ усердье слугъ?
Мигъ и нѣтъ богатства, и силы,
И погибли умъ и власть.
Только шагъ намъ до могилы:
Что-жъ—прельщаетъ наша часть?
Самъ ты, испытанный жизнью суровой,
Мудрый, постигшій обманъ суеты.
Дряхлый, спуститься подъ землю готовый,
Сердцемъ надеждѣ же служишь и ты!

Пустынникъ. Ей и въ грозное мгновенье
Не престану я служить,
Какъ расторгнетъ Провѣденье
Дней моихъ земную нить.
Здѣшній міръ не горсть ли праха?
Но я живъ и безъ конца!
Нѣтъ не буду жертвой страха;
Смерть не входитъ въ домъ отца.
Братья на немъ основалъ я надежду.
Мнѣ не измѣнитъ надежда моя;
Съ радостью бренную сброшу одежду,
Ризу ничтожную; риза—не я.
Здѣсь въ юдолѣ слезъ и ночи
Лучъ надежды мнѣ свѣтилъ
Мнѣ сковалъ духъ и очи
Мнѣ являлъ иной предѣлъ,
Тотъ предѣлъ, гдѣ испытанье,
Гдѣ снята завѣса тьмы.
Гдѣ загадокъ разрѣшенье,
Гдѣ, какъ Онъ, безсмертны мы.
Горный вожатый, надежда святая,
Страннику ты въ лучезарной дали,
Путь указала къ предверію рая:
Что при тебѣ испытанья земли?

* *
*

Оглянусь вспять—и что же?
Будто сонъ прошли онѣ,
Сонъ, слетающій на ложе
Въ полуночной тишинѣ,

Но вотъ крикнулъ громко пѣтелъ,—
Мракъ развѣянъ, сонъ исчезъ,
Чистъ, и радостенъ, и свѣтелъ,
Необъятный сводъ небесъ.
Солнце взошло изъ горящаго моря,
Гордо подъяло златое чело:
Нѣтъ и слѣда минувшаго горя,
Въ благо сліялося мнимое зло!

Хоръ горожанъ. Горе тѣмъ, чье упованье
Суета и прахъ и тлѣнъ;
Не легко тому страданье,
Но и въ скорби тотъ блаженъ,
Кто надѣется на Бога,
Кто смиривъ души раздоръ,
Къ свѣту горнаго чертога
Возвышаетъ свѣтлый взоръ!
Онъ и въ семъ мірѣ мятежномъ и тѣсномъ
Ангеловъ братъ и заранѣ отецъ
Сѣни таинственной въ краѣ небесномъ,
Гдѣ ему домъ уготовалъ Отецъ!

Любовь.

Высокая сила дана человѣку;
Пусть вѣкъ его лишь рождается слабъ,
И бури съ рожденья грозятъ его вѣку,
Пусть онъ и страданія и тлѣнія рабъ:
Но мысль его—искра чудесная,
Блеститъ и во мракѣ земномъ;
Душа его гостья небесная:
Не вѣчно же прахъ ему домъ.

* * *

Онъ тѣломъ былинка,—и что-жъ дерзновенный,
Свѣтила и солнца кладетъ на вѣсы,
И слышитъ біеніе сердца вселенной,
Гармонію звѣздъ, міровые часы;
Поютъ пѣснопѣвцы потоками
Увядшія души племенъ,

Предъ истинными Бога пророками
Спадаетъ завѣса временъ.

* * *

Такъ дивная дана смертному сила
Но сонъ—его дни: и вождя, и царя,
И мудраго—всѣхъ ожидаетъ могила,
Увидѣла гордаго славу заря;
Луна же со свода туманнаго,
Сребря вертограды земли,
Узрѣла его бездыханнаго;
Заутра слѣда не нашли.

* * *

Пусть каждая мнѣ покорится стихія,
И каждаго знаю народа языкъ,
И скажутъ: „онъ ангелу равный витія“,
Могуществомъ всѣхъ превзойду я владыкъ;
Пусть будетъ мнѣ книгой открытою
Дѣла нерожденнаго дня;
Не бездной пожрусь же несытою,
Но гробъ же поглотитъ меня.

* * *

Потребно единое въ области свѣта,
Въ той области, гдѣ судья возсидитъ,
Гдѣ будетъ не въ тѣло земное одѣта,
Куда все покинувъ, душа воспаритъ:
Любовь!—Безъ любви оживляющей
Я только звенящій кимвалъ,
Тотъ звукъ, что подъ дланью играющей,
Трепещущій бубенъ издалъ.—

* * *

Иной не щадитъ ни трудовъ, ни сокровищъ,
И служитъ убогому, жертвуя всѣмъ,
Безстрашенъ и твердъ и летитъ на чудовищъ,
Въ мученіи пламени крѣпокъ и нѣмъ.—
Дымяся геройскою кровію
Земля да прославитъ Его;—

Но, если влекомъ не любовію,
Предъ Господомъ онъ — ничто.—

* * *

Хотя бы и силой владѣлъ чудотворной
И молвилъ бы, вѣры божественной полнъ,
Горѣ, его угрозному зову покорной:
„Повергнися въ лоно бездонное волнъ!“ —
Качая главою лѣсистою,
Та двинется въ море,—но самъ,
Объятъ не любовію чистою,
Творца ли предстанешь очамъ?

* * *

Обиду любовь, милосердуя, сноситъ,
Любви не смутятъ навѣты вражды,
Любовь похвалы за данье не проситъ
И стона не ждетъ и моленья нужды;
Себѣ же не ищетъ и праваго,
Не хочетъ и злобному зла,
Не мыслитъ во-вѣки лукаваго;
Всегда, какъ зерцало, свѣтла;

* * *

Скорбитъ лишь о правдѣ, но въ чистую радость
Священная, вѣчная истина ей;
Грѣхи покрываетъ и горечь за сладость,
Враговъ же готова считать за друзей;
Все ею пріемлется съ вѣрою,
На чемъ только блага печать;
Злодѣйству же равною мѣрою
Любви невозможно воздать!

* * *

Какъ дымъ или спящаго мужа мечтанья,
Какъ облака быстраго легкій полетъ,
Такъ пышность, и сила, и мудрость и знанья,
Все бренное въ день разрушенья минетъ!

Настанетъ одно совершенное,
Любовь воцарится одна
Вожатый въ жилище блаженное
Предстатель за грѣшныхъ—Она!

* * *

Тебѣ подобаетъ единому слава,
О сынъ Всемогущаго, бездна любви,
Ты, коего вѣчны и власть и держава!
Распятый! Тебѣ я молюсь: обнови
Любви воскрешающей пламенемъ
Остывшее сердце во мнѣ.
Да буду не льдомъ и не каменемъ,
Да буду Твоимъ въ той странѣ.

Елисаветѣ Кульманъ.

Берегъ ли священной Леты.
Ты ли тихая луна,—
Но я вѣрю,—есть страна,
Гдѣ герои, гдѣ поэты
Не страдаютъ, гдѣ они
Въ плоть безсмертную одѣты,
Гдѣ и ихъ безбурны дни.
Тамъ ни золъ, ни грозъ, ни ночи
Ихъ божественныя очи
Ужъ не видятъ, входъ туда
Загрожденъ для черни шумной,
Тамъ не вопятъ никогда
Дикій смѣхъ и ревъ безумный;
Вся волшебная страна
Тонетъ въ багрянцѣ заката;
Воздухъ весь изъ аромата;
Тамъ, гармонія полна,
Въ ясныхъ тонахъ вѣчно чистыхъ
Подъ навѣсомъ лозъ душистыхъ
Какъ алмазъ горитъ волна.

* * *

Тамъ въ прохладѣ райской сѣни
Безъ вражды овца и левъ;
Въ слухъ мужей и женъ и дѣвъ
Ужъ ни стоны и не печали—
Льются въ пѣснѣ соловья;
Тамъ блаженству внемлютъ тѣни
Въ самомъ лепетѣ ручья.
Тамъ всѣ тучи, всѣ печали
Свѣтлой радостію стали;
Тамъ дыханье клеветы
Не затмитъ сіянья славы;
Тамъ въ святынѣ красоты
Нѣтъ ни лести, ни отравы.
Отдохну же тамъ и я!
Нужно мнѣ отдохновенье:
Бѣдъ — забвенье, ранъ — цѣленье
Тамъ найдетъ душа моя...
Слышу неземные звуки,
Къ тѣнямъ простираю руки:
Ждутъ безсмертные друзья!

* *
*

И я сбросилъ ношу тлѣна;
Зрю и я же, наконецъ,
Чадъ избранныхъ я пѣвецъ,
Изъ наслѣдія Словена!
Свѣточъ дивныхъ не погасъ:
Вотъ Камоэнсъ—на колѣни.
Вотъ Маронъ и Дантъ и Тассъ;
Вотъ, обнявшись, изъ тумана
Вдругъ шагнули три титана,
Шекспиръ, Кальдеронъ, Эсхиллъ.

Вотъ Гомеръ...Кто дѣду равенъ?
Онъ весь міръ въ себѣ вмѣстилъ.
Вотъ—не нашъ ли? Такъ! Державинъ
Хора русскихъ Корифей!
Онъ предводитъ не толпою;
Но не сладитъ и со тьмою
Барды честь земли моей:
Ихъ восторженныя лица
Такъ мерцаютъ, какъ денница
Изъ за трепетныхъ вѣтвей.—

* *
*

Къ вамъ родные! Вдругъ движенья
Сладкимъ ужасомъ лишенъ,
Не въ кумиръ ли претворенъ
Я отъ хлада изумленья?
Будто камень при пути,
Сталъ въ плѣну самозабвенья,
Сталъ, и съ мѣста не сойти.
Знаю,—я въ странѣ чудесной,
Все-жъ не въ области небесной:
Гостья съ оной высоты,

Изъ отчизны совершенства,
Въ мрачный вертоградъ мечты;
Въ край смиреннаго блаженства
Къ вамъ спустилась. Кто она!
Между вами словно дома;
Мнѣ безвѣстна, а знакома...
Или въ вѣщемъ царствѣ сна,
Или въ храмѣ идеала,
А душа ее встрѣчала:
Ею мысль и грудь полна!

*
* *

Тамъ я зрѣлъ, ее оттолѣ
Въ прахъ свергаемъ, въ шумъ земной,—
.....призракъ святой:
.....и въ роковой неволѣ
Бурь, обмановъ и скорбей,
Въ вашей грустной, тѣсной долѣ
Тайно тосковалъ по ней.
И съ улыбкой величавой
Старецъ, увѣнчанный славой,

Брадъ Филицы провѣщалъ:
„Сынъ ты правъ, земная риза
„Облачала идеалъ,—
„И родимая Элиза:
„Но прекрасной (я горжусь)
„Недалекое свѣтило
„Колыбелею служило,
„Нѣтъ!—моя родная Русь.
„Здѣсь я дочерью своею
„Называть Элизу смѣю,
„А скажу ль? порой боюсь!

* *
*

„Здѣсь не сможетъ быть раздора:
„Рай и міръ одно для насъ;
„Что-жъ? И здѣсь великій Тассъ

„Уступилъ мнѣ не безъ спора
„Милое мое дитя...
„На землѣ бы Леонора
„Ревновала не шутя.—

„Безъ досады и безъ гнѣва,
„А и Шиллеръ: „наша дѣва".
„Мнѣ три раза повторилъ
„Самъ Гомеръ нашъ вождь державный,
„Вскрикнулъ: „Сонмы горныхъ силъ.
„Я ей предокъ и издавній".
„Ждали мы: Судьбы хвала!

„Дѣва потупила взоры,
„Какъ отъ отбеска Авроры
„Покраснѣла до чела,
„Поклонилась славнымъ тѣнямъ,
„Но къ укромнымъ нашимъ сѣнямъ
„Въ наши кущи потекла!

* *
*

„Съ той поры безъ опасенья
„Смотримъ мы на сонмъ тѣней;
„Только я нерѣдко къ ней
„Обращаюсь полнъ сомнѣнья:
„Не мечта ты дочь моя?
„Не созданье вдохновенья?
„Точно мы тебѣ семья?
„А не дѣти безъ Эфира,
„О которыхъ наша лира
„Проповѣдала землѣ?

„Ахъ! тебѣ ли, горной розѣ,
„Было цвѣсть въ тяжелой мглѣ,
„Въ душегубящемъ морозѣ?..
„Часто мысли: что для ней
„Намъ Кацитъ и наша Лета.
„На мгновенье дѣва цвѣта
„Къ намъ спорхнула въ Элизей;
„Вдругъ въ отечество святое,
„Въ небо улетитъ родное,
„Въ царство духа и лучей!"

Родство со стихіями.

Есть что-то знакомое, близкое мнѣ
Въ пучинѣ воздушной, въ небесномъ огнѣ:
Звѣзды полуночной таинственный свѣтъ
Отъ духа роднаго несетъ мнѣ привѣтъ.

* *
*

Огромную слышу ли жалобу бурь,
Когда умираютъ и день и лазурь,
Когда завываетъ и ломается лѣсъ,—
Я такъ бы и ринулся къ волнамъ небесъ.

* *
*

До-нельзя постылы мнѣ тина и прахъ...
Мнѣ тамъ въ золотыхъ погулять бы поляхъ:
Туда призываютъ и вѣтеръ и громъ,
Перунъ прилетаетъ оттуда посломъ.

* *
*

Туманъ бы распутать мнѣ въ длинную нить,
Да плащь бы широкій изъ сизаго свить,

Предаться бы вихрю несытой душой,
Средь тучъ бы летѣть подъ безмолвной луной.

* *
*

Все далѣ и далѣ и путь бы простеръ
Я въ бездну туда за сапфирный шатеръ:
О, какъ бы нырялъ въ океанѣ свѣтплъ!
О, какъ бы себя по вселенной разлилъ!

И тамо Господь.

(Кн. Царст. 3., глав. 19, ст. 11 и 12).

И былъ къ нему отъ Господа глаголъ
И такъ вѣщалъ: „воздватись въ день грядущій
„И тамъ, въ горахъ, покинувъ темный долъ,
„Предъ Богомъ стань,—и пройдетъ Всемогущій“.

* *
*

И се! возникъ въ пустынѣ крѣпкій духъ,
Великій вѣтръ и гласомъ завыванья
Наполнилъ прозорливца грудь и слухъ
И члены облекъ морозомъ содроганья;

* *
*

И съ корнемъ кедры вырывая вонъ,
И моремъ праха тьмя лицо лазури,
И скалы раздирая, мчится онъ,
Но Богъ не въ немъ, Господь не въ духѣ бури.

* *
*

По вихрѣ трусъ и,—будто океанъ,
Волнуется Іуды край священный,
Шатнулся и колеблется Тиванъ,
Какъ мужъ, сномъ столѣтнимъ упоенный.

* *
*

Но или въ ни трусѣ Богъ?—И глубь земли
Разверзлася и пламеннаго тока
Густыя волны, хлынувъ, потекли;
Но Господа не видитъ взоръ пророка.

* *
*

Огонъ потухъ и замеръ трескъ и громъ
(Такъ умолкаетъ звонкій, конскій топотъ,
Теряясь постепенно); и потомъ
Пронесся въ міръ прохлады тонкій шопотъ.

* *
*

И шопотъ тихъ и сладостенъ и малъ
А Бога тутъ узналъ предвозвѣститель,—
Лицо закрылъ и Господу предсталъ
И рекъ: „Тебѣ я внемлю, Вседержитель!“

Наука и жизнь.

Вдохновеніе въ преданьяхъ:
Умъ измѣрилъ міръ и твердь;
Все извѣдалъ, но въ писаньяхъ
Вмѣстѣ съ свѣтомъ хладъ и смерть.

* *
*

Такъ!—Наука тощій камень:
Въ книгахъ трупъ отцвѣтшихъ дней;
Въ пѣснь спаслись восторгъ и пламень.
Жизнь живой разсказъ семей.

Элегія.

Склонился на руку тяжелой головою
Въ темницѣ сумрачной задумчивый поэтъ...
Что такъ очей его погасъ могучій свѣтъ?
Что стало предъ его померкшею душою?
О чемъ мечтаетъ? Или духъ его
Лишился мужества всего
И палъ предъ непріязненной судьбою?
Не нужно состраданья твоего:
Къ чему твои вопросы, хладный зритель,
Тоска, которой не понять тебѣ?
Твоихъ ли утѣшеній, утѣшитель,
Онъ требуетъ? Оставь ихъ при себѣ!

Нѣтъ, не ему тужить о суетной утратѣ
Того, что счастіемъ зовете вы:
Равно доволенъ онъ и во дворцѣ и въ хатѣ;
Не посѣдѣли бы власы его главы,
Хотя бы самъ въ поту лица руками
Пріобрѣталъ свой хлѣбъ за тяжкою сохой;
Онъ былъ бы твердъ подъ бурей и грозами
И равнодушно снесъ бы мразъ и зной!
Онъ не терзается по златой свободѣ;
Пока огонь небесъ въ поэтѣ не потухъ,
Поэта и въ цѣпяхъ еще свободенъ духъ!
Когда-жъ и съ грустью мыслитъ о природѣ
О Божьихъ чудесахъ на небѣ, на землѣ:
О долахъ, о горахъ, о необъятномъ сводѣ,
О рощахъ, тонущихъ въ вечерней бѣлой мглѣ,
О солнечномъ, блестательномъ восходѣ
О дивномъ сонмѣ звѣздъ златыхъ,
Безчисленныхъ лампадъ всемірнаго чертога,
Несмѣтныхъ исповѣдниковъ нѣмыхъ—
Премудрости, величія, славы Бога;
Не безъ отрады все же онъ:
Въ его груди вселенная иная;
Въ ней тотъ же благости таинственный законъ,
Въ ней та же заповѣдь святая,
По коей, выше—тьмы и золъ и облаковъ,
Безъ устали течетъ великій полкъ міровъ!—
Навѣдать хочешь ты: что сумракъ знаменуетъ,
Которымъ, будто тучей, облегло
Пѣвца унылое чело?
Увы! онъ о судьбѣ тоскуетъ,
Какой же Меонидъ, иль Камоэнсъ иль Тассъ,
И въ пѣсняхъ и въ бѣдахъ его предтеча,
Не испытали; пламень въ немъ погасъ,
Тотъ съ коимъ не были ему ужасны встрѣчи
Ни съ скорбнымъ недругомъ, ни съ хладной нищетой
Ни съ вѣтренной измѣной,
Любви, давно забытой и презрѣнной,
Ни даже съ душною тюрьмой.

Вѣнецъ.

(Подражаніе Гердеру).

Нѣтъ! Богоугодная премудрость,
Цвѣтъ души не въ гордыхъ, праздныхъ думахъ,
А въ трудахъ, полезныхъ человѣку,
А въ самозабвенье смиренномъ.

* *
*

Много размышляя о Серафимахъ,
Много и глубоко о Ѳаворѣ,
Возмечталъ отшельникъ Піотерій,
Будто славенъ и великъ предъ Богомъ:
И объемлетъ сонъ его незапный,
И во снѣ ему вѣщаетъ ангелъ:
„Піотерій, поспѣши въ Тавенку;
Тамъ увидишь, на кого Всевышній
Возложилъ вѣнецъ небесной славы“.
Онъ возсталъ, и поспѣшилъ въ Тавенку,
И его игуменья встрѣчаетъ,
Дѣвы инокини вмѣстѣ съ нею.
Имъ пустынникъ молвилъ: „Здѣсь ли всѣ вы?
Той не нахожу, которой образъ
Ангелъ мнѣ явилъ въ святомъ видѣньи“.
„Нѣтъ одной“, игуменья сказала;
„Но безумна, насъ, почти безчеститъ:
Самый низкій трудъ ей наслажденье;
День и ночь она служить готова
Всѣмъ, хотя бы былъ то жидъ или язычникъ.
Имя ей „юродивая“ мы дали
Намъ она едва и отвѣчаетъ,
Только вѣчно, весела и втрое,
Если кто презрѣнье ей окажетъ“.—
„Призовите“, говоритъ отшельникъ:
Предъ него предстать ей повелѣли
Въ ризѣ грубой, бѣдной порфирѣ та,
Покрывала нѣтъ, распущенъ волосъ,
Лишь опрятность—украшенье дѣвы.

Что-жъ? Предъ ней склонилъ колѣна старецъ
Ликъ ея сіялъ сіяньемъ дивнымъ
Тѣмъ, которое онъ зрѣлъ въ видѣньи.—
Чистотой, смиреньемъ и любовью!
И онъ рекъ: „благослови святая!
На тебѣ вѣнецъ небесной славы!“—

Нищій.

(Притча св. Дмитрія Ростовскаго).

Былъ нѣкогда учитель знаменитый
И къ Господу прилежно воззывалъ:
„Мнѣ покажи такого человѣка,
„Чтобы меня поставилъ на стезю
„Ведущую удобно и безбѣдно
„На небеса“.—И въ нѣкій день, когда
Съ особеннымъ желаньемъ онъ молился,
Желаньемъ тѣмъ проникнутъ и объятъ,
Казалось, гласъ къ нему пронесся свыше
И повелѣлъ: „Изыйди, обрѣтешь
„Въ предверіи церковномъ человѣка,
„Какого ищешь“.—И, возставъ, пошелъ
Изъ келіи учитель и увидѣлъ:
Предъ дверію церковною сидитъ
Подобный лазарю, убогій старецъ,
Оструплень весь, исполненъ лютыхъ ранъ;
Худа на немъ одежда и едва ли
За рубищѣ три пенязя кто дастъ.
Учитель былъ обычаемъ привѣтливъ
И, проходя, на старца посмотрѣлъ
И молвилъ: „Добрый день тебѣ“.—А нищій
Отвѣтствовалъ: „Не помню чтобы день
Бывалъ мнѣ злой“.—Отвѣтъ его услышавъ,
Учитель сталъ и первый свой привѣтъ
Исправилъ такъ: „Господь тебя счастливымъ
Да сотворитъ“.—Что-жъ? Нищій говоритъ:
„Еще несчастнымъ никогда я не былъ“.
Учитель удивился; „но легко
Быть можетъ, слухъ мой погрѣшилъ,—быть можетъ.

Не понялъ я,—помыслилъ онъ въ себѣ
И, мало измѣняя, повторяетъ;
„Ты что вѣщалъ, убогій братъ?—А я
Благополучнымъ быть тебѣ желаю“;
И слушаетъ, но старца рѣчь ясна:
„Я не былъ доселѣ злополучнымъ“.
—„Велерѣчивъ же ты!“ подумалъ тотъ
И, дабы умъ его извѣдать, молвилъ;
„Всего тебѣ того желаю я,
„Чего желаешь самъ“,—„Мнѣ недостатка
„Нѣтъ никакого“,—нищаго отвѣтъ,—
„И все, чего желаю, мнѣ бываетъ,
„Хотя и временнаго не ищу
„Благополучья“.—Возразилъ учитель:
„Спасетъ тебя Господь за то, что ты
„Благополучіе мірское презрѣлъ,
„Однако мнѣ скажи; единъ ли ты
„Межъ бѣдствующими людьми безбѣденъ?
„Гласитъ же малолѣтенъ пріисполненъ
„И золъ и бѣдъ.—И какъ единый ты
„И злого дня не повстрѣчалъ понынѣ.
„Постигнуть словъ твоихъ я не могу“.—
Тогда учителю повѣдалъ старецъ:
„Благополучнаго ты мнѣ желалъ
„И счастливаго дня, я рекъ: несчастье
„И злополучье неизвѣстны мнѣ;—
„И точно такъ, затѣмъ, что благодаренъ
„За жребій я, который Богъ мнѣ далъ.
„И вѣдай: не желать благополучья—
„Мое благополучье. Никому
„Несчастья нанести вреда не въ силахъ,
„А развѣ мнѣ тоску, кто ихъ дрожитъ,
„Кто ждетъ отъ нихъ вреда.—Но я о счастьи
„Не думаю,—я никогда о немъ
„Правителю вселенной не молюся;
„Итакъ и злополучнымъ не бывалъ:
„Незлополученъ тотъ, кому дается
„Все по желанью. Гладомъ таю? Пусть!
„Я, какъ Отца, благославлю Бога:
„Онъ вѣдаетъ все, что потребно намъ.

„Тѣснитъ ли мразъ меня, или пронзастъ
„Незапно дождь, или же что терплю
„Иное отъ воздушныхъ измѣненій.
„И тутъ его хвалю.—Когда меня
„Поносятъ всѣ,—его—неменѣ славлю.
„Не знаю ли, что все то Богъ творитъ.
„Творимому же Богомъ невозможно
„Не быть благимъ. Онъ сладкое ли дастъ
„И онъ же горькое ли что попуститъ?
„Отрадное, противное, равно
„Съ весельемъ отъ Господа пріемлю,
„Какъ изъ десницы добраго отца:
„Мнѣ все угодно, что ему угодно,
„Несчастливъ въ мірѣ ищущій утѣхъ;
„А истинная въ жизни сей утѣха
„Ввѣряться волѣ Господа во всемъ.
„И воля Господа добра и права
„Всегда и совершенно: ей нельзя
„Быть злою, ей нельзя и улучшаться,
„Во всемъ ея держуся и къ тому
„Всѣ мысли, всѣ заботы прилагаю,
„Чтобъ мнѣ единаго того хотѣть,
„Чего Всевышній хочетъ, не хотѣть
„Чего не хочетъ онъ“.—На то учитель:
„Ужель согласенъ съ рѣчью разумъ твой“.
„Ужель скажи, ты разсуждалъ бы также,
„Когда бы въ адъ Господь тебя послалъ?“
„Онъ въ адъ меня? но знай“,—воскликнулъ старецъ,—
„Мнѣ крѣпости чудесной двѣ руки
„Дарованы, и этими руками
„Объялъ бы неразлучно я его:
„Рука, мнѣ глубочайшее смиренье,
„Не лицемѣрная къ нему любовь
„Рука другая, оными столь крѣпко
„Держуся Бога, что его съ собой
„Увлекъ бы я, куда бы не былъ посланъ
„Отраднѣе жъ воистину мнѣ быть
„Внѣ неба съ нимъ, чѣмъ безъ него на небѣ“.
Былъ изумленъ учитель и позналъ:

„Се къ Богу правый путь“—но дабы болѣ
Сокрытую въ храминѣ худой,
Больного тѣла старцева жилищу,
Премудрость искушпть, такъ вопросилъ:
„Откуда ты?“—И былъ отвѣтъ: „Отъ Бога“.
„Гдѣ Бога ты обрѣлъ?“—„Тамъ, гдѣ весь міръ,
Имъ сотворенный, гдѣ я оставилъ
Все, что ни создано“.—„Но гдѣ же Богъ?“
„Воистину вѣщаю, въ чистыхъ мысляхъ
И доброй совѣсти“,—„А кто ты самъ?“
„Я? Кто-нибудь. Каковъ же я, ты видишь:
„Но образомъ и бытіемъ своимъ
„Я сталъ доволенъ, что за нихъ не взялъ бы
„Богатствъ и славы всѣхъ царей земныхъ;
„Не царь всякій душъ своихъ властитель,
„Умѣющій собой повелѣвать“.
„И по сему ты царь. Какого царства,
И гдѣ оно?—Тогда возникъ передъ
И, указавъ горѣ, премудрый старецъ,
Отвѣтствовалъ: „Такъ, царь, кому дано
На царство то отъ Бога завѣщанье,
Кто знаменья его уразумѣлъ“.—

Два гроба.

Горемыка безталанный
Одинокъ бредетъ домой,
Ночь одѣта въ плащъ туманный,
Холмъ и долъ покрыты мглой,
Вправо видится кладбище;
Далеко еще жилище;
Путь ведетъ въ дремучій боръ;
Путникъ всталъ и поднялъ взоръ:
„Отдохну: ослабли силы,
Ноги гнутся подо мной;
Вы, безмолвныя могилы,
Дайте сиротѣ покой.
Защититъ плетень забора,
Отъ звѣрей меня и вора.
Мертвыхъ... Не боюся ихъ:
Мертвыхъ сонъ глубокъ и тихъ.

Вотъ ужъ тамъ страдалецъ бѣдный:
Мѣсяцъ озарилъ кресты,
Льетъ таинственный и блѣдный
Свѣтъ потусклые щиты,
Будто духи межъ собою,
Вѣтеръ шепчется съ травою.
Онъ на пышный гробъ взглянулъ,
Легъ на камень и заснулъ.
Вдругъ, какъ будто чьей рукою,
Съ гроба сорвало его.
Снова легъ онъ; нѣтъ покою;
Слышитъ кажется кого:
„Прочь отсюда, подлый нищій.

„Нѣтъ, ни помощи, ни пищи,
„Ни ночлега не давалъ
„Я бродягамъ... прочь, на-
халъ“.
Путникъ всталъ, перекрестился:
Что-жъ? Незапно вопль и
стонъ
Не изъ гроба-ль испустился?
Путникъ молвилъ: „Тяжкій
сонъ.
Филинъ поднялъ эти крики,
Этоть вой глухой и дикій
Средь ночи съ часовни той.
Гробъ я выберу другой“.

* * *

Подъ крестомъ простымъ, сми-
реннымъ,
Тѣнью двухъ согбенныхъ ивъ
Древнихъ мшистыхъ, осѣнен-
нымъ,
Спитъ страдалецъ: онъ счаст-
ливъ;
Онъ на ложѣ наслажденій
Въ мірѣ сладостныхъ видѣ-
ній
Райскихъ благотворныхъ грезъ
Жизнь забылъ скорбей и слезъ.

* * *

Во дворецъ вступилъ блес-
тящій.—
Блескъ отъ тысячи свѣчей;
Пиръ готовъ уста манящій;
Много во дворцѣ людей.
Стройный ликъ пѣвцовъ со-
гласныхъ
Хоромъ пѣсенъ сладкогласныхъ
Просятъ странника присѣсть,
Отдохнуть, попить, поѣсть.

* * *

И старикъ къ нему подхо-
дитъ,
Свѣтлый, радостный старикъ
И къ столу его подводитъ;
Столъ пространенъ и великъ:
Не исчислить мѣстъ всѣхъ,
смѣты
Нѣтъ гостямъ, и всѣ одѣты,
Словно въ ризы отъ иконъ,
Въ жемчугъ, свисту и виссонъ.

* * *

Всѣ молчатъ, но свѣтъ ихъ
взоровъ,
Но улыбка ихъ ланить,
Лучше словъ и разговоровъ
Слуху сердца говоритъ:
„Насладися яствой нашей!“
Странникъ пьетъ златою ча-
шей
Искрометное вино;
Но не тмитъ души оно.

* * *

Ѣстъ отъ яствъ безкровныхъ
чистыхъ:—
Легки яствы, какъ зефиръ.
Слаще сотовъ золотистыхъ.
Встали; конченъ дивный пиръ:
Нѣтъ гостей, умолкли гимны;
Лишь старикъ гостепріимный
Въ платъ для гостя своего
Вяжетъ лучшаго всего.—

* *
*

Между тѣмъ лучемъ свѣтила,
Озаряющаго день,
Позлатилась могила:
Бросилъ пахарь бодро лѣнь;
Поспѣшилъ пастухъ ко стаду,
Силу, свѣжесть и отраду
Міръ, воскреснувъ, ощутилъ;
Онъ проснулся средь могилъ.
Въ небѣ жаворонокъ бился,
Пѣлъ въ незримой вышинѣ;
Путникъ въ тяжкій путь пустился,
Но вдругъ сталъ, дошедъ къ стѣнѣ,
Посмотрѣлъ на гробъ смиренный,
Молвилъ: „Прахъ благословенный
И вонъ этотъ гробъ простой!
Тамъ же...“ онъ махнулъ рукой.—

Измѣна вдохновенья.

И такъ опять мелькнулъ ты предо мною,
И такъ опять меня обворожилъ:
И льняныхъ кудрей шумною рѣкою,
И радужнымъ мерцаньемъ легкихъ крылъ,
И взоромъ, въ коемъ блескъ златыхъ свѣтилъ,
Катящихся надъ твердью голубою.
Къ тебѣ бросаюсь жадною душою,
Къ тебѣ, прекрасный гость мой, Исфраилъ *).

* *
*

Сойди же, вѣстникъ дивный, вожделѣнный.
Давно желанный изъ страны чудесъ.
Но что?—Туманомъ жаднымъ поглощенный,
Ужели въ безднѣ ты исчезъ?
Увы! —Тамъ дебрь и холодъ, мракъ и лѣсъ,
Гдѣ цвѣлъ Эдемъ, тобою насажденный;
Тамъ, гдѣ жемчугъ дробился оживленный,
Тамъ жажду ждетъ одинъ нагой утесъ.—

* *
*

И вотъ!—Сдается, въ глубинѣ воздушной,
Отколѣ Гуны рая ты свѣвалъ
Мнѣ на душу, моимъ мольбамъ послушный,
Тамъ дикій хохотъ вдругъ задребезжалъ;

---

1) Исфраилъ—ангелъ поэзіи по персидской миѳологіи.

И чудится: изъ угрюмыхъ скалъ;
Изъ подъ покрова мглы пустой и душной,
Насмѣшкой злобной на привѣтъ радушный,
Мнѣ кто-то адскимъ взоромъ засверкалъ.

Возвратъ вдохновенія.

Не до конца меня покинулъ ты...
Увы! Я унывалъ, я таялъ:
„Сокрылися, исчезли“, такъ я чаялъ
„Жившія меня мечты;
Огонь небесный вдохновенья
Потухъ, потухъ въ моей груди,
Ужъ свѣтлый ангелъ пѣснопѣнья
По радужному не слетитъ пути,
Болѣзней сердца изцѣлитель,
Въ мою печальную обитель“.
И я душою палъ и къ жизни охладѣлъ
И ждалъ, и думалъ: „скоро ли предѣлъ
Моихъ увядшихъ дней?“ Но, милосердный, вѣчный!
Услышалъ ты мой стонъ сердечный;
Ты вѣдаешь: еще я слабъ;
Еще земныхъ страстей, мірскихъ желаній рабъ;
Твоя, Всевышній, благодать
Еще не блещетъ надо мною...
Божественную звать, искать,
О ней въ слезахъ молиться неустанно;
А нынѣ... Не Израилю ли манну,
Отецъ, Создатель, Боже мой,
Такъ точно ты послалъ въ безжизненной пустынѣ,
Какъ былъ тобой мнѣ посланъ нынѣ
Мой утѣшитель временной.
Онъ, пѣстунъ мой, онъ съ самой колыбели
Меня въ объятія пріялъ;
Уста младенца пріучалъ къ свирѣли,
Ростилъ меня, не покидалъ
Нигдѣ питомца, обиталъ со мною
Надъ зеркальной широкою Невою;
Со мною странствовалъ среди кавказскихъ скалъ;
Являлся мнѣ съ улыбкою и душою

На высотѣ суровой и угрюмой
Надоблачныхъ, покрытыхъ льдами горъ;
Сіяньемъ сладостной лазури
Живилъ и упоялъ въ Гесперіи мой взоръ;
На сѣверѣ жъ вѣщалъ мнѣ въ вопляхъ бури
И въ жалобѣ взволнованныхъ лѣсовъ...
Онъ мнѣ не измѣнилъ Единый.
Не подъ ударами неистовыхъ враговъ,
Не подъ тяжелымъ бременемъ кручины...
И что же? Наконецъ и онъ
Исчезъ, казалось, какъ ничтожный сонъ;
Казалось, онъ махнулъ воздушными крылами,
Явился, исчезъ за облаками,
Меня покинулъ и—навѣкъ.
Я застоналъ, мнѣ душу мракъ облекъ...
Ахъ! Кто такія испыталъ утраты,
Какія суждено мнѣ было испытать,
Твои мученія, надежды всѣ пожаты,
Тотъ можетъ ли не трепетать,
Когда послѣднее въ страданьяхъ утѣшенье
Съ нимъ разстается навсегда.
Но маловѣрье—слѣпота:
Ты, дивный въ чудесахъ! Принялъ мое моленье,
Ты щедръ и благостенъ, ты весь—любовь;
Ты рекъ—и возвратился вновь
Въ мою расцвѣтшую обитель
Болѣзней сердца исцѣлитель!
Нѣтъ! Не потухъ въ моей груди
Огонь небесный вдохновенья:
Опять, опять по свѣтлому пути
Ко мнѣ слетаетъ ангелъ пѣснопѣнья!

Сашѣ въ день ея рожденія.

Вдаль и даль несется время,
Снѣгъ бросаетъ мнѣ на темя;
Я не тотъ, чѣмъ былъ вчера,
Входитъ въ міръ иное племя;
Наша минула пора;
Жизнь для плечъ усталыхъ—
бремя.

* * *

Коротка дорога наша:
Мы цвѣтемъ мгновенье, Саша!
Но тебѣ шестнадцать лѣтъ,
Дни твои—очарованье;
Нѣтъ,—не наведетъ поэтъ
Грустныхъ тучъ на ихъ сіянье!

* * *

Другъ! Тоску считай ошибкой;
Все кругомъ живо улыбкой;
Сердцемъ вѣрь благой судьбѣ;
Будь твой міръ мечтой украшенъ:

Пусть летятъ часы! Тебѣ
Грозный ихъ полетъ не страшенъ.

* * *

Что со мною, другъ мой милый?
Я объятъ чудесной силой:
Токъ лучей, рѣка огня,

Жаръ святого вдохновенья
Вдругъ вливается въ меня;
Вижу свѣтлыя видѣнья!

* * *

Предо мной жена младая:
Всюду радость изливая,
Честь и счастіе она,

Рай того, съ кѣмъ не одною
Лишь рукой сопряжена,
Съ кѣмъ сливалася душою.

* * *

Вижу дочерей пригожихъ,
На нее во всемъ похожихъ,
Вижу рѣзвыхъ сыновей;

Правитъ мать толпой ихъ шумной
Взглядомъ ласковыхъ очей,
Или рѣчію разумной...

* * *

Призракъ сердцу вожделѣнный!
Саша въ той семьѣ блаженной
Я узналъ твою семью...

Но восторгъ, мой вождь доколѣ,
Вдругъ исчезъ: не узнаю,
Ничего не вижу болѣ...

* * *

Ахъ, почто же духъ мой жадный
Не узрѣлъ въ дали отрадной
Старца, дряхлаго пѣвца?

Онъ почто, страдалецъ хилый,
Въ той семьѣ ожидалъ конца,
Встрѣтить счастье предъ могилой?

* * *

Сонъ унесся благосклонный
Прежде, чѣмъ ты Антигоной
Мнѣ явилась.—Но судьбы
Не страшись моей плачевной:

Сильны, вѣрь, того мольбы,
Кто судьбой испытанъ гнѣвной.

На смерть княгини Варвары Сергѣевны Долгоруковой.

Посвящаю сестрѣ моей Юліи.

Кто мнѣ скажетъ, кто откроетъ,
Какъ на землю вы сошли,
Вы, которыхъ сердце ноетъ
Среди всѣхъ утѣхъ земли?
Прелесть ихъ не вамъ отрада:

Вашихъ душъ живого глада
Не насытитъ суета;
Не о тлѣнномъ жажда ваша,—
Пусть полна до края чаша,—
Отвращаете уста.

* * *

Наши страсти, наши нужды,
Наше счастье не для васъ:
Гости мира, міру чужды,
Въ мірѣ вы единый часъ.
Только часъ, но часъ разлуки,

Съ тѣмъ, къ кому, подъемля руки,
Шлете стонъ, тоску сердецъ...
Или съ области незримой
Помните свой домъ родимый,
Милый домъ, гдѣ вашъ отецъ.

* * *

Изъ страны ли вы надзвѣздной,
Изъ отчизны ли духовъ?
Тамъ ли на безмѣрной бездной
Бренныхъ солнцевъ и міровъ,
Тамъ ли вы, гдѣ нѣтъ печали,

Съ серафимами играли?
Тамъ ли пили чистый свѣтъ?
Что же вы въ краю изгнанья?
Здѣсь въ обители страданья
Здѣсь для васъ желанья нѣтъ.

* * *

Вы денница тьмы тѣлесной,
Вы въ туманахъ тяжкой тьмы
Лучъ эфирный, блескъ чудесный
Намъ вы Божіи послы.
Пѣсней подъ древами рая
Отзывъ вашъ жизнь земная;
Вамъ велѣлъ Всевышній самъ:
„Да прозрятъ сонныя очи.
Укажите путь изъ ночи
Беззаконія рабамъ“.
Сталъ слетать вашъ рой послушный
Съ неба въ долу нашу тьму,
Но нашъ міръ глухой и душный
Васъ не держитъ: вы къ нему,
Вы къ началу совершенства,

Къ Богу правды и блаженства,
На раскованныхъ крылахъ,
Совершивъ его велѣнье,
Воспріемлите паренье,
Отряхая скорбь и прахъ.
Въ сонмѣ ихъ и та, съ которой,
Плача, разлучалась ты.
Пусть была сиротъ подпорой,
Пусть спасеньемъ нищеты;
Свята память Долгорукой;
Но кому же, другъ, не мукой
На чужбинѣ бремя дней?
Здѣсь на мигъ все, что прекрасно;
Тамъ все вѣчно, тамъ все ясно:
Тамъ она въ семьѣ своей.

Мое предназначеніе.

Замолкъ и меркнетъ вѣщій духъ,
Не брызжутъ искры вдохновенья,
Исчезли дивныя видѣнья;
Въ груди пѣвца восторгъ потухъ.

* * *

Такъ постепенно, тише рдѣетъ
Безъ жизнедатнаго огня
И остываетъ и чернѣетъ
Подъ мертвымъ пепломъ головня.

* * *

Внимаетъ томный слухъ поэта
Не гулу арфы съ рубежей
Отчизны истины и свѣта,
Нѣтъ,—а свисту и шипѣнью змѣй...

* * *

Обвили чешуею холодной
Они добычу, жала ихъ
Надъ нимъ трепещутъ: блѣденъ, тихъ,
Угрюмъ, безъ жалобы безплодной,
Слабѣетъ онъ... Вдругъ чьихъ-то крылъ
Эфирный шорохъ... Въ бездну ночи
Въ безбрежный океанъ свѣтилъ,
Спасенья жаждущія очи
Страдалецъ, молча, устремилъ...
И се великій Исфрапилъ
Стоитъ предъ нимъ,—въ одно мгновенье
Расторгъ могучій кровы мглы,
Раздралъ кровавыхъ змѣй узлы
И сдулъ съ души пѣвца мученье;
Потомъ вѣщалъ: „Питомецъ мой,
Какъ сталъ ты жертвою чудовищъ.
Еще ли мало надъ тобой
Изсыпалъ я своихъ сокровищъ.
Молилъ, взывалъ ты: „Пѣсней мнѣ.
Въ безсмертномъ чистомъ ихъ огнѣ
Всѣ скорби я сожгу земныя“.
И внялъ я: въ звуки я одѣлъ
Видѣнья вѣчно молодыя
И съ роемъ ихъ къ тебѣ слетѣлъ,
И такъ повѣдалъ: твой удѣлъ
И думы и мечты и лира,
Но не желая блаженства міра;
А да прольетъ съ священныхъ струнъ
Крылатый, радостный Перунъ,
И онъ помчится въ хлябь и дали,
Разрѣжетъ тучу, и лазурь
Укажетъ смертнымъ, выше бурь,
Въ предѣлахъ тѣхъ, гдѣ нѣтъ печали.
Ты часть свою благословилъ

Ты взялъ ее... Такъ что же нынѣ
Ты вдругъ безъ мужества и силъ.
Иль ты измѣнилъ святынѣ,
Кумирамъ жаждешь ты служить,
Кадить и нѣгѣ и гордынѣ.

Поэтъ.

Святынѣ вѣренъ я и нынѣ,
И мнѣ ли идоламъ кадить.
Пусть сумрачна моя обитель,
Пусть дней моихъ уныла нить;
Но ты со мною, мой хранитель.
И вновь судьбу благословлять
Готовъ я.—Мощный и прекрасный
Посланникъ изъ страны чудесъ,
Ты предваряешь, сынъ небесъ,
Глухую полночь въ полдень ясный:
Съ тобою бодръ и силенъ я
Съ тобою вѣрую въ избранье,
Но отлетишь: опять страданье
Сжимаетъ душу: грудь моя
Полна терзанья и сомнѣній,
И самъ ты, свѣтозарный геній,
(прости безумье слѣпоты)
Тогда мнѣ кажешься и ты
Коварнымъ духомъ обольщеній...
Или мой жребій не жестокъ?
Изъ сонма дышущихъ твореній
Меня не выхватилъ ли какъ?
Безъ устали бѣжитъ потокъ
И дней и лѣтъ... Какого жъ вѣка?
Не умъ ли нынѣ человѣка
Творитъ изъ міра міръ иной.
Что-жъ непреступною стѣной,
До самой тверди взгроможденной,
Я отдѣленъ отъ всей вселенной.
Нѣмѣетъ слабый гулъ наукъ,
За мой порогъ не пролегая,
Здѣсь ухо всуе поражая,
Часовъ однообразный стукъ
Надъ временемъ насмѣшка злая,
Оно стоитъ. И мнѣ-ль мечтать
Изъ мертвой тьмы уединенья
Учить живыя поколѣнья
И міру Бога возвѣщать.

Исфраилъ.

Ты отдѣленъ отъ суеты,
Отрѣзанъ ты отъ прекновеній.
Жалѣешь о наукѣ ты?
Но, полный и теперь сомнѣній,
Скажи: что было бы съ тобой,
Когда бы легкою душой,
Ты несся по порогамъ преній,
Раздравшихъ нынѣ бытъ людской?
Непостояненъ ликъ науки,
Какъ ликъ, измѣнчивой луны;
Но изъ сердечной глубины
Текутъ одни и тѣ же звуки
И вторятся изъ вѣка въ вѣкъ.
Ихъ слышитъ, какъ сквозь сонъ мятежный,
Дрожитъ и млѣетъ человѣкъ
И рвется въ оный край безбрежный,
Гдѣ всѣ покорны красотѣ,
Гдѣ правда, свѣтъ и совершенство.
Да разгадаешь звуки тѣ.
Вотъ долгъ твой, вотъ твое блаженство.
Богъ—Богъ безмолвія и думъ,
И здѣсь, гдѣ умеръ міра шумъ,

Гдѣ окруженъ ты тишиною,
Не онъ ли предъ твоей душою
Стоитъ, отецъ своихъ дѣтей.
Какъ горный токъ, падущій
въ долы,
Такъ въ сердце братій, въ грудь
друзей
Излей могучіе глаголы
О немъ, предвѣчномъ, трисвя-
томъ,
Да совершишь предназначенье,
И по труду въ успокоенье
Онъ призоветъ тебя въ свой
домъ.

Сестрѣ Ю. К. Глинки.

Мѣшается съ печалью радость
Въ груди твоей,
Когда глядишь на младость
Своихъ цвѣтущихъ дочерей.
Ты говоришь: „Какъ сердце восхищаютъ.
Какъ душу тѣшатъ мнѣ.
Но ахъ! Поблекнутъ и онѣ,
Увянутъ такъ, какъ розы увядаютъ.
Сколь мнѣ понятна скорбь твоя.
На цвѣтъ прекрасный, но мгновенный,
Съ рожденья самаго на гибель обреченный,
Не безъ участія смотрю и я...
А ты—ты мать.—Младость есть иная
Ея источникъ—духъ, отчизна—небеса;
Но есть безсмертная краса;
Въ сравненіи съ нею что земная.
Чудесною, нетлѣнною красой
Равно цвѣтутъ, когда въ нихъ чистота святая,
И дѣвы юныя и старцы съ сѣдиной;
И цвѣтъ божественный изъ вертоградовъ рая,
Нѣтъ,—не увянетъ въ дочеряхъ твоихъ;
Благоуханіе на небо возсылая,
Онъ съ небомъ на землѣ связуетъ насъ.
Всегда прекрасны, вѣчно юны,
Подруги ангеловъ, они взлетятъ туда,
Гдѣ серафимовъ радостныя струны
Не умолкаютъ никогда,
Гдѣ громъ молчитъ, гдѣ не разятъ перуны.
Куда стремлюсь съ сердечной жаждой я,
Гдѣ возродится младость и моя.

Слова изъ Эклезіаста.

„Домъ плача“,—говоритъ Эклезіастъ,
„Да предпочтемъ, о сынъ мой, дому пира:
Мертвецъ тебѣ премудрость преподастъ:
И ты не вѣчный житель міра“.

Начало 37 главы пророка Іезекіиля.

Длань меня Господня осѣнила,
Духъ Господень вверхъ меня подъялъ,
Унесла меня святая сила,
Будто въ вихрѣ подо мной мелькалъ
Рядъ градовъ и селъ, холмовъ и скалъ;
Въ синій мракъ, въ пучину темной дали,
Словно овны, торы убѣгали...
Вдругъ—и гдѣ я. На полѣ упалъ.
Снѣгъ ли блещетъ, или осеребрило
Землю ночи блѣдное свѣтило.
Нѣтъ, не снѣгъ то, нѣтъ, то не луна,
А костьми покрыта вся страна.
Онъ повелъ меня;—я робкимъ окомъ
Мѣрю океанъ сухихъ зыбей.
Много, много на полѣ широкомъ
Бѣлыхъ человѣческихъ костей.
И поставилъ онъ меня средь поля
И въ перунахъ изъ-за тучъ глаголя:
„Кости оживутъ ли,—вопросилъ.
Знаешь,—отвѣчалъ я,—Боже силъ“.
— „Сынъ Адама, твоего языка
Узы разрѣшу,—сказалъ владыка,
„О костяхъ ты слово поведешь,
Обратишься къ нимъ, и проречешь:
„Кости, побѣлѣли вы по доламъ,
„Вы исчезли, кости, по пескамъ;
„Но внемлите божіимъ глаголамъ,
„Такъ вѣщаетъ всемогучій вамъ:
Въ васъ я дуну силой оживленья,
Протяну я кожу по костямъ,

Въ тѣло васъ одѣну, жилы дамъ
Вамъ, остаткамъ отъ трапезы тлѣнья;
Духъ мой поселится въ вашу плоть;
И подъятыя отъ усыпленья:
„Боже,—возгласите,—„ты Господь“.
И прорекъ я мощные глаголы
Жду, и чу!—вострепетали долы:
Трусъ и гласы. И съ лица земли
Кости вдругъ взвились и потекли
И шумятъ, какъ въ осень листъ дубравы;
И уже къ суставамъ льнутъ суставы,
Стройно къ членамъ члены пристаютъ,
И смотрю я: жилы ихъ растутъ,
Кожа тянется и все одѣло
Каждый остовъ цѣлостное тѣло;
Только духа нѣтъ еще въ тѣлахъ.
Вновь глаголъ раздался въ облакахъ:
„Сынъ Адама, проповѣдай снова,
Провѣщай и къ духу обрати
Громъ тебѣ дарованнаго слова,
Духу волю Бога возвѣсти:
„Съ четырехъ да пріидетъ вѣтровъ, сильный!
„И, пришедъ, на мертвыхъ сихъ дохни,
„И расторгни сонъ ихъ безмогильный,
„Дунь на нихъ, и оживутъ они!“
И прорекъ я божіе велѣнье:
И въ тѣ трупы жизни духъ проникъ,
Стали на ноги съ равнины тлѣнья,
И соборъ ихъ свѣтелъ и великъ.
И се,—третій гласъ сошелъ на землю,
Въ третій разъ вѣщалъ Адонай:
„Знай, Афаилъ, мертвые сіи,
Вашей рѣчи, сынъ Адама, внемлю,
Вопіяше: „Кость сухая мы;
„Врагъ сразилъ насъ,—не было защиты,
„Нынѣ нѣтъ надежды;—мы убиты“.
Я жъ отверзу гробъ вашъ;—изо тьмы
Изведу васъ я, народъ избранный,
Въ край поставлю, вамъ изъ вѣка данный.
Не умрете, свѣтъ вашъ не потухъ...
Съ неба падетъ на вашъ сонмъ мой духъ...

Плачъ я слышалъ и пріялъ моленья,
Минетъ ночь и узрите зарю
И речете: „Богъ нашъ—Богъ спасенья“.
Такъ глаголилъ я и сотворю.

Молитва царя Іудейскаго Эзекія.

Вѣщалъ я: „дней своихъ достигъ я высоты;
Сегодня кану въ зѣвъ бездонной темноты,
Сегодня во врата несытой преисподней
Вступлю и на землѣ, въ отечествѣ живыхъ,
Ужъ не увижу милости Господней.
Друзей покину я, отстану отъ родныхъ;
Стою на грани мнѣ отмѣреннаго вѣка,
Мнѣ только шагъ,—и въ нѣдрахъ гробовыхъ.
И ужъ не узрю чертъ отрадныхъ человѣка,
Летитъ надо мной губитель“, молвилъ я.
„Конецъ! разобрана и свита жизнь моя...
Такъ къ ночи свой шатеръ подъ полночью поставитъ,
Но рано, до зари, свѣтъ шатеръ пастухъ,
Сочтетъ овецъ и далѣ путь направитъ
И мертвый край опять, какъ былъ, и пустъ и глухъ.
Коснулся нитей ткачъ отрѣзать ткань отъ стану,
И ткань трепещетъ: такъ трепещетъ и мой духъ.
Еще бы утро!—быть до утра я перестану;
Увы!—Мой день до вечера потухъ“.
И кости всѣ мои крушилъ, какъ левъ губитель
И кровь изъ жилъ моихъ изсасывалъ, какъ змѣй,
Стоналъ и вопилъ я, какъ въ стаѣ журавлей
Стоналъ бы раненый стрѣлой ихъ предводитель;
Я былъ, какъ горлица, лишенная дѣтей;
И таялъ я и гасъ,—и въ тучѣ хладной ночи
Ужъ тусклыя мои закатывались очи,
Ужъ въ бездну падалъ я; но гласъ горѣ воздвигъ:
„Труждаюсь! Утоли мои болѣзни, Боже!“
О радость! невотще! небесъ мой гласъ достигъ:
Господь мой на страдальческое ложе
Изъ дому своего послалъ живящій сонъ,
И се! меня подъялъ съ недуга онъ.
Владыко, отче мой! —благословляю нынѣ
И славлю и пою Тебя въ твоей святынѣ!

Я исчезалъ: ты былъ опорою моей;
Услышалъ ты меня, меня ты не покинулъ,
Ты душу спасъ мою, погибнуть не далъ ей;
Всѣ, всѣ грѣхи мои завергъ ты и отринулъ,
Не смерть же, Господи, почтитъ тебя, ни адъ,
И не надѣются истлѣвшія въ могилѣ;
Но я при сладостномъ дневномъ свѣтилѣ,
Живый и здравый здѣсь въ кругу друзей и чадъ,
Я поклонюсь твоей чудотворящей силѣ,
Благъ, благъ Господь мой Богъ безъ мѣры, безъ конца!
Вы, дѣти, трепетно его законъ храните
И милосерднаго любите въ немъ отца
И веселитеся въ святой его защитѣ!

Племянницамъ въ день рожденія ихъ матери.

Вы въ Закупѣ [1]), вы радостные гости
Тѣхъ самыхъ рощъ, луговъ, холмовъ, полей,
Гдѣ расцвѣтало утро вашихъ дней,
На берегахъ игривой, свѣтлой юности.
За вами шумный, пыльный Петроградъ:
Вы тамъ, гдѣ твердь ясна и блещутъ воды,
Гдѣ ароматомъ дышатъ лѣсъ и садъ;
Вы на пиру, на праздникѣ природы,
Тамъ солнце рано слышитъ вашъ привѣтъ,
И лучъ его живительнѣй и краше,
И вашихъ щекъ свѣжѣе нѣжный цвѣтъ,
И бьется веселѣе сердце ваше,
Но смерклось: по знакомымъ вы тропамъ
Бредете въ златѣ луннаго мерцанья,
И тихія парятъ воспоминанья
И сладко шепчутъ о минувшемъ вамъ.
Не тамъ ли встрѣтите въ сѣни родимой
И день, любовью вашею святимый,
Тотъ день, въ который къ бытію призвать
Благославитъ Всевышній вашу мать?
И что-жъ являетъ мнѣ воображенье?

---

[1]) Названіе имѣнія Смоленской губ.

Сдается, вижу васъ, вы предо мной;
Вы молитесь за счастіе родной:
Сливаю съ вашимъ и свое моленье
И въ сей священный, въ сей небесный часъ
Сколь пламень вашихъ душъ и чистъ и ярокъ!
Но вы подѣялись: каждая изъ васъ
Несетъ любезной матери подарокъ...
Подарокъ малый, но онъ дорогъ ей:
Онъ изготовленъ вашими руками!
Соединиться въ томъ приносѣ съ вами
Блаженствомъ было бы душѣ моей;
Но—одинокій встрѣчу я денницу:
Мое богатство—грусть о старинѣ.
Напрасно бы и дѣва пѣсней мнѣ
Назвала сладостныхъ цвѣтовъ комницу;—
Напрасно!—кто услышитъ голосъ мой?—
Кого обрадую смиренной данью?
Но посвящу и я воспоминанью,
Но освящу и я сей день мольбой:
Воспоминанью съ вами проведенныхъ,
Прекрасныхъ, быстро улетѣвшихъ дней;
Мольбой за васъ, за мать и за дѣтей,
Безцѣнныхъ мнѣ и вѣчно незабвенныхъ.—

Стихи на Рождество.

Писанные отъ имени ребенка.

Христосъ родился, съ неба онъ
Принесъ намъ жизнь, принесъ законъ
Любви, спасенья, благодати
И образъ воспріялъ дитяти!
Чтобъ нашу гордость побороть
Младенцемъ слабымъ сталъ Господь;
Онъ грозный судія вселенной,
Въ дому родительскомъ возросъ
Послушный отрокъ и смиренный!
И началъ проповѣдывать Христосъ:
И что-жъ божественный Учитель,
Владыка Ангеловъ и Силъ,
Сынъ Божій, смертныхъ искупитель
Ласкалъ младенцевъ и — любилъ.
Дѣтей въ объятья принимая,
Лаская ихъ, онъ говорилъ:
„Внемли, надменный! — въ двери рая
Вступить желаешь ли?—Вотъ путь:
(Иного нѣтъ!) Младенецъ будь!“

И я младенецъ: мой спаситель
Меня и любитъ и хранитъ.
Такъ, нынѣ тамъ его обитель,
Но онъ и слышитъ все и зритъ,
Онъ наши мысли, чувства знаетъ,
Онъ въ мракѣ нашихъ душъ читаетъ.

Мою молитву приметъ онъ:
Пусть соблюду его законъ,
Пусть будутъ чужды мнѣ до гроба
Пронырство, лесть, коварство, злоба,
Пусть до могилы буду я
И сердцемъ и душой дитя.

Воскресеніе Господне.

Повсюду мракъ, повсюду тишина;
Земля молчитъ предчувствія полна;
Молчатъ и воины, стоящіе у гроба,
Гдѣ тотъ почилъ, кто весь любовь,
Тотъ, чью божественную кровь
Безумная пролила злоба.

* * *

Повсюду мракъ, повсюду тишина...
Но что? на мракъ не первая-ль волна
Живительныхъ лучей златаго моря свѣта
Нахлынула?—рѣдѣетъ тѣнь;
Бороться началъ съ ночью день,
И се!—Ужъ твердь въ багрецъ одѣта!

* * *

И вдругъ взбѣжало солнце на обзоръ,—
И вдругъ... содроглись долъ и сердце горъ;
И гласъ послышался, какъ гласъ трубы побѣдной,
И Ангелъ съ радостныхъ небесъ
Слетѣлъ и освѣтилъ утесъ;
Напалъ на стражей ужасъ хладный;—

* * *

Погналъ отъ гроба ихъ крылатый страхъ:
Сіи безъ чувствъ падаютъ во прахъ:—
А онъ, поруганный, растерзанный, заклапный,
Принявшій смерть и срамъ за насъ,
Онъ, Богъ нашъ, нашъ Господь и Спасъ,
Воздвигся, славой осіянный!

* * *

Наполни грудь мою, святой восторгъ!
Христосъ воскресъ, Христосъ мой вождь, расторгъ
Вериги вѣчной тьмы, подымясь изъ могилы;
Христосъ сразилъ и смерть и адъ,
Намъ имя далъ господнихъ чадъ,
Сорвалъ съ насъ узы темной силы.

* * *

И за меня (увы мнѣ), за мой грѣхъ
Онъ былъ врагамъ неистовымъ въ посмѣхъ,
Принялъ и за меня безчестіе и муки;
За мракъ и моей вины
Желѣзомъ были пронзены
Христовы ребра, ноги, руки.

* * *

И для меня, о радость!—возбудилъ
И въ жизнь его извелъ Владыка Силъ;
О радость, кровію и я омытъ Христовой!
Я, узникъ тлѣна и грѣховъ,
Изыду я изъ ихъ оковъ,
И я воскресну къ жизни новой!

* * *

Склонитеся колѣна! Слезъ ручей,
Теки, пролейся изъ моихъ очей!
Ты, сердце, полно будь нѣмаго умиленья!
Душа, трепеща, воззови
Къ непостижимому въ любви,
Къ нему воздвигни гласъ хваленья.

* * *

Вся жизнь моя да будетъ пѣснь ему.
Клянусь: Вождю, Владыкѣ моему
Отнынѣ посвящу я каждое дыханье.
Его и я въ врагахъ своихъ
Люблю отнынѣ: и за пихъ
Господь же мой вкусилъ страданье!

Притча о блудномъ сынѣ.

(Рацея слѣпыхъ Гуслистовъ на сельской ярмаркѣ).
(Силлабическимъ размѣромъ).

Про блуднаго сына мы притчу разскажемъ
И милость Господню народу покажемъ:
Народъ православный! послушай съ вниманьемъ
И насъ, слѣпыхъ старцевъ, почти подаяньемъ!—
Человѣкъ былъ нѣкій преклоннаго вѣка;
Два сына у того были человѣка,—
И рекъ ему младшій: „хочу я на волю;
Здѣсь жить не желаю,—дай мнѣ мою долю!“—
И что-жъ? имъ имѣнье отецъ раздѣляетъ,—
И младшій въ чужбину стопы направляетъ;
И зажилъ въ чужбинѣ и зажилъ онъ блудно,
Что было, то прожилъ, и вотъ ему трудно:
Наслалъ на ту землю Богъ нужду и голодъ,—
И странникъ безъ хлѣба,—зной терпитъ и холодъ;
Безъ крова отъ солнца, безъ одежды въ стужу...
Что дѣлать?—присталъ онъ къ богатому мужу,—
И тотъ послалъ его свиней пасти въ полѣ;
Бѣднякъ согласился, пошелъ по неволѣ;
Ѣсть нечего, никто не даетъ ему пищи;
Радъ отъ свиныхъ (не разобрано) нищій.
И вотъ въ себя пришелъ и, плача, взываетъ:
„Пастуховъ сколько отецъ мой питаетъ?
Мнѣ-жъ хуже и хуже и нѣтъ облегченья;
Терпѣлъ я и долго, не стало терпѣнья.—
Ахъ! встать мнѣ, пойти мнѣ въ отцову обитель,
Къ ногамъ его пасть мнѣ и вскрикнуть: „Родитель!
Предъ небомъ я грѣшенъ, мой грѣхъ предъ тобою,
И быть твоимъ сыномъ,—нѣтъ! я ужъ не стою!
Причти меня, отче, къ рабамъ твоимъ многимъ
И будь мнѣ отнынѣ властителемъ строгимъ“.
Ты притчѣ священной внемли, человѣче!
Поднялся, пошелъ онъ, еже былъ далече
А ужъ отецъ видитъ и сына жалѣетъ.
Тотъ къ вратамъ подходитъ, вступить въ нихъ не
смѣетъ,

А тутъ уже старецъ хватаетъ за руку,
И обнялъ и молвилъ: „Забудемъ разлуку!
А вы лучшую ризу, рабы, мнѣ подайте,
Драгого мнѣ гостя одѣть поспѣшайте,
Тельца заколите жирнѣйшаго въ стадѣ;
Пиръ нынѣ и праздникъ о миломъ мнѣ чадѣ,
О сынѣ, который былъ мертвъ и се, ожилъ“.
И радостью домъ весь поднялъ и встревожилъ.
Про блуднаго сына мы притчу сказали,
На милость Господню мы въ ней указали;
Народъ православный! Слѣпцамъ подаянье,
И знай: когда грѣшникъ придетъ въ покаянье,
Пусть будетъ послѣдній, хоть изо-ста братій,
Но теплыхъ и онъ жди на небѣ объятій!
О немъ въ домѣ Бога веселія болѣ,
Чѣмъ объ остальныхъ всѣхъ, не павшихъ дотолѣ.

Новый Эдипъ.

Въ Модонѣ Сѣдой проживалъ Аполлосъ,
Хоть поздно, а Богъ даровалъ ему сына;
Понесъ Аполлосъ къ вѣщей жрицѣ вопросъ:
„Какая назначена сыну судьбина?“
И вѣщая жрица ему говоритъ:
„Рукою сыновнею будешь убитъ,
„На матери юноша женится
„И двухъ угомонитъ поповъ,
„Но третій-то попъ не таковъ,
„И бѣшенный звѣрь перемѣнится“.

* *
*

И трепетомъ обдало тутъ старика:
Со хладнаго ужаса, какъ полоумный,
Завылъ онъ и вырвалъ изъ зыбки сынка
И вынесъ и выбросилъ на берегъ шумный;
Пошелъ не озрился и такъ лепеталъ:
„Пусть съѣстъ тебя лучше голодный шакалъ,
Пусть лучше, заклеванный птицею,
Замучишься, чѣмъ посрамлять,
Проклятый, тебѣ свою мать,
Чѣмъ стать тебѣ нашимъ убійцею“.

* *
*

Въ то время монахъ изъ обители шелъ
Для братіи съ мірянъ собирать подаянье;
Когда же до моря дорогой добрелъ,
Онъ сталъ, онъ услышалъ ребенка рыданье...
Нашелъ его, взялъ сердобольный монахъ,
И найденный имя принялъ Каллимахъ,
И росъ во священной обители,
И были въ Господнемъ дому
Друзьями, отцами ему
Спасителя Бога служители.

* *
*

Вотъ онъ возмужалъ и закинули сѣть
По душу невинную силы Геенны:
„Тебѣ бы“, лукавый шепнулъ, — „посмотрѣть
На жизнь и на міръ, на веселье вселенной“. —
И вотъ говоритъ — „не отвѣдаю силъ
Въ борьбѣ со врагомъ и природою.
Нѣтъ я не монахъ, а боецъ;
Навѣкъ разставаться, отецъ,
Не мнѣ съ молодецкой свободою“.

* *
*

Сказалъ и поклонъ, и выходитъ на свѣтъ.
Становится Клефтомъ и ночію бродитъ,
И пуля его непремѣнный отвѣтъ,
Гдѣ только въ расплохъ атамана находитъ;
Ему удалось и Послу застрѣлить:
Тутъ начали Клефта повсюду слѣдить:
Да онъ наряжается плотникомъ.
Съ сѣкирой за поясомъ онъ
Спускается въ мирный Модонъ
И сталъ въ чьемъ-то домѣ работникомъ.

* *
*

Хозяинъ его и силенъ и богатъ
И въ городѣ томъ человѣкъ именитый,
И молвилъ однажды работнику: „братъ,

Мой садъ по ночамъ карауль плодовитый;
Туда еженощно невѣдомый воръ
По яблоки лазитъ за крѣпкій заборъ“.—
И взявши ружье заряженное
Вступилъ въ караулъ Каллимахъ;
Но сердце хозяина страхъ
Мутитъ и раздумье безсонное.

* *
*

„На душу ли я положусь пришлеца?
Онъ кто? не бродяга ли, рода лишенный.
Нѣтъ! надобно мнѣ повѣрять молодца“.
И въ садъ свой спустился, судьбой увлеченный,
И крадется тамъ средь ночной тишины
Въ кустахъ, при мерцаніи тусклой луны.
Что-жъ? далъ ему сторожа рѣдкаго,
Надежнаго, вѣрнаго Богъ;
Но мучился онъ, изнемогъ:
Не встать ему съ выстрѣла мѣткаго.

* *
*

Ошибся: хозяина сторожъ убилъ;
Но время несется, невольный убійца
Убитаго скоро женѣ замѣнилъ;
Поплакавъ, за юношу вышла вдовица.
Разъ, въ мыльнѣ, на персяхъ у мужа пятно
Хозяйка замѣтила; сердце оно
Ей вѣщимъ объяло волненьемъ;
Вотъ начала спрашивать—ахъ!
Что вышло!—ей сынъ Каллимахъ,
Пятно получилъ же съ рожденьемъ
Она умерла, не опомнясь, а онъ?

* *
*

Взваливъ самопалъ на могучія плечи,
Онъ ищетъ покинувъ унылый Модонъ,
Отрадной погибели въ яростной сѣчѣ.
Нѣтъ! нѣтъ не находитъ и вотъ говоритъ:
„Я все еще живъ,—я все не убитъ...

Увы нестерпимо страданье.
Господь милосердъ: я пойду,
Я въ ноги попу упаду;
Творцу принесу покаянье".

* *
*

Но въ ужасѣ прочь оттолкнулъ его попъ,
Вскочилъ и завопилъ: „погибни проклятый!"
Проклятый зубами скрежещетъ,—и хлопъ.
Палъ попъ, неразсвѣтною ночью объятый.
„Прощай! вини въ своей смерти судьбу".
Такъ Клефтъ и пошелъ ко другому попу.
Тотъ вскрикнулъ: „ты бездной поглотишься,
Бѣсовъ заклейменный холопъ!"
Клефтъ пулю всадивъ ему въ лобъ,
Сказалъ: „проклинать не воротишься!"

* *
*

И долго потомъ злополучный бродилъ
Въ долину съ горы, изъ долины на гору;
Чуть жизнь перенесть достаетъ ему силъ:
Повсюду является мракъ его взору.
Стоялъ онъ однажды въ ночи среди скалъ
И къ дикой пучинѣ свой слухъ преклонялъ,
И море говорило ему:
„Проклятый прыгни въ мою тьму!
Скончай бытіе безотрадное!"

* *
*

Но голосу бездны не внялъ Поликаръ;
Спасла его искра послѣдняя—вѣра:
„Отъ Божьихъ ли въ безднѣ укроются каръ".
И вдругъ—увидѣлъ предъ собой Колуера,
И хочетъ его, какъ испуганный тать,
Безъ словъ и привѣта скорѣй миновать:
Въ немъ трепетъ и стыдъ и смятенье,
Дешницу же вдругъ Колуеръ
Съ крестомъ Богъ Спаса простеръ
И тихое шепчетъ моленье.

* *
*

А Клефтъ простоналъ: „ты отыди монахъ.
На грѣхъ и на пагубу ваша обитель
Взростила меня: я бѣглецъ Каллимахъ;
Забылъ и отринулъ меня искупитель“.—
„Христосъ“ былъ отвѣтъ,—„не отвергъ никого,
Кто робко и ревностно ищетъ его.
Мой сынъ! принеси покаянье!“
И что же? незапно во прахъ
Предъ старцемъ упалъ Каллимахъ;
Слова-жъ заглушило рыданье...

* *
*

Такъ точно рыданье младенца, чернецъ!
Здѣсь нѣкогда душу, тебѣ возмутило
„Дитя мое бѣдное! я твой отецъ:
Спасти тебя снова мнѣ небо судило“.
Сказалъ. Слезы брызнули изъ его глазъ,
И слушаетъ инокъ ужасный разсказъ.
Вотъ кончилъ.—„Тебѣ разрѣшенье
Не я дамъ: я пепелъ и прахъ:
Но, сынъ мой, для всѣхъ искупленье.

* *
*

Дорогу на сѣверъ держи по звѣздамъ,
Пока не достигнешь аркадской долины;
Далеко за мистрой разрушенный храмъ,
Пустынный, во имя святой Магдалины.
Тамъ нѣтъ алтаря, не видать образовъ;
Сводъ треснулъ и сталъ обиталищемъ совъ;—
Простися съ войной и ловитвою,
Ружье замѣни ты крестомъ,
Разгулъ молодецкій—постомъ,
А Клефтскія пѣсни—молитвою.

* *
*

По году взывай за отца и за мать,
А третій за душу поповъ погубленныхъ,
Прощенъ и спасенъ ты, когда благодать

Средь стѣнъ водворится тобой освященныхъ
И явится снова служеніе тамъ.
Того, что вѣщаетъ, не знаетъ и самъ,—
Таинственной двинутый силою
Монахъ не свое говоритъ“.
Тотъ внялъ, поклонился, молчитъ,
Прощается съ родимой могилою.

* *
*

И быстро три года потомъ протекли,
За ними проходятъ еще три седьмицы:
Разъ утромъ, монаха искавъ, не нашли;
Онъ вышелъ задолго до свѣта денницы.
За рѣки, дубравы и горы простеръ
Въ Аркадію путь свой сѣдой Колуеръ...
Не бреннаго сердца хотѣнье
Влечетъ его въ сумрачный долъ,
Но духа Господня глаголъ,
Но полное силы видѣнье.

* *
*

Пришелъ и увидѣлъ: Лежитъ Каллимахъ,
Какъ сонный младенецъ, на паперти храма,
И дивному пѣнію внемлетъ монахъ,
Изъ двери струится потокъ ѳиміама
Онъ понялъ: послалось нетлѣнье мощамъ,
И молвилъ сошедшимъ со скалъ пастухамъ:
„Здѣсь пастыри дѣло чудесное!
„Здѣсь церковь воздвигните вновь
„И славьте Господню любовь,
„Христа милосердье небесное!“

Оссіанъ.

(Воспоминаніе о картинѣ Жироде).

Пастухъ.

Сынъ отдаленной чужбины,
Мужъ иноземный—куда?
Въ безднѣ лазурной пучины
Теплится искра, звѣзда;
Тамъ же во прахъ бѣлоснѣжныхъ
Спитъ золотая луна;
Нѣтъ еще вихрей мятежныхъ
Всюду еще тишина.
Но уже пали на очи
Брови сѣдой полуночи,
Бурь просыпается духъ.

Странникъ.

Жаждутъ и сердце и слухъ
Пѣсней Улика и Гала:
Домъ благодатный Фингала
Близокъ ли, древній пастухъ?

Пастухъ.

Хладный, нѣмой, обгорѣлый,
Въ сизой трепещущей мглѣ,
Островомъ домъ опустѣлый,
Черный, стоитъ на скалѣ;
Смотритъ на синія волны:
Изъ дружелюбной страны
Ужъ не приносятся челны
Шумно къ подножью стѣны;
Ужъ за трапезой Фингала
Арфа давно замолчала:
Кіно и Галъ и Улинъ,
Да и мастеръ властелинъ,
Самъ онъ, отецъ Оссіана,
Всѣ они въ царствѣ тумана;
Сынъ только бродитъ одинъ
Скорбью ведомъ и мечтами,
Бродитъ унылый пѣвецъ
Между родными гробами,
Сирый и дряхлый слѣпецъ
Строгой судьбой пораженный,
Онъ полоненъ темнотой;
Но его духъ дерзновенный
Міръ созидаетъ иной,
Міръ сладкозвучья и стона:
Тотъ еще дышетъ съ полона,
Юноша рано не палъ,
Живъ и Оскаръ и Фингалъ;
Кровная барда Обстала,
Слушаютъ пѣсни печали
Призраки съ облакъ и скалъ.

* * *

Пастухъ умолкнулъ и взоры
Мужъ иноземный подъялъ
Съ дола на мрачныя горы:
Камни мостовъ и забралъ,
Своды упавшей бойницы,
Скалы и поле могилъ
Змій быстротечный зарницы
Бѣлымъ огнемъ осребрилъ;
Грома огромныя струны
Задребезжали; перуны
Всѣ очернѣли обзоръ.
Вздрогнулъ отъ ужаса боръ,
Скалы трепещутъ отъ гула...
Чу! Чья-то арфа дерзнула,
Съ арфой небесною въ споръ.

* * *

Смѣлы и дерзки удары,
Твердъ повелительный гласъ,
Грозны священныя чары;
Съ дивнымъ и пламень угасъ
И улеглися стихіи.
Въ лоно безмолвнаго сна
Пали воздушные зміи,
Снова на небѣ луна;
Старца луна освѣтила:
Будто широкія крыла
Вьется съ раменъ его пледъ;
Молча, и прадѣдъ и дѣдъ,
Сынъ и отецъ и клевреты,
Въ лунное злато одѣты,
Слушаютъ барда побѣдъ.

* * *

Помню эфирное бремя...
Нѣкогда зрѣлъ ихъ и я
Въ юное мощное время
(Гдѣ оно? Гдѣ вы? Друзья?)
Въ ранніе годы, когда мы
Изъ упованья и сновъ
Строили пышные храмы
Дни небывалыхъ бѣговъ!
Что я во свѣтлыя лѣта
Вдругъ изъ святыни поэта
Гнѣдича, сына каменъ,
Несся ко гробу племенъ;

Полнъ необъятнаго чувства,
Въ дивномъ созданьѣ искусства,
Виденъ воскресный морвенъ!—
Ахъ, и мой Дельвигъ Вильгельму
Онъ, съ вдохновеннымъ челомъ,
Въ пору вождемъ былъ и...
Въ радостный царственный домъ

Рекъ же владыка: „Чужбина
Въ міръ послала пѣвцовъ;
Чашу привѣта, Мальвина
Дѣва, царица пировъ!
Гнѣдичъ и Дельвигъ! и оба
Въ дверь безотвѣтнаго гроба,
Оба и вдругъ вы ушли!
Въ глубь безпредѣльной дали
Ухо вперяю напрасно;—
Все и темно и безгласно:
Тамъ они выше земли!

* *
*

Тихо;—по звѣздному своду
Ходитъ нѣмая луна;
Ночь объяла природу
Маками мертваго сна;
Дремлютъ и стоны и бури.
Вдругъ... по дрожащимъ лучамъ

Что-то скользнуло въ лазури,
Зримое внезапно очамъ...
Холодный млѣю
Всею моею душой
Длится радостью трепетъ;
Пѣснею становится лепетъ...
Братья! не вы ли со мной?

Утѣшеніе.

На стезѣ въ тотъ край небесный,
Гдѣ сіяетъ вѣчный свѣтъ;—
Въ тлѣнъ и прахъ, въ покровъ тѣлесный
Мой безсмертный духъ одѣтъ;
Но мгновенная обитель
Мнѣ гостиница сія:

Невсегдашній міра житель,
Нѣтъ пришелецъ въ мірѣ я.
Надъ звѣздами край покоя,
Сѣнь отъ хлада, бурь и зноя,
Странствію, трудамъ конецъ;—
Тамъ твой домъ, о мой отецъ!

* *
*

Тамъ терпѣнье посохъ брату,
Тамъ въ святомъ твоемъ дому,
Скину мукъ и страха ношу,
Тамъ сложу заботъ суму.
Здѣсь и скорбь, и наслажденье
Чуть мелькнетъ и пропадетъ;

Мигъ одинъ мое теченье,
Путь мой молніи полетъ
Лучъ, который въ мракѣ ночи,
Поразитъ незапно очи,
Но едва подниметъ взоръ,
Снова теменъ весь оборъ.

* *
*

Мнѣ прельщаться ли ничтожной,
Быстрокрылой суетой?
Радость, горе—призракъ ложный,

Возмутятъ ли мой покой?
Рая гражданинъ,—ужели
Прилипать душой къ землѣ?
Манитъ свѣтъ къ блестящей цѣли,—

Медлить стану ли во мглѣ?
Но! Всевѣдецъ! Предъ тобою
Я безсилія не скрою;
Съ лучезарной высоты
Бездну сердца видишь ты.
Благъ мірскихъ питаю жажду,
Къ зову ихъ склоняю слухъ,
Къ нимъ стремлюсь, и рвусь, и стражду,
Плотью подавленъ мой духъ.
Обладаетъ мною время,
Грудь не вѣчностью полна;
Не безъ ропота подъ бремя
Преклоняю ремена;
Ты послалъ мнѣ испытанья...
Ахъ! несу не безъ стенанья,
Не безъ слезъ, Владыко мой
Крестъ мнѣ посланный тобой!

* * *

Слабыхъ щитъ, податель силы!
Силу мнѣ твою пошли,
Смѣлый взоръ за мракъ могилы
Да воздвигну отъ земли;
Разрѣши меня отъ плѣна,
Отъ оковъ слѣпыхъ страстей;
Духъ даруй мнѣ выше тлѣна
Высота всѣхъ мірскихъ сѣтей,
Подъ святой рукой твоею
Для отчизны долго зрѣю;
Да вѣщаю въ скорбный часъ:
Богъ для неба создалъ насъ.

* * *

Средь разсадника Господня
Для эдема спѣемъ мы;
Мы взошли не для сегодня,
Не для близкой вѣчной тьмы.
Не на мигъ же на страданья
„Будьте“, намъ вѣщалъ творецъ;
Нѣтъ земныя испытанья
Бакъ души, капель сердецъ,
Злато мы въ огнѣ горнила,
Не удержитъ насъ могила:
Тамъ предъ Господомъ своимъ
Чистымъ блескомъ возблестимъ.

* * *

Тамъ за рубежами міра,
Засіяемъ всѣхъ свѣтилъ,
Тамъ куда изъ волнъ эфира
Мой Спаситель воспарилъ.
Онъ мой вождь и предводитель,
Онъ у своего отца
Уготовилъ мнѣ обитель,
Гдѣ нѣтъ радостямъ конца;
Въ часъ, когда закрою вѣжды
На него взложу надежды:
Онъ свою святую кровь
Далъ за насъ: онъ весь любовь.—

Упованіе.

Не опирайся въ буряхъ вѣка
На ломкую сухую трость,
На сына праха—человѣка;
Онъ на землѣ мгновенный гость;
И пусть тебя я не обманетъ,
Пусть ложь не обрѣтется въ немъ;
Но онъ скорѣе злака вянетъ,
Сожженаго дневнымъ лучемъ.

* *
*

Всей душой ввѣряйся Богу,
Богу твоему отцу:
Къ вожделѣнному концу
Только съ нимъ найдешь дорогу.—

* *
*

Не возлагай пустой надежды
На умъ свой: умъ твой суета;
Не всѣ ли смертные невѣжды?
Удѣлъ не всѣхъ ли слѣпота?
Да не питаешь упованья
На блескъ, на силу и на власть:
Или не могутъ отъ дыханья,
Отъ дуновенья вѣтра пасть?

*
* *

Нѣтъ душой ввѣряйся Богу,
Богу твоему отцу:
Къ вожделѣнному концу
Только съ нимъ найдешь дорогу.—

* *
*

Грохочетъ твердь, горитъ и блещетъ;
Колеблется земная ось;
Блѣднѣетъ смертный, міръ трепещетъ...
Но стой, мужайся, — страхъ отбрось:
Тебя хранитъ же Всемогущій,
Онъ преклонился на твой гласъ;
Онъ зритъ тебя, повсюду сущій,
Онъ сосчиталъ твой каждый часъ.

* *
*

Такъ! душой ввѣряйся Богу,
Богу, твоему отцу:
Съ Богомъ къ мирному концу,
Въ пристань обрѣтешь дорогу.

* *
*

Въ туманахъ безпредѣльной ночи,
Средь призраковъ тьмы нѣмой
Оглохъ твой слухъ, ослѣпли очи,
Блуждаешь скользкою тропой;
Вступаетъ въ члены утомленье,
Стопы усталыя дрожатъ,
То мразъ поимлешь, то волненье,
Тресешься ужасомъ объятъ...

* *
*

Но душой ввѣряйся Богу,
Богу, твоему отцу;
Въ мракѣ къ святому концу
Онъ ведетъ твою дорогу.

* *
*

Ты плачешь и ломаешь руки,
Подъемлешь безутѣшный стонъ,
Но минетъ время краткой муки:
Тобою будетъ познанъ онъ,
Святый, который испытанья
Во благо посылаетъ намъ
Творитъ блаженство и страданья
И насъ даруетъ небесамъ.

* *
*

Смѣло же ввѣряйся Богу,
Богу, твоему отцу:
Къ вожделѣнному концу
Съ Богомъ обрѣтешь дорогу.

* *
*

Ужели мать не помнитъ чада,
Или отецъ своихъ дѣтей?
Но если даже—Богъ ограда
И щитъ и кровъ главы твоей.
Еще не зрѣлъ ты для созданья,
А онъ ужъ пекся о тебѣ:
Свои надежды и желанья
Все поручи его Судьбѣ.

* *
*

Всей душой ввѣряйся Богу,
Богу, твоему отцу:
Къ вожделѣнному концу
Только съ нимъ найдешь дорогу.

Молитва скорби.

„Да будешь вѣчно прославляемъ!
Ты Богъ мой!“—И молвлю я въ слезахъ;
Но пепелъ я, и тлѣнъ, и прахъ.
И нынѣ скорбью подавляемъ,
Премудры всѣ твои пути,
Твои судьбы — любовь; и что же?
И вѣрю я тебѣ, мой Боже!
Я унываю... отпусти
Вину печали, грѣхъ безсилья
Мнѣ, слабому.—О! Дай мнѣ крылья,
Которыя бы вознесли
Въ отчизну, выше бѣдъ земли,
Усталый духъ мой. — Тьма глухая,
Ужасная кругомъ меня;
Лишь изрѣдка, изъ тучъ сверкая,
Зарницы, полныя огня,
Густыя ткани тверди звѣздной
Разрѣзываютъ: — мигъ — и нѣтъ!
Въ мракъ міръ опять одѣтъ,
И только знаю, что надъ бездной
Неизмѣримою стою.
И жизнь утекшую свою
Я заклинаю,—днемъ минувшимъ,
Лѣтамъ отцвѣтшимъ говорю:
„Васъ не гналъ я, мнѣ зарю
Отдайте вновь; друзьямъ уснувшимъ,
Умершимъ радостямъ моимъ
Ужъ не воскреснуть.—Спите! имъ

Давно сказалъ я. — Только Бога,
Отца и Спаса моего
Мнѣ возвратите. — Отчего
Въ ту глубь мнѣ трудная дорога?
Отнынѣ Господа да зрю
Такъ видимо, такъ зрѣлъ когда то, —
И жалобы не повторю,
И будетъ мнѣ страданье свято".
Блуждалъ я все же, зналъ и зрѣлъ,
Что свѣтъ мой будущій удѣлъ,
Что горе только путь къ блаженству,
Что здѣсь я зрѣю, что ведомъ
По дебри — такъ. Но въ отчій домъ,
По терніямъ, — но къ совершенству.
И не таю, я уповалъ:
„И здѣсь не будетъ безъ отрады.
И здѣсь еще за рядомъ скалъ
Я набреду на вертограды".
Мечталъ я: „Ключъ воды живой
Подъ пальмой, подъ шатромъ прохлады
Найдется жъ и въ степи сухой".
И ждалъ я: годы за годами
Тянулись, — не было конца.
Искалъ я жадными очами:
Все было пусто: ликъ отца
Завѣшанъ, мнилось, облаками.
„Ты Богъ мой" — молвлю я въ слазахъ;
Но пепелъ я, и тлѣнъ, и прахъ...
Безъ ропота мои моленья:
Но да услышитъ Богъ любви.
Что ты мнѣ близко, мнѣ яви,
Яви мнѣ знаменье спасенья. —

Спасеніе.

Какъ съ поля битвы паръ зловонья,
Какъ нечестивый фиміамъ,
Который съ требы беззаконья
Восходитъ къ суетнымъ Богамъ, —
Такъ вызывая громы мщенья
Вздымались къ гнѣвнымъ небесамъ
Мои грѣхи и преступленья
И были надъ моей главой
Суда мнѣ близкаго трубой.

* * *

А я? Я въ слѣпотѣ ужасной,
Что казнь близка мнѣ, — не постигъ;
Я не слыхалъ грозы стогласной,
Надъ бездной я скользилъ, — и мигъ, —
И поглощенъ я былъ бы ею.
Но милосердый зрилъ и рекъ:
„Не къ гибели рукою моею,
Нѣтъ! Къ жизни созданъ человѣкъ;" —
И се, — его посолъ притекъ. —

* * *

Такъ рекъ Господь: „Гряди въ страданье!
И духъ заснувшій пробуди
Въ печаль и страхъ и покаянье
Въ остывшей грѣшника груди. —

Увы! Нашло,—(о, я не чаялъ).
Какъ буря, какъ девятый валъ;
Нашло, — я трепеталъ, я таялъ

* *
*

„Меня ли мой ближній не заступитъ?
Меня ль мой братъ, мой вѣрный другъ
Изъ узъ страданья не искупитъ?—
Но вѣрныхъ мнѣ разорванъ кругъ,

* *
*

Тогда изъ безпредѣльной ночи,
Изъ неисходной бездны я
Воздвигъ на небо гласъ и очи:
„Господь не помощь ли моя?—
Ахъ! Онъ покровъ единыхъ правыхъ:

* *
*

Воззрѣлъ я безотрадный,
На грозный сонмъ моихъ грѣховъ:
Вступаетъ въ сердцѣ ужасъ хладный,
Я пасть подъ бременемъ готовъ,

* *
*

Вдругъ лучъ разрѣзалъ тьму, и что же?
Устами сына твоего,
Что ты отвѣтствовалъ, о Боже,
На вопли сердца моего?
„Не посѣку сѣкирой гнѣва

* *
*

Зима минетъ, наступитъ лѣто:
Въ златые сочные плоды,
Быть можетъ будетъ же одѣто
И наградитъ мои труды“.—
О радость! Слышу вѣсть благую,

И, блѣденъ, трепетенъ и малъ,
Всплеснувъ руками воскликалъ:

* *
*

Но братъ мой на мои мученья
Бросаетъ взоръ изъ отдаленья:
Моей надежды посохъ гнилъ:
Всесильный щитъ мой сокрушилъ.

* *
*

Святѣйшій и чистѣйшій духъ,
Онъ отъ моленія лукавыхъ,
Тѣхъ, въ коихъ огнь любви потухъ,
Не внемля, отвращаетъ слухъ..

* *
*

Ношусь одинъ въ пучинѣ горя,
Недуга и боязни полнъ,
Какъ средь неистоваго моря,
Игралище и бурь и волнъ,
Безъ кормчаго разбитый челнъ.—

* *
*

И пламени не вдругъ предамъ
Безплоднаго, сухого древа;
Но приложу труды къ трудамъ,
Но попекусь о немъ я самъ.

* *
*

Съ небесъ несется дивный гласъ:
„Безгрѣшный кровь свою святую,
Погибели пролилъ за васъ;
Мужайся: и тебя онъ спасъ.“—

* *
*

Его душою умиленной,
Его въ печаляхъ призови;
Не сломитъ трости сокрушенной
Онъ весь исполненный любви:
„Ко мнѣ“, зоветъ—ко мнѣ придите.

Всѣ отягченные трудомъ,
Сберитесь подъ моимъ крыломъ,
Вкусите миръ въ моей защитѣ:
Не жизнь ли подъ моимъ Крестомъ?

* *
*

Боритесь всѣ — и успокойтесь:
Не дамъ тяжелыхъ вамъ бременъ;
Нѣтъ и за моего не бойтесь.
Я сердцемъ кротокъ и смиренъ“. —

Твой крестъ возьму я: въ немъ спасенье!
Въ твой слѣдъ пойду, Владыко мой!
И бодро испью цѣленье
Изъ чаши горькой, и благой,
Мнѣ данной Господи тобой.

* *
*

Меня не дремными очами,
О добрый пастырь! Ты слѣдилъ;
Мнѣ благотворными грозами
Потрясъ ты сердце, Боже силъ.
Ты гордость буйную училъ

И душу сирую мою
Къ себѣ призвалъ, къ себѣ приблизилъ:
Подъ твой покровъ, подъ сѣнь твою
Ее спасенной отдаю.

* *
*

Хвала тебѣ и пѣснопѣнье!
И горе благостной рукой
Ты мнѣ въ искусъ и очищенье
Послалъ, хранитель вѣрный мой.
Прославлю я твое даянье,

Живительный священный страхъ
И благотворное страданье:
Ты въ скорбныхъ слышишься сердцахъ;
И я тебя позналъ въ слезахъ.

Цвѣтъ померанца, сорванный съ могилы Корсакова—поэта.

Здѣсь опять ты Исфранлъ!
Радъ я гостю дорогому,
Радъ хотя бы и спарилъ
Въ долъ по своду голубому,
Какъ недавно,—не съ толпой
Легкихъ радужныхъ видѣній,

А съ запасомъ поученій,
А съ суровой журьбой.
Но сегодня кроткій ясный,
Не браниться хочешь ты.
Мнѣ сказать ли другъ прекрасный.
Въ часъ иной ты съ высоты

Въ темный уголокъ мой сходишь,
Силу шлешь, восторгъ и свѣтъ,
Жизнью пышешь, а не видишь
Все же трепетъ,—нынѣ нѣтъ
Нынѣ! Ангелъ, другъ небесный!
Будто брата твой привѣтъ
Ты не въ розный цвѣтъ одѣтъ
Нестерпимый и чудесный,
На ланитахъ розы цвѣтъ...
Словно звѣзды, дѣти ночи,
На усталую волну,—
Мнѣ лазоревые очи
Въ грудь пролили тишину.
Радужныя крылья даже,
Дивный призракъ, данный стражѣ
Вертоградовъ неземныхъ,
Доловъ и полей эфира,
Даже ихъ посланникъ міра,
Прядью кудрей золотыхъ
Ты завѣсилъ Исфраила. Изъ отчизны
Не принесъ я укоризны,
Бѣдный труженникъ тебѣ.
Мой страдалецъ одинокій,
Предоставилъ я судьбѣ
Долгъ печальный, долгъ жестокій
За унынie въ борьбѣ,
За безсилiе въ усильяхъ
Выговаривать тебѣ.—
Мчуся я на звучныхъ крыльяхъ,
Разсѣкаю я эфиръ
Не исправить грѣшный міръ
А убрать его цвѣтами.—
Встань,—веселыми глазами
На меня ты посмотри:
Вотъ гостинецъ, у зари,
У подруги вѣчно сонной,
Сладкопѣвца соловья
Варвитонь сереброструнный
Выпросилъ нарочно я.

* *
*

И восторгомъ оживленный,
Я колѣна преклонилъ
Подалъ варвитонъ священный,
Улыбаясь Исфраилъ.
„Струнъ коснись“, вѣщалъ хранитель
„Ихъ теперь же обнови,
Огласи свою обитель
Гимномъ вѣры и любви“.
Струны тронулъ... звѣздами
Засверкали подъ рукой,
Раздались, запѣли сосны,
Будто движимы душой.
Просвѣтлѣло.—Грусть глухая
Съ сердца спала, какъ гора...
Что-жъ—не ты ли вдругъ, сестра,
Предо мною, какъ живая.—
Такъ—ты помнишь обо мнѣ
Средь полуденнаго рая.—
Ночью при нѣмой лунѣ
Листьевъ заунывный шопотъ
Вздохъ, глубокій, томный ропотъ
Струй лепечущихъ во снѣ
Вѣщій голосъ темной дали,
Вѣтеръ вѣющій съ небесъ,
Въ волны думы погружали
Въ хладный край нашъ увлекали
Духъ твой изъ страны чудесъ.
Тамъ въ Италiи прелесной
Ты нашла и холмъ безвѣстный,
Гробъ, который святъ для насъ,
Для друзей пѣвца младаго...
Рано съ пиршества земнаго
Онъ ушелъ.—Онъ столь угасъ
Подъ роскошной твердью юга...
Для меня съ могилы друга
Тамъ сорвала ты цвѣтокъ,

Даръ, залогъ благословенный,
Дружбы вѣчной неизмѣнной.
Непостижно грозенъ рокъ:
Но надъ нею рокъ безъ власти;

Дружбы Галіи моей
Не лишатъ меня напасти,
Ни злословія, ни страсти,
Ни гоненія людей.

Два сонета.

Ураніоновъ другъ, божественный Танталъ
На небо восходилъ въ чертогъ ихъ свѣтозарный
И за амброзіей, за чашею нектарной,
Гость, собесѣдникъ ихъ, межъ ними пировалъ.

* * *

И что же? Согрѣшилъ Танталъ неблагодарный
Похитилъ пищу ихъ и въ адъ съ Олимпа палъ
Очнулся въ летѣ онъ и слышитъ плещетъ валъ
Испилъ бы труженникъ,—прочь валъ бѣжитъ коварный...

* * *

Прочь отъ засохшихъ устъ, потокъ обильныхъ водъ
Надъ жаждою его смѣется.—Будто дѣва
Прелестнея, такъ свѣжъ, виситъ румяный плодъ;
Кажись, зоветъ; „сорви“, а въ немъ огонь Эрева
Свирѣпый голодъ... но умретъ за родомъ родъ,
Плода не схватитъ мужъ проклятія и гнѣва.—

* * *

„Пыльной древности преданья воскресилъ;
Къ чему? мы знаемъ всѣ отъ велика и до мала
Разсказы о судьбѣ несчастнаго Тантала:
Впередъ побереги запасъ и рифамъ и силъ“.—
Не спорю; правы вы; такъ сказка обветшала,
И миѳовъ греческихъ давно забытый илъ
Теперь уже не тотъ, которымъ, словно Нилъ,
Рѣкъ временъ умы когда то утучняла.

* * *

Но что? не я ли самъ страдалецъ тотъ Танталъ?
И я живалъ въ раю;—за чашею нектарной

Молитвѣ и пѣсней я на небѣ пировалъ.
И вотъ и я, какъ онъ, съ Олимпа въ бездну палъ;
Бѣжитъ отъ устъ моихъ засохшихъ валъ коварный;
Ловлю:—Изъ подъ руки уходитъ плодъ янтарный.

Эмиліи.

У васъ все было безъ раздѣла:
И мысль, и радость, и печаль:—
Но вдругъ въ таинственную даль
Твоя подруга отлетѣла.—
Твои легчайшія мечты
Въ ея груди отвѣтъ встрѣчали
Она была другая—ты;
Въ ней изъ могильной темноты
Твои родные воскрешали:
Вдругъ нѣтъ ея. Стоитъ одна
Въ пустынѣ жизни безотрадной:
Отъ сердца твоего она
Безжалостно оторвана
Судьбой безчувственной и хладной.
Не ропщишь ты: несешь свой крестъ,
Таишь страданья,—молча тужишь,
Сиротъ лелѣешь, бѣднымъ служишь,
И шепчешь; „другъ мой выше звѣздъ;
Посмотритъ на меня оттолѣ
Покорствую небесной волѣ:
Вѣдь съ нею не надолго я
Разстались, Ангелы друзья
Давно утраченныя нами
Мою Катишу обо мнѣ
Разспрашиваютъ въ той странѣ
И вскорѣ быстрыми крылами
И я взмахну и, отъ земли
Скрывая въ радужной дали,
Тамъ, гдѣ отецъ и мать и братья
Съ восторгомъ брошусь къ ней въ объятья.

На смерть Николая Глинки.

Ты жилъ, ты подавалъ блестящія надежды:
Вдругъ ты исчезъ,—и не исполнилъ ихъ;
Предъ рокомъ мы стоимъ унылыя певѣжды.
И говоримъ: Зачѣмъ покинулъ ты своихъ.
Зачѣмъ разстался съ жизнью молодою,
И слѣда не оставилъ на землѣ.
Ты былъ для насъ отрадною звѣздою
Въ житейской безотрадной мглѣ
Звѣзда погасла: огненной струею,
Разрѣзавъ небо, твой мгновенный свѣтъ
Подобно быстрому ночному метеору,

Пронесся по обору.—
И мы глядимъ,—и нѣтъ.—
Что-жъ?—о тебѣ воспоминанье
Какъ въ смутное, несвязное мечтанье,
Изгладится изъ памяти друзей.
О мой питомецъ, сынъ души моей!
Ужели даромъ я, поэтъ, тебя взлелѣялъ.
Отъ плевелъ, заблужденія, страстей
Я самаго себя предъ всюдусущимъ взвѣялъ
И въ грудь твою изъ собственной своей
Все лучшее, что было въ ней,
Съ боязненной любовью сѣялъ...
И это все напрасно.—Ты
Сокрылся въ лоно темноты.
А думалъ я: „мое моленье
Угодно будетъ благостной судьбѣ:
Безъ слабостей и пятенъ обновленья
Себѣ предвижу: Возрожусь въ тебѣ“.
Но одного еще удара
Не доставало мнѣ,—и онъ меня сразилъ.
Едино не было средь милыхъ мнѣ могилъ.—
И вотъ на ней, какъ отецъ Оскара
Сижу я одинокъ, осиротѣлый бардъ.
И даже звуковъ погребальныхъ
Мнѣ не извлечь изъ струнъ своихъ печальныхъ:
Ахъ, духъ мой не обниметъ будто нардъ,
Твоихъ прекрасныхъ чертъ, мой юноша, не тлѣньемъ;
Подъ бременемъ страданья онъ поникъ
И не въ моихъ стихахъ возлюбленный твой ликъ,
Восторжествуетъ надъ забвеньемъ.

А. И. Орлову.

Я простился съ Селенгою
Я сказалъ: „прости Уда“
Но душа летитъ туда,
Гдѣ я сблизился съ тобою,
Гдѣ философъ и поэтъ,
Ты забылъ коварный свѣтъ,
Тамъ, гдѣ подалъ ты мнѣ руку,
Тамъ и я было забылъ
Жребій свой, знанья муку,
Я взглянулъ, (неразобрано)
Чувствъ прервалось усыпленье,
Пробудилось на мгновенье
Что-то прошлое во мнѣ;

Прежній духъ мой—вдохновенье
Пронеслось будто во снѣ
Надъ моей сѣдой главою...
Незабвенъ мнѣ домъ пѣвца:
Исфраилъ живетъ съ тобою.
Холь же милаго жильца,
Береги, онъ ангелъ свѣта
Съ нимъ, хранителемъ поэта,
Ты въ лицо смотри судьбѣ.

Пѣснь его—не та ли Лета,
Изъ Элизія рѣка,
Коей сладостныя волны
Давнихъ волхованій полны,
Плещутъ въ райскіе брега.—
Тамъ не область испытанья,
Тамъ не помнятъ что страданья
Тамъ невѣдома тоска.

М. А. Дохтурову.

Такъ знаю: въ радужные дни
Утѣхъ и радостей, въ круженьѣ свѣта
Не вспомнишь ты изгнанника поэта;
Хоть въ непогоду друга помяни.
Мимо чтобы страданья и печали
Летали и тебя въ полетѣ миновали;
Но не былъ никому дарованъ вѣкъ
Всегда безоблачный и ясный:
Холопъ судьбы суровой человѣкъ
Когда нависнетъ мракъ ненастный
И надъ твоей головой;
Пусть объ руку съ надеждою и вѣрой,
Какъ просвѣтъ средь мглы взволнованной и сѣрой
Тебѣ предстанетъ образъ мой.

Аннушкѣ Разгильдѣевой.

Если путникъ утомленный
Обрѣтетъ въ степи глухой
Цвѣтъ душистый и смиренный,
Воскресаетъ онъ душой.
Обѣщаетъ цвѣтъ прекрасный
Вечеръ сладостный и ясный,
Послѣ тягостнаго дня.
„Ждетъ меня ручей прохладный,
Роща подъ свой щитъ отрадный
Приметъ до утра меня“.
Такъ шепталъ пришлецъ усталый
И сорвалъ цвѣточекъ алый.
И къ устамъ его прижалъ.
Другъ, и я было усталъ:
Горьки были испытанья
Ношу тяжкаго страданья.
Среди пустынь и тундръ и скалъ
Я искалъ въ краю изгнанья;
Вдругъ ко мнѣ вспорхнула ты,
Будто съ горней высоты
Ангелъ мира, ангелъ свѣта.
Изъ - за горныхъ черныхъ тучъ
Мнѣ мелькнулъ весенній лучъ,

Лучъ радостного привѣта:
Долъ угрюмой темноты
Вкругъ меня ты озарила
Блескомъ дѣтской красоты.
Мнѣ дана обратно сила,
Я съ судьбой мирюся вновь:
Здѣсь знакомымъ чѣмъ-то вѣ-
ють,
Здѣсь семьи моей любовь
Душу труженника грѣетъ.

Варенькѣ Разгильдѣевой.

Фантазія, Ундина, Пери
(Любое имя выбирай)
Ахъ скоро за тобою двери
Затворятся,—прощай, прощай.
Услышитъ скоро дальній край
Твои затѣи, смѣхъ и шутки
Рѣзвиться перестанешь ты
Вокругъ меня..... Твои жъ
черты,
Черты безцѣнной мнѣ малютки,
Я въ сердцѣ сохраню, повѣрь.
И буду ждать съ тоскою,
Чтобы опять твоей рукою
Вдругъ отворилась наша дверь,
Чтобъ ты предлетя веселье,
Опять въ мою вспорхнула
келью
И здѣсь все было какъ теперь.

Колыбельная пѣсня.

Баю байки баю
Душку байкую мою.
Глазки свѣтлые сомкни,
До утра, мой свѣтъ, усни.
Баю байки баю
Душку байкую мою.
Сонный уносися въ рай
Съ божьимъ ангеломъ играй.
Баю байки и пр.
Чистъ твой ангелъ и пригожъ,
На тебя, дружокъ похожъ.
Баю байки и пр.
Есть и очи у него
Какъ у Миши моего.
Баю байки и пр.
Щечки, какъ заря, горятъ,
Губки цѣловать манятъ.
Баю байки и пр.
Онъ хранитель твой и другъ,
Гонитъ отъ тебя недугъ.
Баю байки и пр.
Вздохи съ устъ твоихъ беретъ
И на небо ихъ несетъ.
Баю байки и пр.
Вздохи и молитвы тѣ
За тебя и о тебѣ.
Баю байки и пр.
Спи-жъ, голубчикъ, по по-
чамъ,
Выростай на радость намъ.
Баю байки баю,
Душку байкую мою.

Поэмы. Юрій и Ксанъ матушкѣ.

Но Ахилловъ гнѣвъ и Менаденъ Трои,
Нѣтъ душеньку ною какъ добрый Ипполитъ—
Когда-то говорилъ. И баловню Хоритъ,
Сложивъ косматый шлемъ, повѣсивъ мечъ и щитъ
Внимали русскіе герои.
Гордились дѣды имъ, онъ дорогъ былъ отцамъ;

И много дней прошло, а дорогъ онъ и намъ.
Поэтъ безпечный былъ хранимъ Екатериной
Писала въ оный вѣкъ законы племенамъ
Великая жена рукой единой;
Другою же къ пѣвцамъ
Съ привѣтомъ, съ ласкою простирала.
Ихъ берегла, хранила, утѣшала,
И улыбалась ихъ стихамъ
Онъ, не искавъ, нашелъ любовь, покровъ, защиту...
Себя не уподоблю Ипполиту;
Все сходство: какъ попъ, я не воину пою,
Вамъ пѣснь смиренную, вамъ други, отдаю.
Не будетъ ли пѣвца счастливѣе творенье.
Ахъ, донесетъ ли къ вамъ простую быль мою —
Попутныхъ вѣтровъ дуновенье.
На васъ взглянуть бы, я не смѣю
Со мною связанныхъ не только кровью,
Но вѣрной, но въ бѣдахъ испытанною любовь:
О пусть бы брату вы предстали не во снѣ,
Пусть попа разсказъ о русской старинѣ
Пришла бы слушать!—ей, мой родимый,
Рукой судьбы непостижимой
Страданій чаша полная дана,
Стиховъ, быть можетъ, свѣтлая волна
Съ ея души тоску снесла бы на мгновенье,
Дала бы боли сердца облегченье
И намъ казалось бы еще всѣ тѣ же дни.
Когда и мы не вѣдали печали,
Когда въ прекрасномъ Закупѣ они
Для насъ безъ бури протекали.—

Эпилогъ той же поэмы.

Ослабли струны; арфа умолкая,
Едва трепещетъ подъ моей рукой...
Царица пѣсней вѣчно молодая,
Волшебница!—Я разстаюсь съ тобою
Ты на отлетѣ въ вертограды рая,
Ты въ путь обратный манишь за собою
Народъ свой звучный, легкія мечтанья,
Тебя не удержать мнѣ до свиданья.

* *
*

Лишь ночь помедли: вѣдь сама же ты
Въ груди моей былое пробудила.
Не пала ли завѣса слѣпоты.
Не вѣютъ ли отцвѣтшей жизни крылья,
Текутъ лучи изъ бездны темноты,
Зажглись, горятъ погасшія свѣтила
Окликаетъ, будитъ жителей гробовъ,
Могучая твой чудотворный зовъ.

* *
*

Въ безсильномъ, бренномъ сердцѣ я вмещу ли?
Блаженства столь мнѣ новаго приливъ.
Подъ бурей упоенья не паду ли.
Онъ, чьею славою я былъ счастливъ,
Чьи вѣжды (такъ скорбелъ я) смерть, сонъ ли—
Предсталъ передо мною онъ, онъ живъ,
Мой Аскандеръ, души моей избранный,
Моей любви любовью вѣчной данный.

* *
*

Царица пѣсней! Рвется длань къ струнамъ,
Вдыхаютъ пери, мысль огнемъ объята...
Теперь-то вторить мнѣ твоимъ устамъ.
Брецанье, топотъ, звонъ и громъ раската,
Рѣкою лейтесь.—Братъ внимаетъ намъ,
Насъ наградитъ за пѣснь вниманье брата.
Вновь дни тѣ блещутъ, какъ ни чьихъ похвалъ,
Какъ лишь его улыбки я желалъ.

* *
*

Бывало предъ начальствомъ начертаньемъ
Стою, тобою наполненъ, упоенъ:
Весь духъ мой, весь поглотился я свиданьемъ;
Я весь въ картинѣ, весь въ нее вперенъ,—
Я вдругъ надеждой, страхомъ пожеланьемъ
Къ нему стремлюсь, къ нему я унесенъ
И вопрошаю: „Въ душу друга дѣва,
Прольются ль токи нашего напѣва.

* *
*

И вотъ же вновь судьбою думъ моихъ
Взоръ мнѣ безцѣнный, свѣтлый и правдивый
О радость каждый колохъ, каждый стихъ
Вновь стану несть къ нему, нетерпѣливый
Онъ склонитъ слухъ, участья полнъ и тихъ,
И шумна-жъ будетъ жатва съ нашей нивы.
Воскресъ, воскресъ мой міръ! Со мною вновь
Поэзія, и юность, и любовь!

* *
*

Таи же тяжкихъ сновидѣній бремя!
Такъ всталъ я, утро! Предо мной народъ
Знакомый мнѣ, полуденное племя,
Казбека только дѣвственное темя,
Разрѣзавъ льдомъ небесъ лазурныхъ сводъ,
Тамъ свѣтится на краѣ тверди ясной...
Опять я гость твой, Гуджатанъ прекрасный.

* *
*

Сверкаешь, Куръ, пропасть между скалъ,
Мнѣ вожделѣнно струнъ твоихъ стенанье:
Дробяся, поднимаетъ каждый валъ
Со дна души моей воспоминанье...
Что-жъ на сердце какъ будто камень палъ,
И стало слышно жилъ мнѣ трепетанье,
И полуденный облилъ мнѣ чело.
„Узналъ ли ты“? вдругъ что-то мнѣ рекло.

* *
*

„Утесъ узналъ ли дерзастный и мрачный
И тамъ на немъ подъ блещущемъ шатромъ,
Подъ синевой безбрежной и прозрачной
Уединенный древній Божій домъ
Молитвъ и жизни чистой и безбрачной,
Безмолвную обитель“.—Все кругомъ
Безмолвно, голо: но Христовы чада
Тамъ побараютъ міръ и силы ада.

* *
*

Давидъ имъ посптъ Таръ пріютъ,
Драгая вѣрѣ и душѣ поэта,
Того, чьи вѣщи псолмы текутъ,
Потоки дивные огня и свѣта;
И дни родятся и лѣта умрутъ,
А вѣчно жизнью пѣснь его согрѣта,
Страдалъ, какъ мы, любилъ и плакалъ онъ.
И святъ его надъ падшимъ другомъ стонъ.

* *
*

Ты, нареченная по немъ обитель
Привѣтъ мой.—Я бывалъ въ твоихъ стѣнахъ;
Вотъ я, опять твой вѣрный посѣтитель
Но свѣжій гробъ—чей здѣсь почіетъ прахъ?
Могилы этой кто недавній житель?
Увы мнѣ: меркнетъ свѣтъ въ моихъ очахъ.
Исполнилась моихъ страданій мѣра:
Здѣсь прахъ, здѣсь трупъ кровавый Шандеръ.

Кудеяръ.

(Баллада).

1.

Подъ зеркаломъ Истьи рѣки тихоструйной.
Не свѣтлый булатный шеломъ
Блеститъ на головушкѣ храброй и буйной.—
Надъ рѣчкою красуется домъ.
Тотъ домъ не жилье—тіуна хоромы,
А нивы что море кругомъ.

2.

Въ забѣглой Печорѣ надъ Истьей рѣкою
Въ покоѣ Истама сидитъ
И правитъ привольной запрошной страною
И судъ и расправу творитъ;
Но бился и онъ подъ невѣрной Казанью
Онъ витязь отважный, воскормленный бранью,
Прославилъ и мечъ свой и щитъ.

3.

Восемь молодцевъ могучихъ и красныхъ
Взростилъ у себя въ терему,
Вмѣстѣ ихъ выпустилъ соколовъ ясныхъ
И ввѣкъ не видать ихъ ему:
Всѣ семеро вмѣстѣ подъ Полоцкомъ пали,
И съ дочкой Истама остался въ печали
Самъ другъ въ опустѣломъ дому.

4.

Еще ли казна старика не богата?
Въ подвалѣ мѣшки въ три ряда
Но пусть, и душа же его таровата:
Къ нему приведетъ ли нужда,
Совѣтомъ и деньгами всякому служитъ,
Напоитъ, накормитъ, и даже не тужитъ,
Ласковъ ко всѣмъ и всегда.

5.

Всѣ любятъ Истому, а дѣвицу втрое;
Она ли не счастіе всѣхъ?
Изронитъ ли Маша словцо золотое,—
Кручиниться, хмуриться грѣхъ;
Съ привѣтной улыбкой подъемлетъ ли очи,
Кажись, посвѣтлѣетъ угрюмость и ночи,
Найдетъ на уныніе смѣхъ.

6.

Отцу же сердечная жизни дороже,
Пусть ляжетъ на міръ тишина,—
Старикъ не прострется на мягкое ложе,
Не вкуситъ отраднаго сна,
Пока заступленія его не испроситъ
У той, чье имя небесное носитъ
Съ священной купели она.

7.

На Истьѣ спокойно и мирно въ Печорѣ
Первый,—двѣнадцатый годъ,

Но по свѣту рыщетъ крылатое горе,
Познать согрѣшилъ ли народъ:
Зима миновала, съ наставшей весною
И въ полѣ невзгода и страхъ надъ рѣкою.
Опасны дорога и бродъ.

8.

Узнали на Истьѣ рѣкѣ Кудеяра,
И трепетъ напалъ на людей·
Онъ ночь освѣщаетъ огнями пожара,
Онъ рѣжетъ и женъ и дѣтей;
Добро бы удынецъ, добро бы язычникъ,
А вѣдь окаянный опальный опричникъ,
Вѣдь не изъ татаръ же злодѣй.

9.

Что тамъ пастухомъ позабыта скотина
Зачѣмъ безъ коровъ безъ овецъ
Пастухъ прибѣжалъ и дрожитъ какъ осина?
Онъ молвилъ Истамѣ: отецъ.
Подпали мы тягости гнѣва Господня:—
Зарѣзанъ твой гость, отпущенный сегодня,
Московскій богатый купецъ.

10.

Тіунъ еще первому не далъ отвѣта,
А въ двери вломился другой:
„Отправился попъ нашъ и рано до свѣта
Къ больному со требой святой,
Ждала попадья, недождалась—выходитъ,
И что-жъ? Его мертвымъ у брода находитъ
Сраженнаго въ сердце стрѣлой...

11.

Вотъ третій, да долженъ же быть издалеча,
Съ усталаго спрянулъ коня.
Людей истребила кровавая сѣча,
Ихъ кубы—не сыплятъ огня;
Ни старыхъ, ни малыхъ не минула кара,
Побилъ и младенцевъ плетень Кудеяра;
Дѣвицъ не щадила рѣзня.

12.

Тіуна не грохотъ нежданнаго грома,
Не ревъ облаковъ оглушилъ,—
Отъ вѣсти ужасной трясется Истама,
Насилу и крестъ сотворилъ;
Но вдругъ закипѣло, зажглось ретивое:
Не время ли Истама воспомнилъ былое,
Не время ли цвѣта и силъ.

13.

Тѣ дни когда грознаго славному дѣду
Усердный и вѣрный слуга,
И онъ помогалъ роковую побѣду
Исхитить изъ рукъ у врага.
Когда отъ удара его рокового,
Какъ снопъ повалился съ коня воронаго
Наѣздникъ Измаилъ—Ага!

14.

„За мной“!—закричалъ, „по горячему слѣду!
Ребята! проворнѣй за мной!“—
И слово летитъ отъ соида къ соиду,
И въ мигъ собрался толпой:
Одинъ появился съ копьемъ долгомѣрнымъ
Другой съ самопаломъ надежнымъ и вѣрнымъ,
А тотъ съ опущенной косой.

15.

Но путь ли замѣтятъ унесшейся птицы
Въ пучинѣ воздушныхъ зыбей.
Въ пустынѣ ли сыщутъ берлогу убійцы?
Безбрежное море степей
На югѣ синѣетъ, теряясь для взора;
На сѣверѣ—ночь безпредѣльнаго бора,
Жилище воровъ и звѣрей.

16.

Пѣшкомъ и верхомъ по степямъ и по лѣсу,
Искали съ утра до поры,

Какъ вечеръ накинулъ сѣдую навѣсу
На темя прирѣчной горы,
Какъ пахарь ушелъ подъ обухую кровлю,
Какъ вышла она на полночную ловлю
Изъ темной тайной норы.

17.

Искали злодѣя и въ лѣвѣ и въ правѣ,—
Нигдѣ отыскать не могли,
Искали въ равнинѣ, въ долинѣ, дубравѣ,
Но нѣтъ и слѣда не нашли.—
Когда же померкла тверь голубая,
И чуть озарила луна золотая
Лицо задремавшей земли,—

18.

Они повернули къ жилищу тіуна,
Назадъ повернули къ рѣкѣ;
И что же? не змѣятся ли блески перуна
На краѣ небесъ вдалекѣ?
Но молнья вьется неболѣ мгновенья,
А свѣтъ тотъ горитъ и горитъ безъ затменья.—
Запыла душа въ старикѣ.

19.

Дрожитъ за дитя свое бѣдный Истама,
„Царю мой небесный пожаръ.
По полю ношусь я, а здорова ли дома.
Что если злодѣй Кудеяръ...“
Отцовское сердце болитъ и тоскуетъ,
Охъ, вѣщее сердце недоброе чуетъ,
(Нѣтъ въ оригиналѣ) рукой ударъ.

20.

И бурею мчится Истама и вскорѣ
До Истьи рѣки доскакалъ
Узналъ безтѣлесный, узналъ свое горе,
Несчастный бѣду отгадалъ.
Онъ всталъ и взглянулъ, обомлѣлъ и трепещетъ
Надъ Истьей зарево полымемъ блещетъ:
Отъ крова потокъ...

21.

И чу? Зазвучало! Не конскій ли топотъ
Навстрѣчу летитъ ли?—Но нѣтъ!
Тіунъ заглушаетъ души своей ропотъ,
Горитъ, разрываетъ свѣтъ.
Ретивое въ немъ обливается кровью,
И мучится местью, тоской и любовью
А держитъ разумный совѣтъ.

22.

Самъ страшенъ и блѣденъ и тихъ, какъ покойникъ,
А вѣрной дружинѣ шепнулъ:
Бѣды не исправить; все кончилъ разбойникъ
Избилъ на горѣ караулъ
И теремъ зажегъ и разграбилъ селенье,
Сгубленнымъ, зарѣзаннымъ поздно спасенье
Но слушайте,—слушайте: гулъ.—

23.

„Съ кроваваго пиршества песъ нечестивый
Несется прямешенько къ намъ“;
Тѣ молвили, „предалъ же Богъ справедливый
Грабителя нашимъ рукамъ.—
Въ траву и тростникъ и кустарникъ заляжемъ;
Пускай подойдетъ; ему дружбу докажемъ,
Заплатимъ ему по дѣламъ“.

24.

Легли, выжидаютъ, едва они дышатъ:
Отчаяньемъ каждый объятъ,
Все ближе и ближе, и явственно слышатъ:
Не конски-ль копыта звучатъ;—
И вотъ изъ-за рощи гремя и сверкая,
Не шайка ли вдругъ показалась лихая?
Не въ лѣсъ ли злодѣи спѣшатъ?

25.

Они же? Впереди Кудеяръ кровожадный..
Прорѣзала тучи луна:
И что же и что же? отецъ безотрадный!
Въ рукахъ его чувствъ лишена,
Какъ горлица въ пасти свирѣпаго змія.—
Твое ли дитя—ахъ твоя ли Марія?—
Старикъ злополучный,—она!

26.

„Марія“! Тіунъ простоналъ и перуномъ
Ударилъ на шайку,—вой,
Неистовый вой поднялся за тіуномъ,
Печора бросается въ бой.
Разбойники дрогли, назадъ, но и съ тыла,
Съ боковъ и со всюду Печора завыла,
Со всюда напала толпой.

27.

Не ждали губители хитрой засады,
И нѣтъ избавленія имъ;
А думаютъ: намъ не просить же пощады
Мольбой никого не смягчимъ;
Невыгодно драться,—да сдаться не прибыль:
Безъ битвы же жизнь продадимъ.

28.

Но бѣшано бьются, но силы ихъ малы,
Но бѣшано бьются-жъ и тѣ.
И вотъ уже трети злодѣевъ не стало
Изранены всѣ въ темнотѣ.
Не раненъ одинъ атаманъ ихъ ужасный,
Истама боится Маріи безгласной
Ударъ нанести въ темнотѣ.

29.

И вдругъ Кудеяръ булавою граненой
Въ шишакъ старика улучилъ:
Шишакъ разлетѣлся—тіунъ оглушенный

Не взвидѣлъ на небѣ свѣтилъ;
А тотъ повернулся и прорвалъ Печору,
Такъ по бокамъ и на ближнюю гору
Изъ подъ ихъ пещалей и вылъ...

30.

Смутило дружину Истамы паденье,
Но, громко къ дружинѣ возвавъ,
Воспрянулъ Истама и въ то же мгновенье
Къ горѣ устремился, стремглавъ.
Нѣтъ нынѣ побѣгъ не избавитъ злодѣя:
Сломить на горѣ ему буйную шею,
Не вырваться сколь не лукавъ.

32.

Рѣзвы и проворны проклятаго ноги;
Но въ степь ли, дубраву уйти?
Въ дубраву и въ степь переняты дороги.
За рѣчку ли взвейся, лети,
Умчись сизымъ ворономъ, бѣлою чайкою;
Да и себя не спасти.

32.

Глядитъ Кудеяръ во всѣ стороны съ горки
Не вѣсти ли ждетъ молодецъ?
Не ищетъ ли тепленькой, темненькой ночки?
Вдругъ! ахъ милосердный творецъ!
Плеснула рѣка подъ горою крутою,
И что-то бѣлѣетъ и крикъ надъ рѣкою
„Марія“! Завопилъ отецъ.

33.

„О Господи Боже, дитя мое тонетъ“.
И палъ словно громомъ убитъ.
И рвется Печора и воетъ, и стонетъ.
Къ рѣкѣ не бѣжитъ, а летитъ,
Въ мигъ вся набросилася въ рѣку дружина
Да, видѣла Машу рѣчная пучина;
Но духъ ея кто возвратитъ?

34.

Не мѣсяцъ на тверди лазуревый, ясный,
Не ярый свѣтъ въ алтарѣ,—
Потухнула жизнь души-дѣвицы красной
Погасла на самой зарѣ.
(не разобрано) Съ чернаго яра,
Въ пучину столкнула рука Кудеяра;
Самъ онъ хохоталъ на горѣ.

35.

Ушелъ, убѣжалъ окаянный, но кара,
Ужели его не найдетъ.
Спасетъ ли изъ божіихъ рукъ Кудеяра,
Быстрѣйшій орлиный полетъ.
Сразитъ его завтра, когда не сегодня,
Сразитъ душегубца денница Господня,
Проклятаго бездна пожретъ.—

Пахомъ Степановичъ.

(сказка).

Цѣловальника нѣтъ дома,
Да проворная жена,
Угощаетъ всѣхъ одна,

Проситъ посидѣть Пахома;
А ужъ кружку допилъ онъ,
Всталъ и хочетъ выдти вонъ.

* * *

Что торопишься, служивый.
Нѣтъ хозяюшка душа,
Брага ваша хороша,
Да капралъ старикъ сварливый;

Полетусь-ка я домой,
Путь счастливый. Богъ съ тобой.

* * *

Спотыкнулся у порога
И немного подь хмелькомъ
Вышелъ изъ корьчмы Пахомъ.

Черезъ лѣсъ лежитъ дорога,
Все еловникъ да сосна,
Ночь такъ выпала темна.

* * *

Пусть темна, не для Пахома,
Ночью, днемъ намъ все равно:
Молодцу давнымъ давно

Та дороженька знакома.
Вотъ и пѣсню затянулъ:
Пѣснѣ отвѣчаетъ гулъ.

* *
*

Онъ поетъ и лѣсъ дремучій
Словно баня, душенъ сталъ;
Тяжко филинъ простоналъ,
Грозно громоздятся тучи.

Вдругъ съ бересты понесъ листъ
Вѣтеръ всталъ и поднялъ свистъ.

* *
*

Небо разразилось громомъ
По лѣсу раздался трескъ,
Тьму разрѣзалъ яркій блескъ;
Цѣловальникъ предъ Пахомомъ...

„А Потанычъ, здравствуй, братъ“.
Молвилъ старику солдатъ.

* *
*

„Гдѣ гулялъ, Пахомъ Степанычъ“
Говоритъ старикъ ему.
— Къ вамъ я заходилъ въ корчьму.

„Что же не остался на ночь.
— Къ перекличькѣ тороплюсь.
Служба; палокъ, братъ, боюсь.

* *
*

„Э! Степанычъ, что за служба.
Твой капралъ хранитъ давно.
Отвѣчать ужъ все равно:

Воротись вотъ будетъ дружба.
Горе мы зальемъ виномъ:
Не упрямься, свѣтъ Пахомъ“.

* *
*

Тускло свѣтится лучина;
Холодна изба темна,
Нацѣдилъ старикъ вина:
„Пей же, веселись, дѣтина.

Нынче праздникъ; выпей что-жъ“!
А того подрала дрожь.

* *
*

Да зачѣмъ же эти очи
Такъ и блещутъ и горятъ.
Что за дикій, чудный взглядъ.

И сдается въ мракѣ ночи,
То подниметъ старика
Мигомъ вверхъ до потолка.

* *
*

То опять исчезнетъ, сгинетъ.
Глядь: онъ, какъ ребенокъ малъ;
Глядь: до крыши лбомъ досталъ.

Смотритъ,—глядь,—и кровь въ немъ стынетъ,
Вонъ и пара чертенятъ
Языкомъ его дразнятъ.

* *
*

Что блѣднѣешь? вмѣсто фабры
Не прикажешь ли румянъ.
Что тутъ думать? Вишь ты
пьянъ.

Въ самомъ дѣлѣ.—Шепчетъ
храбрый.
Знать то мальчики въ глазахъ,
Нѣтъ не для солдата страхъ.

* *
*

— Ну, старикъ, налей же чару;
Да, смотри же пополнѣй.
Я прозябъ въ избѣ твоей,

Надо, братъ, прибавить пару...
Вотъ,—(разомъ) спать пора.
„Такъ прощай же до утра".

* *
*

Легъ служивый на полати.
Цѣловальникъ былъ не скупъ,
Далъ служивому тулупъ.

Вотъ и самъ ужъ на кровати,
И заснули крѣпкимъ сномъ
И хозяинъ и Пахомъ.

* *
*

Изъ тяжелыхъ тучъ сверк-
нулъ,
Къ нимъ въ окошко заглянулъ,

Мѣсяцъ съ синевы ненастной;
Смотритъ молодцу въ глаза:
Рѣже дождь, прошла гроза.

* *
*

Просыпается Степанычъ...
Гдѣ же въ глубинѣ (дальше
пропущено въ оригиналѣ).

Изъ-за сосенъ (будто левъ)
черный зѣвъ,
Раззѣвастъ, будто левъ.

* *
*

Тамъ же, гдѣ луна свѣтила,
Гдѣ лежалъ и спалъ Пахомъ,
Подъ свалившимся крестомъ

Одинокая могила;
Вздрогнувъ мчится молодецъ,
Цѣловальникъ-то мертвецъ.

* *
*

Саванъ —теплая овчина
Платье мертвеца того,
Даръ Пахому отъ него;

Пилъ изъ черепа дѣтина,
Что же пилъ,—не знаю я.
Но не вышелъ онъ, друзья.

* *
*

Въ томъ лѣсу понынѣ бро-
дитъ
Средь медвѣдей и волковъ,
Ждетъ разгульныхъ молодцовъ

И въ болото ихъ заводитъ;
А солдатъ былъ хоть куда.
Гдѣ вино, тамъ и бѣда.

Ружье.

(пѣсня греческаго клефта).

Прицѣлился я изъ-за скалъ,
Ага пошатнулся и палъ;
Я снялъ съ его тѣла кинжалъ.

Кинжалъ мой, кинжалъ ты мнѣ дорогъ.

* * *

Къ пашѣ я прокрался въ шатеръ;
Онъ вскрикнулъ, — я руку простеръ,

Кинжалъ мой широкъ и востеръ:
Паша покатился за пологъ.

* * *

Невѣрные ловятъ меня:
Съ ихъ ружей пошла трескотня,

Я вдругъ на его же коня,
И нѣтъ меня, нѣтъ среди ночи.

* * *

Мнѣ милъ вороной съ того дня:
Онъ выручилъ, вынесъ меня;

Но ножъ мнѣ милѣе коня,
Ружье же милѣе, чѣмъ очи.

Къ женщинамъ.

(изъ Юрія къ Ксеніи).

Пора мнѣ обратиться къ вамъ,
Красавицы: не вы-ль пѣвцамъ
Даете жаръ и вдохновенье.
И переслали провидѣнье.
До окончанія вѣковъ
Поэтовъ, сладостныхъословъ
Изъ міра красоты истлѣнной.
Союзъ безсмертный и священный
Да свяжетъ съ красотой земной.
И заповѣди касаясь эрфъ согласныхъ
Улыбки жаждутъ устъ прекрасныхъ.

Изъ-подъ волшебныхъ мощныхъ рукъ
Исторгнется ли дивный звукъ,
Дающій тѣло и дыханье
Всему, что жаждетъ дарованье,
Сквозь тонкую завѣсу мглы
Хотятъ увидѣть. — Что хвалы
Блаженство ихъ, когда ихъ струны
Бросаютъ въ мракъ временъ перуны,
Когда ихъ духъ отваги полнъ.
Ныряетъ въ бездну свѣтлыхъ волнъ.
Въ безбрежный океанъ видѣній.

И машетъ, гость героя, геній
Широкимъ, радостнымъ крыломъ
Надъ ихъ сіяющемъ челомъ.
Не ваши ли рукоплесканья,
И мнѣ приноситель мечтанья,
Вливали въ алчный слухъ подъ часъ.
Очами духами заѣлъ я васъ.
И скорбь позабывалъ земную,
Восторга пилъ струю златую
И чудотворный токъ огня
Небеснаго живилъ меня;
Шепталъ я: дѣва лучъ грядущихъ,
Подъ сѣнію сирень цвѣтущихъ,
При тихомъ лепетѣ ручья,
При стонѣ томномъ соловья,
На длань приникнувъ головою,
Прочтетъ разсказъ мой и слезою,
Росой лазоревыхъ очей,
Почтитъ отзывъ души моей.
Уже спокойной и блаженной,
Но изъ Эдема привлеченной
Къ душѣ ей близкой.—О мечты!
И сладкія твои уста
Коварны, полные обмана.
И какъ созданье изъ тумана,
Подобье замка, легкій паръ,
Не стерпитъ, таетъ, если жаръ,
Прольется съ тверди раскаленной,
Такъ пѣснь моя исчезнетъ.—Пусть.
Я все-жъ былъ счастливъ: боль и грусть
Стихи отъ сердца отгоняли
И отлетали всѣ печали,
Когда, бывало, горныхъ дѣвъ
Царицъ гармоніи напѣвъ
Ловлю я упоеннымъ ухомъ
И, упоясь за ними духомъ
Въ страну волшебной старины,
За жизнь и міръ пріемлю сны.

BINDING SECT. MAY 13 1968

PG 3337 K5A17 1908
Kiukhel'beker, Vil'gel'm Karlovich
Polnoe sobranie stikhotvorenii

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 19 10 04 022 4